

Женя Паук

Предрассветный час

18+

Женя Паук

Предрассветный час

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69245146

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник из двух рассказов. "Предрассветный час" – мистический хоррор об апокалипсисе. "Сквозь корни к звёздам" – абстрактное произведение на тему повседневности с элементами триллера, философии и долей психоделии.

Содержание

Предрасветный час	4
Часть 1. Винсент Смит	4
Часть 2. Сальвия Альба	120
Сквозь корни к звёздам	185
Глава 1	185
Глава 2	236

Женя Паук

Предрассветный час

Предрассветный час

Часть 1. Винсент Смит

Однажды холодное море выбросило на берег дневник с вырванными страницами. Он был упакован в плотный пакет, так что вода не повредила его. Беда была лишь в том, что стояла глухая ночь, и прочесть его было некому. Надпись на его белой обложке гласила:

"Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден."

Библия, откровения Иоанна Богослова, Апокалипсис

Вот что можно было прочесть на уцелевших страницах:

* * *

"...цветы начинали вянуть. Вроде бы тепло, и лампа хорошая, специальная, и поливал их Винсент каждый день, а

им всё равно что-то не нравилось. "Надо будет попробовать те удобрения, про которые Майк говорил," – думал Винсент, забираясь в свой дом, которым ему служила старая машина скорой помощи, а вернее, один её каркас. Но не сегодня. Сегодня он должен попытаться закончить работу. Он включил комнатную лампу на батарейках, достал свою тетрадь и прислушался. Вроде бы тихо. Он погрузился в работу и не отрывался от своих записей до позднего вечера, пока не почувствовал, что основательно проголодался. Тогда он вылез из своего жилища и отправился через гараж в столовую. Машин не было ни одной. "Снова все на выезде" – не без грусти подумал он. Персонала нехватка жуткая, конечно. Но он ничем помочь не может. В столовой тоже никого не оказалось. Винсент достал из холодильника продукты и принялся готовить картошку с грибами. Вообще в это время редко бывало настолько тихо. Обычно хотя бы один из диспетчеров кофе пьёт. Только Винсент дожарил картошку и добавил в неё варёные грибы-лисички вперемешку с луком, как в дверь столовой кто-то постучал. Винсент насторожился, зачем-то взял нож и осторожно подошел к двери. Там стояла маленькая хрупкая девушка в медицинском костюме.

– А, Рика, это ты. Чего пугаешь? Стучать-то зачем?

– Ну-у... Всё-таки... Не моя это территория...

– Брось, мы все тут одним делом заняты.

Винсент спохватился:

– А ты вообще что тут делаешь в такое время?!

– Да... Знаешь, этот гад сдох. Пришлось остаться, прибраться всё...

Винсент непонимающе округлил глаза. Рика засмеялась:

– Да прибор наш! Вечно с ним что-то не так. А я им говорила, на свалку ему давно пора. Не сможешь с этим делом, а, Винс? По твоей же вроде как части.

– Боюсь, мы оба с тобой на той же свалке и окажемся.

Вот тут некоторые не помедлили бы съязвить, что Винс и так живет на свалке, но только не Рика.

– Да, это точно. Слушай, я чего пришла-то. У тебя сигаретки не найдется? Я сегодня к такому долгому рабочему дню не готовилась...

– Ты забыла, что я бросил? Хотя, постой...

Винсент вытащил из навесного шкафа початую пачку дорогих сигарет, забытую фельдшером прошлой смены.

– Бери.

Рика замахала руками:

– Да ну, не надо, вдруг он против будет...

– Бери, скажу что я взял, да и он не будет против.

Рика скромно взяла одну сигаретку, а потом, подумав, взяла ещё одну и засунула за ухо.

– Ты, может, есть хочешь?

Рика заинтересованно вытянула шею и принялась.

– Жареные лисички на кукурузном масле с картошкой.

Сам собирал. В смысле лисички.

Рика улыбнулась:

– Я бы не отказалась, да объедать тебя не хочу. Ты себя в зеркало давно видел? Совсем отощал за последнее время...

Винсент горько усмехнулся:

– Знаешь, за последнее время все мы...

– Да, – резко прервала Рика и лицо её застыло, – Можешь не продолжать.

Повисло неловкое молчание.

– Ладно, пойду я что ли... работать, – произнесла последнее слово с омерзением, Рика удалилась.

Хорошая девочка, только какая-то неустроенная, неприспособленная. Вот, например, какого это рожна она всё время допоздна в своей лаборатории ковыряется? У них, между прочим, полон штат сотрудников... Ладно, я тут помочь мало чем смогу, – одёрнул себя Винсент и сел было за свой ужин, как из коридора раздался до тошноты знакомый смех. И тут же появилась она, как всегда ухмыляясь до ушей, в своём всегдашнем ярко-красном с золотым платье, опоясанном чёрным поясом с бляхой в виде Солнца, невыносимо довольная и громкая, глумливая ведьма Амаэрасу.

– Ну что, похоже, нашему добряку Винсенту сегодня не удалось спасти очередную пташку, а? Ха-ха-ха-ха...! Попросил бы для начала совета у той, кто из мира, где возможно всё!

Столовая заполнилась кроваво-красными неестественно блестящими бабочками, которые, как всегда, казалось, разносили по всем углам осточертевший хохот ведьмы.

– Твою мать...! Я могу хотя бы пожрать спокойно?! И не нужны мне твои советы!

– Пожрать спокойно хочешь?! – удивлённо воскликнула Амаэрасу, подошла к плите и схватила сковороду с картошкой. Ведьма начала махать сковородкой перед лицом Винсента, словно теннисной ракеткой, причём еда из неё не вываливалась. А Винсент только знай себе уворачивайся то и дело жалко вскрикивая "ну прекрати! Что за детский сад в самом деле!" Наиздевавшись вдоволь, Амаэрасу, не прекращая хохотать, выкинула картошку в окно вместе со сковородкой.

– Если хочешь пожрать да ещё и покойно, отправляйся в "Сердце Арканы" и закажи себе спаржу, пареный сельдерей с тофу а на десерт – их новое фирменное блюдо – малиновый пирог со свежими ягодами на тесте из сырых орехов! Дорогая и качественная пища, живая музыка и обслуживание по высшему классу! Да ещё и симпатичные молодые девушки не дуры туда заглядывать! Вот что такое пожрать спокойно, Винс. Беги в Сердце Арканы немедленно, или, как подсказывает моё сердце – у тебя скоро будут проблемы... – убрав красную прядь со лба, обратила взор синих глаз к потолку, – м-м-м... с цветами. Твоим цветам грозит опасность, Винсент! Ты же любишь их? Это хорошо, но про себя забывать тоже не стоит!

Оглушительно захохотав, Амаэрасу исчезла, рассыпавшись на сотню красных бабочек.

Винсент, как всегда бывает после её появления, ещё какое-то время сидел, словно парализованный. Он заставил себя встать и подойти к плите. Сковородка исчезла. На улице её тоже не оказалось. Винсента охватила ярость. "А может, ну их, эти цветы? Невелика цена. Хотя кого я обманываю. Сегодня цветы, а завтра..." – думал он. В животе заурчало. В бессильной злобе он поднялся и направился к выходу. В дверях Винсент столкнулся с Рикой, в руках которой была глубокая тарелка.

– Винс, если то предложение ещё в силе, я бы попробовала твои грибы, – улыбаясь, скромно сказала она.

– Прости, уже все съел, – ответил Винсент, стараясь не встречаться с Рикой взглядом.

– А куда ты собрался на ночь глядя? – удивилась Рика.

– В Сердце Арканы, судя по всему, – не глядя на неё сказал Винсент, натянул на глаза капюшон и быстро зашагал в сторону автобусной остановки.

– Да у тебя аппетит как у волка! – весело крикнула вслед Рика.

Ресторан Сердце Арканы располагался в самом центре города, напротив Центральной площади, между мэрией и Родной Планетой, лучшей гостиницей Арканы. В Сердце был полный аншлаг, было видно ещё с улицы, поскольку стены главного зала в ресторане были стеклянные. Винсент всегда думал, что это для того, чтобы лишний раз продемонстрировать, как же, мол, хорошо сидеть за одним из этих рос-

кошных, красного дерева столиков, на каждом из которых выполненные под старину подсвечники со свечами, горящими разноцветным пламенем, как же здорово поглощать эти дорогие изысканные блюда под живую музыку очередной джазовой певички и упиваться креплённым вином и не менее креплённым самолюбием. И похоже, посетителей эта открытость нисколько не смущала. Скорее, наоборот. Винсент презрительно сплюнул и, преодолевая спазм в горле, вошёл в холл. Его тут же встретила парочка официантов, по виду скорее напоминающих королевскую охрану на военном параде. Они оглядели Винсента с ног до головы и фальшивые улыбки с их лиц куда-то пропали.

– Извините, сэр, к сожалению, все столики сегодня заняты, – сухо проговорил один и тут же покосился на здоровенного амбала в форме секьюрити. Второй с деловым видом засеменял прочь.

– Понимаю, – грустно проговорил Винсент, – но пожалуйста, войдите в моё положение. Мне сегодня просто необходимо быть здесь.

Особенно выделив слово «необходимо», Винсент достал смартфон и показал метрдотелю состояние его счёта. Метрдотель округлил глаза и сказал более мягко:

– Прошу прощения ещё раз, сэр, но в действительности все столики заняты по предварительным заказам. Видите ли, сегодня особенный вечер...

– У меня тоже, а потому я всё же вынужден просить

вас что-нибудь придумать, – перебил Винсент, наклонился и прошептал ему на ухо одно слово.

Метрдотель переменялся в лице.

– Я должен поговорить с администратором, – сказал он и удалился. Через пару минут он вернулся и произнес без тени прежнего презрения:

– Простите меня. Прошу Вас, следуйте за мной.

Винсент мысленно поблагодарил Бога, что это сработало. Он не особо на это надеялся.

Его проводили к небольшому круглому столику у дальнего окна рядом со сценой. Винсенту не очень понравилось предложенное место: на виду у прохожих, да ещё и певица на его взгляд выла чересчур громко, явно с трудом вытягивая некоторые ноты. Но выбирать не приходилось.

Винсент, ещё не усевшись, заказал названные ведьмой блюда.

– Прекрасный выбор, Сэр, сию минуту. Что-нибудь выпьете?

– Нет, благодарю покорно. Хотя, постойте. Пожалуй, вина... Нет, лучше виски.

Официант учтиво поклонился, многозначительно глядя в глаза Винсенту, и удалился. Он ещё не успел скрыться из виду, а на стол уже поставили бутылочку виски, а к ней дымчатого коричневого стекла гранёный стакан, хрустальную миску с холодными камнями и ломтиками лайма. Мысленно похвалив обслуживающий персонал, Винсент налил себе треть

стакана коричневого, пахнущего деревом напитка и выпил. По телу и разуму мгновенно распространилось тепло и приятная расслабленность, чувство, почти позабытое Винсентом за последнее время. Мысленно пообещав себе не привыкнуть к такому способу расслабляться, Винсент позволил себе погрузиться в это чувство и закрыл глаза.

– Так-так-так, как это называется? Теперь у нас к выпивке прилагается собутыльник? До чего дошёл прогресс! – услышал он бойкий женский голос с непонятым акцентом. Винсент открыл глаза и увидел, что за его столиком сидит женщина лет тридцати с мальчишечьим веснушчатым лицом. Половина волос, едва касающихся плеч, у нее была чёрная, половина зеленая. Не глядя на Винсента, она пила виски из его стакана и поправляла макияж, смотрясь в карманное зеркало в форме шестиконечной звезды. Винсент вскочил.

– П-простите, я... Меня отвели сюда и... наверное, ошиблись...

– Сядь, – фамильярно приказала женщина и Винсент послушался.

– Пей, – сказала она и локтем отодвинула от себя стакан, продолжая наводить марафет.

Винсент выпил, изумленно разглядывая соседку. Тут подоспел официант, принесший еду и бутылку виски Винсенту.

– Мадам Денуа, простите за неудобства. Я говорил с администратором, у этого господина особая ситуация...

Женщина замахала маленькой веснушчатой ручкой, на каждом пальце которой было по серебряному кольцу, украшенному разного цвета цветками.

– Прекрати, Паоло, ты же знаешь, я рада любой компании.

Она захлопнула свое зеркальце и подалась вперед, разглядывая Винсента с каким-то агрессивным любопытством.

– Особенно такой... необычной.

Паоло учтиво поклонился и исчез.

– И что же во мне... необычного? – с сомнением произнес Винсент, отклоняясь назад.

Мадам Денуа прищурилась и коротко ответила:

– Всё.

Винсент не нашелся, что ответить, пожал плечами, с сомнением посмотрел на расставленные на столе блюда, и, вздохнув, безо всякого аппетита взялся за нож и вилку. Мадам Денуа достала сигареты и предложила Винсенту. Тот покачал головой.

– Спасибо, не курю.

Денуа усмехнулась.

– Ну вот к примеру. Ни разу еще не встречала тут некурящего.

– Полагаю, всё когда-то бывает в первый раз, – сухо отметил Винсент, – например, раньше подобные места мне посещать не доводилось.

– Это и так заметно с первого взгляда. Ну, и какая нелегкая занесла тебя сюда? Дай угадаю. Женщина, да? Она здесь

работает? Или нет, погоди. Неужели ты здесь ради Клаудии Шайн?

Денуа откинулась на спинку стула и громко расхохоталась. Винсент поёжился, смехом иностранка походила на Амаэрасу.

– Готова поспорить на твой чек, так и есть! Бедолага. Наверняка ты тут такой не один... Хотя, наверняка единственный... твоего социального слоя. Небось долго копил на поход сюда, а? Увы. Боюсь, придется тебя разочаровать. Клаудия Шайн вовсе не та женщина, из-за которой стоит...

– Вы правы в одном, мадам Денуа, я здесь, можно сказать, из-за женщины. Но кто такая Клаудия Шайн, я не имею ни малейшего понятия, – грубо прервал хохочащую соседку Винсент. Её манеры ужасно его раздражали и он уже был готов усесться на пол, подальше, прямо возле выхода...

Соседка сморщилась и сказала:

– Умоляю, хоть ты избавь меня от этих отвратительных манер. Я Мари, так меня и зови. И прекрати наконец выкать, можно подумать я тебе в матери гожусь. Так значит, всё-таки из-за женщины, да? Ну конечно. Зачем ещё сюда приходить такому как ты. Итак, кто она? Официантка? Певица? Или нет, постой. Ты ещё сам не знаешь! Хочешь подцепить кого? Мамочку?

Мари снова потянулась к нему и прошептала:

– Могу свести тебя с одной вдовой, ей уже почти пятьдесят, но поверь мне...

– Прекратите, – раздражённо прервал Винсент, дожёвая пирог. Надо было признать, еда тут и вправду была чертовски вкусная, – Ничего вы не поняли.

– Да ладно тебе, не стесняйся. Сам же признался, что дело в женщине. Умоляю, скажи, а то я умру от любопытства. Если скажешь, обещаю, я оплачу твой счёт, что бы ты ни заказал!

Винсент вздохнул и ответил:

– С этой женщиной вы всё равно никогда не сможете увидеться.

Ухмылка испарилась с лица Мари и она, помолчав, сказала:

– Прости. Мы тут, знаешь ли, так увлечены, притворяясь, что всё хорошо, что всё по-прежнему, что в какой-то момент и правда начинаем в это верить. Прости ещё раз. Но не волнуйся, я оплачу счет как и обещала.

– Не стоит, благодарю.

Воцарилось неловкое молчание. Винсент уже расправился с едой, и надо признать, был не против умять ещё порцию-другую. Мари только курила и пила виски, то и дело поглядывая на Винсента.

– Вы бы хоть закусить чего заказали, – вежливо предложил Винсент.

– Закажем, сейчас закажем, не волнуйся!

Мари вскочила и заорала во всю глотку:

– Паоло! Долго ты ещё будешь голодом нас морить? Мяса

и хлеба, быстро!

От её оглушительного вопля у Винсента заложило уши. Странно, но никто из других гостей и ухом не повел.

– Так вы часто здесь бываете?

Мари отвернулась, сделав вид, что не слышит. Винсент произнес сквозь силу:

– Часто сюда ходишь, я смотрю?

Мари Денуа обратила к нему озорную улыбку:

– Да, почти каждый день. Как и большинство тут. Хочешь, в курс дела быстренько введу?

– Нет, спасибо – без колебаний ответил Винсент.

– Видишь вон ту парочку справа от нас? Полная блондинка с худощавым мужичком? Это у нас директор Центрального канала Арканы и его жена. Он её не любит и постоянно изменяет, впрочем, она отвечает тем же. А сюда они ходят, чтобы показать, что у них всё хорошо. Правда, уже непонятно, кому, все и так в курсе, – не обратив никакого внимания на слово «нет», с жаром принялась делиться познаниями Мари.

– Позади нас весёлая компания девиц, слышишь их смех? Уверяю тебя, они бы с большим удовольствием разделявали бы сейчас ресторанными ножами друг друга, чем свои стейки. Это студентки школы моделей имени Клаудии Шайн, все до единой дочки богатых и влиятельных людей. И все до единой красивые, жестокие и неисправимо тупые. А вон тот жирный боров позади, видишь, глаз с них не сводит, вкушал

это сомнительное удовольствие и не раз. Это фотограф.

– Какое удовольствие? – не понял Винсент.

Мари весело хихикнула и указала очередной (наверное двадцатой) дымящейся сигаретой в сторону студенток. Винсент с отвращением отвернулся.

– А вот справа от фотографа ты можешь наблюдать сына заместителя мэра Арканы Ричарда Стронга со своей любовницей. Она – его однокурсница, серая мышь, ничего особенного. Но они вроде бы со школьной скамьи знакомы и он ей доверяет. Считает, она с ним не ради денег, – невозмутимо продолжала она.

– Быть может, так и есть, – хмуро сказал Винсент. Её насмешливость и высокомерие ему не нравились.

Мари снова захихикала и ответила:

– Какой наивный мальчик! Мне это нравится. Есть над чем поработать. Слушай, приходи сюда почаще, а? Если и вправду можешь себе позволить. Хотя, не важно, я буду платить за тебя. Но вряд ли ты согласишься, ты, как я вижу, мальчик гордый... Но правда, ты заходи почаще, еда тут отпадная, люди интересные...

– Насчет еды вынужден согласиться, – мрачно ответил Винсент, – Но вряд ли я приду сюда по своей воле.

Мари откинулась на спинку стула и мечтательно затянулась сигаретой.

– Эх, если бы мой Смотритель давал мне такие поручения...

– Прощу, давай не о Смотрителях. Вот где твоя еда? Уже пора бы...

Стоило Винсенту начать возмущаться, как откуда ни возьмись объявился Паоло и с очень гордым видом принялся расставлять тарелки с дымящимися блюдами перед Мари.

– А вы что-нибудь ещё желаете, сэр?

Винсент помялся и как-то стыдливо произнес:

– Пожалуйста, ещё по две порции предыдущих блюд.

Паоло гордо улыбнулся и исчез.

– Да, еда тут лучшая в городе! Ты такой отродясь не ел. Потому тебя сюда прислал твой Смотритель? Смотрительница, – лукаво поправила себя Мари.

– Я же просил, давай о чём-нибудь другом. А ещё лучше будет, если ты будешь есть и немного помолчишь.

Мари улыбнулась, весело подмигнула ему и принялась с аппетитом и без всяких манер поглощать мясо. Винсент лениво оглядывался по сторонам. Да, общество изысканнее некуда. С виду все такие порядочные, в дорогих костюмах и платьях, с улыбками на лицах и хорошими манерами, а внутри... само собой, у каждого из них миллионы грязных тайн. Хорошие люди не живут в роскоши.

Винсент поднял глаза наверх и увидел балкон, на котором располагались небольшие, далеко расставленные друг от друга столики. С того балкона была прекрасна видна сцена и зал. Все столики наверху тоже были заняты, людьми, на вид ещё более богатыми и отвратительными, чем в основном за-

ле.

– А что ты скажешь о тех, наверху? – спросил Винсент.

Мари с полным ртом мяса помотала головой, через силу проглотила и ответила:

– Ничего хорошего.

– Ну это само собой, – улыбнулся Винсент, – и всё же?

– Мог бы и сам догадаться. Там самые богатые и влиятельные люди нашего города. Впрочем, не только нашего. На самом лучшем месте, например, сегодня мэр с иностранным гостем, дипломатом. Рядом с ними стайка актёров с мировым именем. Эти тут точно из-за Клаудии Шайн.

– Ты сказала «мэр»? Но тут внизу его сын, почему они отдельно...?

– Как тебе сказать... Отцы и дети... Не знаю точно. Но подозреваю, что дело в девушке сына.

– Понятно. А что это все-таки за Клаудия Шайн?

– Ты издеваешься? Да она же самая популярная модель и кинозвезда! Четыре раза была лауреатом Золотой Шкатулки С Секретом и ни разу – лауреатом, достойным такой награды. Ты вообще откуда свалился, Винсент? Или тебя Смотритель... ница содержит в особо строгих условиях?

– Нет, – сдержанно ответил Винсент, поняв, что просить соседку не поднимать неприятную тему бесполезно, – Просто я всем этим миром так называемого киноискусства не особо интересуюсь. Я больше по книгам.

– Понятно, – хмыкнула Мари, – Ну что ж, за последнего

интеллектуала!

Она подняла стакан, наполненный наполовину, над головой и разом выпила.

– Ну а что насчет тебя? Ты кто такая? Всё про всех, видите ли, она знает, а о себе ни слова. В чужом глазу сучок... Ты, может быть, думаешь, что чем-то отличаешься от остальных здесь? Так расскажи, кто ты.

Мари ехидно улыбнулась.

– Ну а ты, Винсент, часом не мнишь себя выше окружающих? Я вижу, как ты смотришь на меня и на всех вокруг.

– Знаешь, быть лучшим человеком на фоне моего сегодняшнего окружения совсем не сложно. Я могу назвать десятки людей, каждый из которых гораздо чище, благороднее, добрее и умереннее, чем все вы вместе взятые.

– Да, возможно, они таковы. Пока на них не свалится богатство, слава, власть... или всё сразу. В кого они превращаются после, ты сам можешь наблюдать...

– Не уходи от темы, – раздраженно прервал Винсент.

Мари вскочила и встала в позу, уперев руки в боки и задрал голову.

– Перед тобой Мари Люси Денуа, младшая дочь Генриха Робера Денуа, праправнучка принца Генриха Альбера Денуа, экономист, чемпионка Арканы по покеру, свободный художник и по совместительству владелец этого заведения.

Винсент выпучил глаза.

– Что... ты... владелец Сердца Арканы?

Мари кивнула.

– Врёшь, – нагло сказал Винсент и скрестил руки на груди, – Совсем за полного идиота меня держишь?

Мари ухмыльнулась и заорала на весь ресторан:

– Паоло!

Паоло как по волшебству возник возле их столика.

– Сегодняшний ужин этого господина за счёт заведения.

Как и все последующие. Что бы он ни заказывал, как бы себя ни вёл и кого бы не приводил, обращаться с ним как со мной.

Отныне Винсент... прости, как, ты сказал, твоя фамилия?

– Смит, – ошарашено произнес Винсент.

– Да, точно. Отныне Винсент Смит – один из наших самых почётных гостей. Ты всё понял, Паоло?

– Разумеется, мадам. Всё как вы прикажете. Что-нибудь ещё?

– Мы тебя позовём, пока свободен.

Паоло по обыкновению поклонился и вновь исчез, оставив Винсента в недоумении.

– Так... а почему ты здесь? Почему не наверху? И вообще зачем тебе всё это? Зачем тебе оказывать мне услуги?

Мари пожала плечами.

– Просто так. Почему бы и нет? Я же говорила, люблю компанию. К тому же я не каждый день встречаю такого как ты. А местные мне уже осточертели. Люблю общаться с разными людьми, с теми, кто не похож на меня в особенности. Так что прошу тебя, приходи сюда почаще. И поверь, ни-

какую услугу я тебе не оказываю. Мне это ничего не стоит. Пользуйся.

Винсент замолчал.

– А это... имеет отношение к твоему Смотрителю?

– Нет, – резко сказала Мари, – клянусь тебе, абсолютно никакого.

Вновь воцарилось молчание.

– Ты не обижайся, но ты не похожа на владельца самого дорогого ресторана Арканы, – стеснительно произнес Винсент.

– А ты много знаешь владельцев ресторанов? – улыбнулась Мари.

– И то правда. Но я подумал, ты слишком молода и... экстравагантна. Я бы скорее представил того жирного фотографа на твоём месте.

Мари расхохоталась.

– Это лучший комплимент, что я слышала за последние годы. Я не так уж молода, мне тридцать девять лет.

– А вот в это ещё труднее поверить, – с сомнением произнес Винсент.

Мари отмахнулась.

– У меня просто хороший косметолог... и генетика. У нас в роду все женщины молодо выглядели лет до пятидесяти. А потом по наследству им переходил еще один подарок – рак. От него мою мать и бабушку не смогли спасти все наши деньги и связи.

– Жаль это слышать.

Мари снова махнула на него рукой.

– Поверь, если бы ты их знал, ты бы так не говорил. Единственное хорошее, что для меня сделала мать, – оставила этот бизнес. И то потому лишь, что физически не была способна им заниматься, а мой брат слишком увлечен прожиганием отцовских денег за границей, чтобы заниматься подобными глупостями. И все равно отец до сих пор считает, что он лучше, чем я.

– А чем занимается твой отец?

– Много чем. Всего и я не знаю. И не хочу знать.

Винсент молчал, постукивая пальцами по столу. Вот, значит, какие среди них попадаются. А я для неё – диковинная новая игрушка. Скучно ей, видите ли. Даже в наши дни кто-то умудряется скучать!

– О чём задумался? – спросила Мари, наклонив голову. Зелёная челка тут же скрыла половину лица.

– Да я вот тут подумал, а может ты убила своего Смотрителя, и поэтому тебе так скучно? Хочешь, своего тебе отдам?

Мари весело расхохоталась.

– Поверь, я бы и рада, но я много чего уже пробовала. Вначале я, как и большинство, думала, что просто с ума сошла. Всё, готово, думаю, белка. Я же, знаешь, выпить всегда любила. А потом заметила, все как-то странно себя ведут. Плюс та волна самоубийств... исчезновения... фанатики...

Винсент молча налил себе полный стакан и выпил.

– Да, может и не время сейчас вспоминать. О! Ты глянь!
А вот и наша звёздочка наконец зажглась!

Винсент развернул стул стороной к сцене.

Внезапно свет погас и все замолчали. Лишь сцена была залита мягким неоновым-синим светом, откуда-то из-за кулис поползли клубы пара. И соткался из этих клубов стройный женский ситует, спиной к посетителям.

– В маленьком доме... на краю Земли...

– раздалось томное женское пение,

– Мы с тобой вместе... познать жизнь смогли,
Ничто для нас беды... когда мы вдвоём,
Сливаясь в одно... о любви мы поём...

Какая глупая песня, думалось Винсенту, но он не мог отрицать эффектность выступления, потрясающий голос Клаудии и её красоту. Клаудия Шайн оказалась очень высокой и стройной девушкой с серебряными кудрявыми волосами, падающими почти до колен. На ней было синее платье, сшитое в старинном стиле, с длинными расклешёнными рукавами, оно почти сливалось с окружающим её неоновым туманом. Она двигалась в нём подобно призраку, и, казалось, она вот-вот растворится, словно мираж. Когда она закончила петь и поклонилась, включили свет и зал взорвался громкими аплодисментами. Не хлопали только Мари Денуа и посетители

на балконе. Винсент хлопал вместе с остальными, и глядя на это, Мари наградила его презрительной ухмылкой и шепнула на ухо:

– А представь, если бы она пела сама...

Винсент обомлел, покраснел и зарылся в тарелку с овощным салатом.

– Спасибо всем, спасибо, мне так приятно наконец вернуться в родной город после утомительного турне...!

Она говорила ещё что-то, о себе, о съёмках очередного фильма с ней в главной роли, о новом альбоме, посылая воздушные поцелуи, снова пела свои глупые песни, и вскоре Винсент почувствовал себя очень пьяным и очень уставшим. Он поднялся, позвал Паоло, намереваясь расплатиться, но Мари напомнила ему, что она тут хозяйка и денег с него тут никто и никогда брать не будет. Она насильно впихнула ему недопитую бутылку виски, вытащила на улицу и посадила в такси. Бессильно развалившись на заднем сиденье, прямо перед тем как окончательно вырубиться, Винсенту показалось, что в дверях ресторана с победным видом стояла Ама-эрасу. А может, и не показалось.

На следующее утро Винсент проснулся с дикой головной болью. Он сразу понял, что работать не сможет и попросил у начальника выходной. Тот был человеком адекватным и до нашествия Смотрителей, а после стал проявлять просто нечеловеческую стойкость и готовность сражаться до по-

следней капли крови. А потому, услышав что у Винса проблемы и это связано со Смотрителями, дал ему неограниченное число выходных со словами "дворник нам, конечно, всегда нужен, но здоровый телом и духом парень нужен ещё больше. Возвращайся, когда вновь им станешь".

Аматэрасу не приказывала Винсенту напиваться, и, выходя от начальника, Винс чувствовал небольшие угрызения совести, но успокаивал себя тем, что всё равно напился по её вине. В конце концов, до катастрофы Винсент не пил вообще.

Наглотавшись обезболивающих, Винсент ниц упал на свою старую кровать, немедленно заскрипевшую ржавыми пружинами. Только он было задремал, и ему даже начал сниться сон о прошлом, как прямо над ухом загремел голос Аматэрасу:

– Ой-ой, вы только посмотрите, что же я наделала! До чего довела честного, скромного, глубоко порядочного человека! Теперь он вынужден мучиться от похмелья в своём клоповнике, зарывшись в подушку, жалея себя и пытаясь забыть всё на свете, в том числе и себя самого. А самое ужасное – забыть о своих цветах. Как ты мог, Винс? Не их ли ты сам вчера пытался защитить? Ведь только к ним одним ты привязан, только к ним питаешь тёплые чувства, разве нет?

– Убирайся к чёрту, – пробубнил Винсент, не поднимая головы от подушки, – К чёрту цветы, и тебя, и весь мир пусть катится в преисподнюю.

– Ну-ну-ну, будет тебе, это же ещё не конец света. Когда будет, я тебе сообщу. А пока что так и быть, отдыхай. Но в шесть часов вечера снова отправляйся в Сердце Арканы. Тебя там будут ждать.

И она исчезла.

Винсент проснулся в половину шестого. Громко выругавшись про себя, он вызвал такси до ресторана. Мари Денуа в самом деле ждала его.

Она сидела за столиком на четверых у окна в компании двух мужчин, одно место было свободно, но на столе были тарелки, рюмки и приборы на четверых. Один спутник Мари был совсем молодой, развязно развалившийся на стуле веснушчатый парень с рыжими нечёсанными кудрями, одетый в яркую свободную одежду, а другой – словно его противоположность: лет сорока с небольшим, темные прилизанные волосы, строгий костюм, очки, осанка.

– А-а, Винс, а мы уже заждались! Садись, твои овощи и коньяк скоро принесут. Кстати, познакомься с моими друзьями: это Альберт Штерн, математик-теоретик, а это – Шон Клевский, владелец сети баров «Приют» и мой вечный смертельный враг в покере.

– Винсент Смит, дворник, – с гордостью представился Винс, глядя преимущественно на Альберта. Он просто не мог представить, что могло связывать математика и экстравагантную избалованную богачку Мари Денуа.

– Вы работаете на станции скорой помощи? Позвольте по-

интересоваться, как обстоят дела в целом? – спросил Альберт.

Вместо ответа Винсент бросил сердитый взгляд на Мари. Та, бесстыдно рассмеявшись, сказала:

– Извини, не смогла удержаться, навела о тебе справки. Не держи зла, Винс, это же комплимент! Неужели тобой часто интересуются женщины, особенно такие как я?

Винсент подумал было сказать, что внимание "таких как она" комплиментом никак не назовёшь, и вообще она себя переоценивает, но сдержался и, как мог спокойно, ответил Альберту:

– Вы знаете, на удивление спокойно. К психам наших больше не вызывают, их доставкой в пункт приёма занимается отдельная служба. А что до всего остального... коллеги говорят, что вызовов стало гораздо меньше.

– Должно быть, за счет снижения числа потенциальных клиентов, – цинично заключил второй, назвавшийся Шоном.

Винсент равнодушно пожал плечами и замолчал, решив, что по возможности вообще не будет вступать ни в какие диалоги. Когда принесли еду, он полностью погрузился в её поглощение, стараясь отключить все прочие органы восприятия, включая мыслительный аппарат. Тем временем сидящие за столом продолжали беседу.

– Так что, Мари, я могу на тебя рассчитывать? Сама знаешь, без тебя мне не справиться. Я опозорюсь на весь мир, Мари! – жалобно-заискивающим голосом говорил рыжево-

лосый паренёк Шон.

– Честное слово? Клянёшься? Ну тогда сам понимаешь, от такого зрелища... – хохотала Мари.

– Ты жестокая, коварная и неблагодарная женщина! Ты забыла о той маленькой услуге? К тому же наше примирение станет сенсацией, уверяю тебя! И будет выгодно нам обоим!

– Ладно, ладно, только не плачь, я подумаю. Ненавижу ноющих мужчин. Впрочем, как и женщин. Лучше расскажи, как там красотка Фрэнни. Есть успехи?

Шон махнул рукой.

– Какие там успехи. Непрístupна как тайны бытия. Я уж и так, и эдак. И деньгами, и славой... а вчера совсем голову потерял, говорю ей – эй, милашка, у нас тут вроде как конец света намечается, отчего бы напоследок не позволить себе всё?

– А она?

– А что она? Она ничего. Сказала, что да, можно и позволить. И ка-ак... в общем, теперь при одной мысли о встрече с ней... пронзает боль... пониже пояса...

Вульгарный смех Мари Денуа раскатом грома прокатился по ресторану. Вытерев слёзы, она ткнула локтём в Альберта со словами:

– А что скажет математика? Какова вероятность того, что красотка Фрэнни передумает?

Альберт поднял голову от тарелки с отбивными и ответил, не задумываясь:

– Математика тут промолчит, а вот психология отношений наверное скажет, что его шансы нисколько не изменились.

– Что-то я не понял, ты меня оскорбил или наоборот? – поморгал рыжими ресницами Шон.

– Я лишь хотел сказать, что в мире человеческих взаимоотношений нет ничего определённого. Мы переменчивы, и особенно это касается женщин.

– А вот теперь я не понимаю. Альберт, ты пытаешься повторить опыт Шона или напроситься ещё на парочку бесплатных ужинов? – подозрительно сощурился глаза, спросила Мари.

Альберт вздохнул, словно его утомляло общение с умственно отсталыми и произнёс:

– Я никого не хотел ни оскорблять, ни хвалить. Переменчивость женщин обусловлена эволюцией – из-за способности к деторождению природа оберегает их чуточку сильнее. Изменчивость необходима, чтобы лучше подстраиваться под наш нестабильный мир. Так мы устроены, только и всего.

– Да, особенно изменчивость нам не мешает теперь, когда нас накрыло это новое стихийное бедствие, которому позавидует любая атомная война... – тихо проговорил Шон.

– Да, кстати, интересно, что там с атомными бомбами? – оживлённо спросила Мари.

– То же, что и с остальным оружием. Просто не функционирует, – ответил Альберт.

– Мда. Примерно как некоторые из нас, – задумчиво сказала Мари, косясь на угрюмо поедающего салат Винсента, – А интересно, кстати, как это выяснилось?

Альберт пожал плечами, и сказал:

– Но ведь ни одного атомного взрыва не было, верно?

– Насколько нам известно, – поправила Мари.

Альберт покачал головой.

– Нет, Смотрители наложили всеобщий запрет на насилие и убийство. Причем, судя по всему, буквально сразу после вторжения.

– И как только Френни удалось его обойти? – обиженно спросил Шон.

– Ну, это просто. Во-первых, запрет касается насилия над людьми, – сказала Мари, выделив интонацией последнее слово. Шон обречённо вздохнул и уронил голову на стол.

– Ну а во-вторых, ничего страшного не случилось. Наоборот, тебе же на пользу.

– Да понял я, понял! Я неудачник. Хватит об этом напоминать. Но в покере я ещё не всю удачу растерял, клянусь! Так что насчёт чемпионата...

– Винсент, а ты завтра работаешь? – перебила Шона Мари.

– Да, – не колеблясь, соврал Винсент, – а что?

– А то, что ответ не верный, – подмигнула Мари, – Не смотри на меня так, твой график работы мне тоже известен.

– Зачем тогда спрашиваешь? – огрызнулся Винсент.

– Хм... ну, скажем, хочу узнать тебя получше. Теперь мне известно, что ты у меня маленький врунишка.

Мари снова подмигнула Винсенту и обратилась к приятелям:

– На выходные всё в силе?

Альберт важно кивнул, а Шон, не поднимая головы от стола, поднял вверх большой палец.

Мари повернулась обратно к Винсенту:

– Завтра у меня будем праздновать Последний день осени. Буду рада, если ты придёшь.

– Спасибо, буду не менее рад вежливо отклонить твое приглашение.

Мари ехидно ухмыльнулась, в глазах сверкнули дьявольские огоньки и она сказала:

– Не очень-то вежливо получилось, ну да ладно, простим тебе на первый раз. Но я, разумеется, предполагала, что ты откажешься. Тем не менее, что-то мне подсказывает, что ты всё равно к нам присоединишься.

И она снова подмигнула ему.

– Это «что-то» тебе явно врёт, – ответил Винсент, с вызовом сверля Мари глазами.

Мари расхохоталась.

– Вот скажите мне, парни, и почему он мне так нравится?

Альберт задумчиво посмотрел на Винсента и сказал:

– Я думаю тебя привлекает то, что ты ему явно не нравишься. Ты к такому не привыкла. Он с тобой груб, зато че-

стен. Ты привыкла всего добиваться легко...

– Ладно, хватит умничать, я это так, тоже мне, психоаналитик от мира цифр. Ну что, ещё по одной и по домам? Мне нужно подготовиться к завтрашнему.

Шон внезапно вскочил:

– Ты что, ещё и не начинала?!

Винсент тоже поднялся.

– Благодарю за ужин, пожалуй на сегодня мне хватит.

Мари с сомнением поглядела на него.

– Ну что ж, так и быть, отпущу тебя сегодня. Ведь выходные предстоят непростые.

Мари подмигнула ему и помахала ручкой.

Винсент пробормотал что-то невнятное и быстрым шагом пошёл прочь, слыша, как рыжий Шон что-то бормотал насчёт чувства ответственности у девушек и как эта отвратительная вульгарная особа по имени Мари Денуа в ответ мерзко и равнодушно хохотала и издевалась над беднягой.

Винсент вернулся домой менее уставшим и пьяным, чем в прошлый раз, но ему всё равно хотелось только одного – уткнуться лицом в подушку и пролежать так остаток жизни.

Но утром он всё же заставил себя подняться и вернуться к работе. Он был из тех людей, которые считают, что труд – лучшее лекарство для души. К обеду ручка перестала писать. Винсент выругался и пошел в ближайший магазин.

Когда он вернулся, в здании и в гараже царила тишина. Судя по всему, сегодня много вызовов, а дневная смена от-

правилась на обед в ближайшую кафешку, как обычно. И потому очень отчетливо слышалась какая-то возня, доносящаяся из жилища Винсента.

Винсент поднял с земли камень и пошел медленнее.

– Твою мать! – вдруг раздался оттуда явно женский голос, довольно писклявый, а за ним грохот.

Винсент бросил камень и помчался на эти странные звуки, переполненный удивлением. В его жилище на полу сидела Рика, трясущимися руками пытающаяся собрать черепки и землю. Любимый цветок Винсента лежал рядом, вызывая ассоциацию с жертвой ДТП.

– Рика! Что ты тут делаешь? – изумленно спросил Винсент.

Рика вздрогнула, воровато оглянулась и густо покраснела.

– Я... я... ну... – заикаясь, она не могла произнести ни слова. С трудом, Рика поднялась, и из-под рубашки у неё выпали тетради Винсента. Хорошие, на девяносто шесть листов, на железных пружинах.

У Винсента округлились глаза и он, кажется, тоже онемел. Рика покраснела ещё больше, и видимо будучи не в силах выносить больше чувство стыда и за невозможностью провалиться сквозь землю, с криком «прости, Винс!» – умчалась со скоростью ветра.

А Винсент так и застыл на месте, не в силах осознать и осмыслить произошедшее. Рика. Эта девочка прокралась к нему... чтобы украсть тетради? Это было настолько бес-

смысленно, настолько непохоже на Рику, что объяснение её странным действиям могло быть лишь одно.

– Не переживай за малышку, это ей же на пользу. Ты же знаешь, какая она, Винс! Скромная тихая серая мышка. Не отвлекайся, думай лучше о своих делах насущных, – не заставив себя долго ждать, раздался за спиной отвратительный голос этого объяснения.

– Ну конечно же, – сквозь зубы произнёс Винсент, – Рика не могла сама додуматься до такого идиотизма.

Аматэрасу засмеялась так, словно Винсент пошутил, а она поддержала его шутку как подруга. Она даже подошла и положила тонкую бледную руку ему на плечо, слегка потрепав его.

– Да, точно, ты прав, сама почему-то не смогла, пришлось ей помочь. Бедняга. Как дети, честное слово! Но не переживай, шанс повзрослеть всё ещё остаётся. Но иногда всё же нужно слушаться маму, чтобы это случилось скорее! Например, сегодня мама не разрешает тебе гулять. Останешься дома, делать домашнюю работу.

– И по какому предмету на этот раз? Надеюсь что не по половому воспитанию. Я в последнее время, знаешь ли, не в настроении. Ну скажи хотя бы, что мы не вместе будем её делать...

Сказав это, Винсент тут же горько пожалел, потому что Аматэрасу разразилась просто оглушительным хохотом. Вытерев слёзы, она ответила:

– Молодец, Винс, я рада, что ты не утратил до конца чувство юмора, это хороший знак. Но спешу огорчить – предмет будет другой, и изучать ты его будешь не со мной. Как я и сказала, сегодня никуда не ходи, даже в магазин, и скоро всё узнаешь.

И она испарилась. Винсент бессильно плюхнулся ничком на кровать. Пролежав так полчаса, он заставил себя встать и вышел во двор, решив, что лучший способ отвлечься – это заняться физическим трудом, благо его работа состояла из него целиком и полностью. Двор как нельзя вовремя засыпало яркими осенними листьями. Он взял метлу и принялся остервенело наводить порядок, вложив в уборку листьев весь свой гнев, всю свою горечь и отчаяние. Он словно бы надеялся вымести всё это к чёртовой матери вместе с мусором и ни в чём не повинными листьями. И будто в издёвку, стоило Винсенту привести в порядок какой-то участок, как ветер срывал с деревьев огромное количество новых листьев, и они мгновенно покрывали землю, газоны, дорожки... но он старался не замечать этого. В какой-то момент он так резко и сильно махнул метлой, что она выпала у него из рук, упав и больно ударив по ноге. Винсент крепко и громко выругался, ощутив невероятный наплыв злости, обращенной больше не к несчастной метле, а к поганым Смотрителям и всему этому проклятому миру. Обессиленный, он рухнул на землю и зарыдал, как ребёнок. Хорошо, что его никто не слышал, видимо все были на вызовах или... он даже знать не хотел, где.

Когда он немного успокоился, он вспомнил, что последний раз вот так рыдал, наверное, лет двадцать назад, когда был ещё совсем молодым и неопытным юношей...

...словом, двадцать лет назад Винсент действительно был молодым неопытным юношей, очень добрым и отзывчивым. И поехали они как-то раз с младшим братом кататься на велосипедах. Это был самый обычный летний день, жили они с семьей тогда в деревне, и поблизости была речка. Они с братом поехали именно туда, где их ждали друзья. Они очень весело провели время, смеялись, купались в речке, рыбачили, жарили на костре рыбу, хлеб и пекли картошку. Этот светлый день остался бы в памяти Винсента как один из самых счастливых, если бы не одно «но». По возвращении домой их с братом ждал сюрприз. Винсент тогда впервые поймал очень крупную рыбу и вез её домой на багажнике, весь в предвкушении, как сейчас будет хвастаться маме с папой, а потом они все вместе поужинают его уловом. И вот юный Винс радостно вбегает в дом, держа рыбину за хвост и тряся ей, и младший братик семенит за ним, и орёт на весь дом:

– Ма! Мама! Папа! Смотрите скорей, что я поймал! Мама! Па-па!

Но вопреки ожиданием дома его встретила зловещая холодная тишина. Не без труда отыскав отца, который почему-то заперся в своём маленьком рабочем кабинете, они сразу поняли, что случилось что-то плохое, только взглянув на

его лицо. По нему бежали слёзы. В руке был стакан с чем-то коричневым и совсем не похожим на чай. Хотя на памяти братьев Смит отец не пил. Вообще.

– Пап? Что такое? Что случилось? – наперебой начали спрашивать побледневшие ребяташки.

Отец всхлипнул, поспешно вытер слёзы и сказал неожиданно твёрдо и даже сурово:

– Мама нас бросила. Она не вернётся.

Затем он вытолкал их обоих за дверь. Братья проревели всю ночь, но осознали то, что произошло, гораздо позже. С тех пор отец воспитывал сыновей в одиночку. Мать они больше никогда не видели.

– Ну и ну, так вот ради какого общества Винсент Смит оставляет моё! – раздался над Винсентом знакомый голос, резко выдернувший его из неприятных воспоминаний. Он открыл глаза. Над ним во всей красе стояла Мари Дэнуа, одетая модно и стильно, но явно не по погоде – мини-юбка в обтяжку, каблуки, топ с открытым животом.

Мари пнула ногой кучку листьев, и они полетели Винсенту в лицо. Он вскочил, вытер, как мог, лицо и густо покраснел. Но Мари, на удивление, деликатно игнорировала это.

– Неужели общество мёртвых листьев и метлы интереснее, чем моё?

– Ты не представляешь, насколько ты права, – проворчал Винсент, повернулся к ней спиной и быстро зашагал прочь. Мари пошла за ним, не отставая ни на шаг. Винсент никогда

не мог понять, как эти женщины умудряются ходить на такие высоченных каблуках, да ещё так быстро.

– Куда это ты? А, собраться? Ну да, всё правильно. Путь нам предстоит неблизкий. Но вообще по-хорошему можешь ничего с собой не брать. Я тебе всё предоставлю. У тебя будет комната, бельё, одежда, еды сколько хочешь... не парься, в общем. Давай-ка лучше время не терять, и...

Винсент остолбенел. Он остановился, и посмотрел на неё как на сумасшедшую.

– Ты о чём вообще говоришь?! – прикрикнул он на неё. Мари отшатнулась и подняла руки.

– Подожди, ты же должен быть в курсе. С сегодняшнего дня ты переезжаешь жить ко мне. Бросаешь работу и свою... берлогу. Но мне сказали, что ты можешь брать с собой, что хочешь, если у тебя есть какие-то дорогие тебе вещи, и... – тихо сказала Мари, глядя на него исподлобья.

Винсент смотрел на неё широко открытыми глазами, не в силах произнести ни слова. Началось, значит...

– Ты получила... приказ? – тихо спросил он. Мари тихо кивнула.

Винсент вздохнул и молча зашагал в сторону своего дома. Как бы ни называла его Мари Денуа, да и все остальные – это его дом. Винсент взял свои рукописи и застыл посреди своего скромного жилища, скромного, мягко говоря, но такого родного, такого простого и чистого...

– Красивые цветы, – раздался за спиной голос Мари, но

какой-то чужой, спокойной и даже немного грустной Мари Денуа, – берём их с собой?

Винсент молча кивнул.

– Давай, я помогу, – сказала Мари и они вместе потащили горшки к её машине, которой оказался огромный джип. Какой-то совершенно неженский джип. К тому же на вид абсолютно обычный, даже Винсент догадался, что не особенно дорогой.

– Ну, чего застыл? Мы едем, или дать тебе время попрощаться с домом, если твой бомжатник можно так назвать? – привел Винсента в чувства голос прежней глумливой Мари Денуа.

– Заткнись, – раздражённо проворчал Винсент, но тут же одёрнул себя, – Извини. Просто я немного в шоке от всего... особенно от твоей машины.

– Да ничего, всё нормально! Наконец-то я начинаю улавливать дружеские нотки в твоей речи! А что не так с моей машиной? А, поняла! Ты ожидал, что я на каком-нибудь дорогом пафосном авто приеду, да? Нет, Винс, в машине главное – практичность. А что думают окружающие, хочешь верь, хочешь нет – мне наплевать.

– Мы не друзья, Мари. И никогда ими не станем. Знаю, звучит грубо, даже враждебно, но я из тех людей, кто предпочитает открытую вражду лицемерной дружбе. Мы живём в разных Вселенных и никогда друг друга не поймём.

– Ты хотел сказать, что это я тебя никогда не пойму? –

спросила Мари, заводя двигатель и выезжая из опустевшего гаража.

Винсент молча уставился в окно. Мари тоже замолчала, сосредоточившись на вождении. Они ехали по пустынной автостраде, справа был город, привычно переливающийся вечерними огнями, словно символ обыденности и стабильности. А слева раскинулись поля, укрытые первым снегом, а за ними лес, голый и пустой, словно символ безнадёжности, отныне и навеки поселившейся в сердцах людей.

А Мари всё продолжала давить на газ, даже когда они съехали с автострады на дорогу, ведущую в лес.

– Может сбавишь скорость?

Мари не отвечала.

– Мари! Прекрати, ты же нас угробишь!

Ноль реакции. Спидометр уже показывал больше ста километров в час.

– Чёрт побери, Денуа, ты совсем рехнулась?! – не своим голосом заревел Винсент, когда Мари еле-еле вписалась в поворот. После чего она резко затормозила, и если бы не ремни безопасности, дело могло бы кончиться плохо для обоих.

Винсент тяжело дышал, испуганно глядя на своего водителя.

– Винсент, – вдруг спокойно и серьёзно произнесла Мари, – я над тобой не смеюсь. Да, я понимаю, что мы, как ты выразился, из разных Вселенных, но разве не каждый из нас

живёт в своём мире? Я тоже не в восторге от происходящего, но я лишь пытаюсь, чёрт побери, изо всех сил пытаюсь окончательно не сойти с ума. Неужели вся эта ерунда про социальные классы всё ещё тебя волнует? Ведь это конец, ты что не видишь? Почему мы не можем просто... просто...

Плечи её дрожали. Она вцепилась в руль так, что побелели костяшки пальцев, продолжая бормотать что-то невнятное.

– Ладно, ладно... прости, я не думал, что тебя это заденет... я не хотел... – Винсент ошарашенно бормотал извинения, дрожащей рукой попытался дотронуться до её плеча, и тут она словно включилась.

– Ну вот и славно! Забудем об этом. Пошли, отсюда пешком недалеко. Прогуляемся.

– Ты что, бросишь машину посреди леса?

– Ну да. А что? Думаешь, украдут? Ничего, машина ведь – не дом родной. Ой! Извини, я не хотела...

– Ты опять издеваешься?!

– Извини, не смогла удержаться. Правда, мне жаль. За это с меня – стакан глинтвейна.

– Я бы сказал, за это с тебя ДВА стакана глинтвейна, – проворчал Винсент, вылезая из машины.

– О! Вот это я понимаю! Да хоть десять, давай только до дома доберёмся.

– погоди, а мои вещи...?

Мари махнула рукой.

– Альфи заберёт. Идём! – крикнула она и умчалась вглубь

леса.

– Альфи...? – недоумевающе переспросил Винсент, едва поспевая за ней.

Они пробежали метров сто, пока Винсент не выдохся.

– Никогда не... понимал, – бормотал он, присев на корточки и тяжело дыша, – как это... женщины... умудряются так носиться... на каблуках...

Мари весело захохотала, доставая из портсигара сигаретку. Она нисколько не запыхалась, казалось, была готова пробежать ещё столько же.

Они стояли на небольшой поляне, залитой вечерним солнцем. С деревьев падали снежинки, переливающиеся жёлтым и красным золотом. С дерева вспорхнула огромная сова, видно, напуганная смехом Мари. Винсент заморожено проводил её взглядом, восхищаясь грациозностью и бесшумностью полёта большой птицы.

– Ну вот, сову напугала. Как знать, может теперь её дети останутся голодными...

– Её дети давно уже выросли, Винс. Уже давно не весна. За неё не переживай. – произнесла Мари, тоже провожая сову взглядом, а затем почему-то злобно сплюнула в её сторону.

– Так далеко ещё до твоего дома?

– Далеко ли? – Мари чиркнула спичкой и закурила, – Нет. Собственно, мы уже пришли.

Винсент оглянулся.

– И ты мне будешь что-то говорить о моём доме? – иро-

нично улыбнулся он.

– Хм-м... Нет, не буду, если ты хорошо попросишь. Впрочем, думаю, это не потребуется, в конце концов, теперь мой дом...

С этими словами мари подошла к самой высокой сосне на опушке и положила на неё ладонь.

... – твой дом.

Вдруг земля под Винсентом задрожала и он испуганно отпрыгнул. Кусок почвы поднялся в воздух, обнажив лестницу, ведущую под землю. Винсент не удержался – присвистнул.

– Ну что, такое только в кино небось видел? – гордо произнесла Мари, – Держи!

Она бросила ему налобный фонарь.

– Да, в одном фильме точно видел, – ответил Винсент, заглядывая в туннель, – Ужасов. Кажется, он назывался «никогда не залезай в секретный туннель посреди леса».

– Особенно если тебя туда приглашает богатая красotka! – весело подхватила Мари.

– Да ладно, Винс, ты что, и вправду меня боишься?

– Ну-у-у, как тебе сказать... – задумчиво произнес Винсент, косясь в сторону места, в котором они бросили машину.

– Ладно-ладно, я поняла. Но бояться нечего. К тому же... сам знаешь. Я бы при всём желании не смогла причинить тебе вред.

Они включили фонари и спустились вниз. Внутри было

тепло, вопреки ожиданиям Винсента, видимо туннель отапливался.

– Туннель, похоже, построили ещё до войны? – спросил Винсент, и его слова эхом покатались вглубь.

– Да, дом, в котором я живу сейчас, был построен как военный госпиталь незадолго до начала Великой Войны Народов, но так и не применялся по назначению.

– Отчего же?

– Его захватили партизаны Восточного Фронта, они прятались здесь до самого конца, пока армия Освобождения не пришла сюда и не расстреляла их. Они пытались бежать именно через этот туннель, но, говорят, ни один из них не выбрался живым.

– ...и их призраки до сих пор бродят здесь, застрявшие в своём кошмаре, и убивают всех, кто осмелится спуститься в туннель первого сентября... – улыбаясь, подхватил Винсент.

– А вот зря смеёшься, между прочим. Я вот в те самые дни сама им не пользуюсь...

– Ты что, веришь в привидений? – иронично спросил Винсент.

– А ты что – нет?

Винсент не нашелся что ответить, и они продолжили путь в молчании. Вдруг на потолке погасла лампа, Мари вздрогнула и ускорила шаг.

– Надо будет отправить сюда Альфи, электрику проверить. Хорошо, что мы уже почти пришли.

Они остановились в конце туннеля, перед огромной железной дверью и круглым вентиляем.

Рядом стояла обычная лестница с перекладинами, ведущая наверх.

– А что за той дверью? – спросил Винсент.

– Бомбоубежище.

Винсент снова присвистнул.

– Да, не говори. Но я сама там ни разу не была. Туннель был затоплен, когда мой отец купил этот дом вместе с участком, и дверь заржавела намертво. Он собирался снести её, но... в общем, то одно, то другое – никто этого так и не сделал. Так что там всё ещё царит эпоха прошлого века.

– ...и все призраки, стало быть, обитают за ней. Кстати, почему партизаны не укрылись от армии Освобождения там?

Мари покачала головой.

– Неизвестно. Возможно, с дверью было что-то не так уже тогда... кто ж теперь скажет. Ладно, идём. Прошное лучше... оставить в прошлом, верно? – неожиданно добавила Мари.

– Ну да... Наверное, – согласился Винсент, скорее от желания закончить разговор, и Мари, помолчав, полезла наверх. Сам он всегда считал, что можно отвернуться от прошлого, но оно всё равно будет продолжать смотреть в спину.

Лестница привела их в большую комнату с камином, у которого на корточках сидел человек в чёрном костюме и ста-

рательно шевелил угли кочергой. Едва завидев Мари, человек подскочил и согнулся пополам в поклоне. Мари захихикала и махнула на него рукой.

– Брось, Альфи, лучше-ка принеси нам чистой одежды! Мне и моему новому... сожителю, Винсенту Смиуту.

Названный Альфи повернулся к Винсенту, вспыхнувшему от слова «сожитель», но решившему промолчать.

– Приятно познакомиться, меня зовут Альфред, дворецкий поместья Денуа, но вы можете звать меня просто Альфи. Прошу, обращайтесь ко мне по любому поводу в любое время – заговорил Альфред, произнося слова чётко, вежливо, но с достоинством. На вид ему было около шестидесяти, волосы сплошь седые, длинные, аккуратно убранные в хвост, выбрит гладко, осанка, речь и пронзительный взгляд выдавали в нём бывшего военного.

– Благодарю Вас, прошу, на мой счёт особенно не беспокойтесь. Я здесь...

– В первый раз, а то он не видит, Винс! Поверь, у него прекрасная память на лица, – нахально перебила Мари, – Не беспокойся, он тебя запомнит. Альфи, считай Винса вторым хозяином. Пока приготовь ему спальню. Ту, что рядом с моей.

Альфи вежливо поклонился Мари, затем Винсенту и удалился.

– А других свободных спален в этом особняке нет? – враждебно осведомился Винсент.

– Увы, нет! По крайней мере на эти выходные все места заняты. Приедет много гостей.

– А нельзя мне ни с кем поменяться?

Мари проигнорировала этот вопрос, сняла зимнюю куртку, сапоги и бесцеремонно бросила прямо посреди комнаты.

– Можешь сделать так же. Или разденься в гардеробе, прямо по коридору, но...

Винсент не дал ей договорить, молча вышел из гостиной и отправился на поиски гардероба.

Особняк Денуа выглядел совершенно не так, как представлял его себе Винсент. Слишком старомодно, слишком банально для такой персоны, как Мари. Казалось, она въехала сюда недавно и ещё не успела навести тут свои порядки. Повсюду мебель под старину из красного дерева, картины на стенах, ковры, золоченые перила у лестниц – словом, абсолютно типичное поместье родом из девятнадцатого века, только электрические лампы выдавали современность. Винсент без труда нашел гардероб. Располагался он, как полагается, в прихожей, на первом этаже, рядом с широченной мраморной лестницей, укрытой зелёным бархатным ковром. Не успел он оглядеться, чтобы найти входную дверь в гардероб, как из-за стойки выскочила маленькая пожилая женщина и до ужаса неестественным молодым голосом осведомилась:

– Позвольте ваше пальто, мистер?

Винсент аж подпрыгнул на месте, уронив своё пальто на холодный мраморный пол. Гардеробщица ахнула и кинулась

было на помощь, но Винсент жестом остановил.

СТРАНИЦЫ ВЫРВАНЫ

– Волны – это речь. Ты ведь знаешь? Да ты знаешь!

Он схватил Винса за руку мёртвой хваткой и очень твердо произнес:

– Это не твой мир. Не твой. Ты ведь знаешь? Знаешь!

– Нет, не знаю! – закричал от испуга Винсент, с трудом вырвал руку, пошатнулся и упал прямо на ковёр.

Безумец засмеялся жутким зловещим смехом и вдруг резко оборвал себя и очень спокойно сказал:

– Враньё.

Винсент испуганно смотрел на него и думал о том, что это и ждёт в конечном итоге многих, очень многих. Либо смерть, либо безумие. И неизвестно, что лучше. Ну, то есть хуже.

Но тут кто-то прервал его размышления, положив руку на плечо.

– Он был отличным психотерапевтом, – грустно проговорила Мари, – Даже гениальным. Признанным во многих странах.

– У тебя очень... разнообразный круг общения, – сказал Винсет, стряхнул с плеча её руку и поднялся, – И как же вас жизнь вместе свела?

Мари не ответила. И что самое странное – даже не ухмыльнулась.

СТРАНИЦЫ ВЫРВАНЫ

Винсент вдруг очень остро почувствовал, что смертельно устал от людей. Не произнося больше ни слова, он развернулся и чуть ли не бегом понёсся прочь по коридору, подальше от звона бокалов, болтовни и смеха. Самым тихим местом оказалась, кажется, библиотека. По крайней мере, в этом помещении с высоченными потолками лабиринтами расположились книжные шкафы. Винсент, не думая ни о чём, кроме спасительного одиночества, нырнул в этот лабиринт, мельком читая названия книг. В основном на старинных полках пылилась классика да наука в дорогих на вид кожаных обложках. Создавалось впечатление, что книги эти никто никогда не читал, и поставлены они здесь исключительно для создания нужного впечатления. Мельком Винсент отметил, что, вероятно, Мари не добралась до этой комнаты, иначе она выглядела бы совсем по-другому. Никакой науки, классики... и книжных полок. Она бы выкинула всё это к чертям собачьим на помойку, а в помещении красовался бы бильярдный стол. Как минимум. Винсент решил, что спросит Мари об этой странной, так не идущей образу Мари комнате, когда отдохнёт и выберется оттуда, но тут оказалось, что это не так-то просто. Попытавшись двинуться назад, Винсент с испугом обнаружил тупик. Он уже начал было паниковать, как услышал неподалёку звук переворачивания

страниц.

– Эй! Тут кто-нибудь есть?

Ответом проследовало молчание, и через короткий промежуток снова кто-то перевернул страницу.

– Прошу, ответьте! Я, кажется, заблудился!

Снова равнодушное молчание и перевёрнутая страница. Человек явно игнорировал его крики о помощи, либо уши его были заткнуты наушниками. Винсенту ничего не оставалось, кроме как попытаться идти на этот звук и, к счастью, ему удалось. Он выбрался на свет Божий, которым оказались лучи заходящего солнца, льющиеся сквозь невероятной красоты цветные витражи, выполненные в стиле 19 века, изображающие ангелов и демонов. Вечерний свет заливал огромный читальный зал, а на широком подоконнике, развернувшись спиной к окну, сидела женщина. На вид ей было не то двадцать, не то сорок, с короткими спутанными чёрными волосами, в черных шортах и громадном, размеров на пять больше чем надо бы белом балахоне с чёрной выцветшей цифрой «0» на груди. Она сидела скрестив босые ноги по-турецки, и ноги эти, докуда видно, были покрыты синяками и ссадинами. Она была погружена в чтение, но никаких наушников Винсент не заметил.

– Доброго вечера, – как мог, вежливо, произнёс Винсент, но вышло всё же с ноткой враждебности, – Настолько интересная книга?

Женщина нахмурилась, и нехотя подняла на него глаза.

Светло-серые, почти прозрачные.

– Тебя разве не учили не шуметь в библиотеке? – спросила она безо всякой вежливости.

– Нет, зато меня учили не оставлять в беде тех, кто зовёт на помощь.

Она с шумом захлопнула книгу и весело рассмеялась, как будто Винсент рассказал ей смешной анекдот.

– На помощь? "Я, кажется, заблудился"? Да это про каждого первого. Что ж мне, всех спасать прикажете? Это не моя обязанность. И вообще ничья. Спасение утопающих... сам знаешь чьих рук дело.

Винсент махнул на неё рукой и заторопился прочь, найдя глазами ближайшую дверь. И за что столько сумасшедших на мою голову, раздражённо думал он.

– Да ладно, постой. Ну, может, я не права. Просто я тебя первый раз вижу. Откуда мне знать, что тебе стоит помогать?

Винсент обернулся.

– Значит, это ты решаешь, кто достоин помощи, а кто нет? – сердито спросил он.

– Ну конечно. В тех случаях когда нужна моя помощь, решаю я, а как иначе? Или ты всем подряд помогаешь, без разбору?

Винсент задумался.

– Вообще-то говоря, нет.

– Ну вот, видишь! – заулыбалась неизвестная, – Это абсолютно нормально. А вдруг ты злодей? А я тебя спасу и тем

самым стану поборницей зла?

– Ну, в целом, это логично, но уж больно... жестоко, не по-человечески. А вдруг я НЕ злодей? И тогда ты бросишь на верную смерть хорошего человека. Разве в таком случае ты не становишься... поборницей зла?

– Нет, не становлюсь, если только не я сама завела тебя в этот лабиринт. А мне этого... не дано.

– Ну ладно. Просто будем надеяться, что нам никогда не понадобится помощь друг друга, – заключил Винсент, чуть поклонился ей и вышел в коридор.

В самом деле, это перебор. Я бы даже сказал... передоз, думал Винсент, направляясь в сторону туалета, который, похоже, суть единственный оплот свободы в этом доме. Расстраивало, что он не взял никакой книги, но возвращаться назад было немислимо. А потому он просто заперся в кабине, уселся поудобнее и закрыл глаза. Проснулся Винсент от того, что кто-то со всей силы барабанил в дверь.

– Ау, Винс, ты там? Выходи скорей, нам уже пора, опе... опаздаем! – последовал за ударами невероятно пьяный голос Мари Денуа.

– Никого здесь нет! – рявкнул Винсент, – И вообще что за манеры для леди, ломиться в мужской туалет!

– Винс, я хозяйка дома или нет? И сколько раз повторять, никакая я не... леди! Так что ломлюсь, куда хочу! Выходи, я не уйду! Без тебя всё равно не уедем.

И она забарабанила кулаками по двери кабинки с нежен-

ской силой.

Винсент вздохнул и вышел. Мари тотчас же схватила его под руку и потащила вниз. От неё отвратительно несло перегаром и она то и дело спотыкалась.

– И как это ты так быстро успела накидаться? – поражённо и даже с некоторым восхищением спросил Винсент, в очередной раз поддерживая Мари, которая уже практически висела на нём.

– А у меня вообще много талантов, ты ещё не раз удивишься!

* * *

Винсент перепрыгнул через подоконник и оказался в саду. Свежий воздух, песни ночных птиц, огромная полная Луна в небе – всё было как нельзя кстати, и Винсент жадно поглощал глазами, ушами и носом эту ночную атмосферу. Но тут он краешком глаза заметил некий лишний элемент. Силуэт человека в белом, который тоже стоял и смотрел на Луну. Винсент подошёл ближе и убедился, что это женщина, та самая, равнодушная к чужим проблемам нахалка из библиотеки. Винсент с удивлением отметил, что на ногах её по-прежнему не было никакой обуви и даже носков, а между тем лето давно уже сменилось золотой осенью. И вообще было в её образе что-то неестественное, нереальное. А потому Винсент подошёл ближе и громко спросил:

– Скажи честно – ты одна из них, да?

Девушка нисколько не испугалась, и отвечала, не сводя глаз с Луны:

– Из кого это – из них?

– Не прикидывайся. Из этих самых... Смотрителей... пришельцев... всадников апокалипсиса... кто они там есть.

– Всё равно не понимаю о ком ты, – продолжала нахалка, – здесь только ты и я. Вот как эта Луна – видишь? Она существует только для нас с тобой и только здесь и сейчас. В другом месте она будет выглядеть по-другому. А значит это уже не та Луна. Попробуешь приблизиться к ней – её красота, её свет – пропадёт. Ослепни – и она совсем исчезнет.

– Хорошо, я полностью согласен, – отвечал Винсент, стараясь говорить убедительно и серьёзно, – Тебе кстати там не холодно, эм... как тебя зовут, напомним?

Она повернулась к Винсенту лицом. По щекам её бежали слёзы.

– Скажи, почему вы тратите то, что вам дано так... бездарно? Так глупо, так убого?

Затем она развернулась и убежала в лес, захлёбываясь в рыданиях. Ну наконец-то, с облегчением думал Винсент. Теперь можно отдохнуть.

Он устроился поудобнее на подоконнике, закрыл глаза и стал впитывать ночную тишину и прохладу. По неясной ему самому причине, в тот момент все проблемы вдруг куда-то испарились, ушли на задний план и вообще перестали быть

такowymi, это было похоже на эффект опьянения, только разум его был трезв. Даже ненависть к Смотрителям исчезла, и словно желая проверить это, Винсент громко позвал:

– Эй, Амата́расу!

На удивление, тут же раздался её голос, какой-то неестественно добродушный:

– И тебе доброго вечера, Винс. Смотрю, хорошо проводишь время.

Не открывая глаз, Винсент отвечал:

– Ты знаешь, сам поражаюсь. Вынужден признать, тут бывает хорошо. Иногда.

– Не место красит человека, Винс! – весело подмигнула Амата́расу и уселась рядом с ним, болтая ногами, как ребёнок.

– Будут какие-то распоряжения на ближайшее время?

Амата́расу задумчиво приложила палец к губам.

– Нет, на сегодня точно нет. Отдыхай. Позволь разве что сделать одно замечание, или, скорее, дать тебе совет – будь внимательнее к людям. Это поможет тебе наконец перестать думать, будто ты лучше всех остальных.

– Опять нотации! Кто бы сомневался. Да не думаю я так. Просто люди меня... утомляют. Они мне не особо интересны.

– Но не будешь же ты отрицать, что тебе они всё же нужны?

– Ну... да, иногда мне, разумеется, требуется общение, я,

как-никак, человек... а кстати, для чего нам, людям, так оно необходимо, как думаешь?

Аматэрасу, помолчав, ответила:

– В качестве замены.

– Замены... чему? Или кому?

Аматэрасу молчала. Спустя пару минут Винсент разочарованно произнёс:

– Вот так всегда. Никаких ответов по существу. Да и с чего я взял, что вам всё на свете известно?..

– Я всегда даю тебе ответы на вопросы, которые ты задаёшь, Винсент, – ответила Аматэрасу с какой-то странной, совсем не свойственной ей интонацией, особенно выделив ей слово «задаёшь».

Винсент, казалось, пропустил это мимо ушей, он сидел неподвижно, уставившись в темноту, в которую нырнула незнакомка в белом балахоне.

– Так тебе, значит, не интересна эта женщина, которую ты только что прогнал? – спросила Аматэрасу прежним глумливо-игривым тоном.

Винсент вздрогнул и поморщился.

– Особенно эта ненормальная женщина. В наши дни, разумеется, трудно сохранять рассудок, это равносильно подвигу, я её не виню, но я смертельно устал от всего этого безумия. Сейчас мне хочется чего-то простого и приземленного.

– А почему ты считаешь свой рассудок чем-то, что обязательно следует сохранять? Разве ты был счастлив всю свою

жизнь, Винсент? Может твой разум не такая уж и ценная штука, что скажешь?

Винсент добродушно рассмеялся.

– Ну, возможно, ты и права, может, безумцем быть и вправду проще. Так может быть заберёшь его у меня наконец, Смотритель? Ничего другого ведь вы нам не оставили.

– Винсент, – с укором сказала Амаэрасу, игриво склонив на бок голову, – прекрати винить окружающих в своих бедах.

– Кстати, насчёт той странной женщины, – говорил Винсент, игнорируя её замечание, – когда я спросил её, не одна ли она из ваших, она сделала вид, что не понимает, о чём речь. Вот это я понимаю, защитный механизм психики! Уровень «отрицание реальности», такого не каждому дано достигнуть!

– Реальность у каждого своя. Чужую тебе никогда не познать, реальности не могут пересекаться полностью ни при каких обстоятельствах.

– Ты хочешь сказать, что для неё вас... и вправду нет?

Винсент изумлённо повернулся к ней. Амаэрасу исчезла.

– Ну разумеется. Кто бы сомневался, – проворчал Винсент, залез обратно в библиотеку и закрыл окно. Тут он заметил валяющуюся на полу книгу, видимо ту, которую читала странная женщина. На обложке было написано «Последняя звезда во Вселенной». Неизвестно, что тут заставило Винсента это сделать, совет ли Амаэрасу быть внимательным к людям, или же простое любопытство, или ему просто захо-

телось на ночь почитать любую книгу, но он решил забрать её с собой. И только он, воровато оглядываясь, засунул книгу под рубашку за пояс, как дверь в библиотеку с шумом распахнулась и на пороге возникли Шон и Мари.

– А, вот он где, говорила же, наверняка где-то спрятался. А ты всё «фиг с ним, он наверняка уже сд...»

Мари не смогла договорить, потому что густо покрасневший Шон закрыл ей рукой рот.

– Не слушай её! Напилась в зюю и несёт чушь.

– Отчего тогда вы так покраснели? – иронично поинтересовался Винсент. Мари расхохоталась, Шон смущённо промолчал.

– Ладно, я ничего другого и не ожидал от людей вашего... круга, – ехидно заключил Винсент и обратился к Мари:

– Я тут книжку позаимствовал, ты не против?

– Какие вопросы, Винс, бери что хочешь, я же тебе говорила, чувствуй себя как дома! И это... мальчики, вы того... не надо. Не ссорьтесь. Дуэль из-за меня устроить всё равно не получится. Разве что... кто больше выпьет? А? Как вам идея?

– Идея-то, может, и неплохая, только вот дело тут вряд ли в тебе, – сказал Винсент.

– А в чём же, по-твоему?

– Просто для таких как ты и твой приятель я – грязь под ногтями, – громко и с достоинством произнёс Винсент.

– Винсент, послушай, я... – смущённо заговорил рыжий

Шон.

– Не надо, – перебил его Винсент, – не унижайтесь. Как я и сказал, ничего другого я и не ожидал. Да мне плевать, правда, я здесь, в конце концов, не по своей воле.

И тут произошло странное. Винсенту показалось, что в глазах Шона задрожали слёзы. Не произнеся ни слова, Шон развернулся и удалился в неизвестном направлении.

– Ну вот, Винс, что ты наделал! Не надо с ним так сурово. Он... как бы сказать... чувствительный малый. Может ляпнуть глупость... но поверь мне, он сам об этом уже трижды пожалел.

– Сомневаюсь, – проворчал Винсент, – ну да ладно. Так зачем ты меня искала?

– Как зачем? Нам лучше пораньше...

СТРАНИЦЫ ВЫРВАНЫ

...среди ночи, но почему-то чувствовал себя отдохнувшим, чего не бывало довольно давно. Приходилось признать, что всё-таки жизнь на свежем воздухе и дорогостоящем здоровом питании сказывалась на самочувствии положительно. Винсент поднялся с кровати и понял, что заснуть снова всё равно не получилось бы, потому что даже сквозь толстенные стены поместья Денуа в комнату настойчиво пробивались приглушенные звуки той отвратительной музыки, ко-

торая раздражала Винсента два последних дня. Винсент нахмурился и вышел из комнаты, мысленно кляня себя за то, что не взял из дома беруши, которые часто спасали в прошлом от шума машин в гараже и гогота водителей. Винсент гневно постучал в дверь спальни Мари, но ответа не последовало, что не удивительно, при таком ужасном шуме, что раздавался за дверью и вряд ли был достоин в понимании Винсента называться музыкой. Тогда Винсент, немного, впрочем, поколебавшись, тихонько открыл дверь и отшатнулся. В комнате царил страшный беспорядок. Шкафы были открыты, вещи валялись на полу. Стол перевернут, окно разбито. Колонки, из которых доносились эти ужасные звуки висели на подоконнике. Экран ноутбука, к которому они были подключены, был разбит. Пол был усыпан битыми стёклами, среди которых отчётливо виднелись куски бутылок. Холод пробежал по спине Винсента, он разу понял, чем тут пахнет и помчался вниз по лестнице, выкрикивая имя Мари. Но ответа не было. Персонал тоже куда-то делся. Похоже, в здании остался он один. И тогда Винсента охватила паника, и он, в чём был, выбежал на улицу, и тут, по счастью, заметил на свежем ночном снегу следы. Он побрёл по ним, не чувствуя холода, и продолжал звать Мари, боясь, что в тишине просто сойдёт с ума. Следы вели его в тёмную чашу хвойных деревьев, кроны которых смыкались над головой и, зловеще шевелясь на ветру, словно хотели поглотить его. Но вскоре они стали расступаться, и Винсент увидел впереди мелькающий

огонёк костра. И услышал звук, от которого затрясло сильнее, чем от холода: рыдания. Ужасные, отчаянные рыдания женщины. Так плачут те, у кого больше нет сил притворяться сильными. Так плачут те, кто не плакал всю свою сознательную жизнь.

Мари сидела у костра, закрыв лицо руками. Она и сама была в своей шёлковой пижаме, а вокруг валялись детские вещи: игрушки, одежда и куча фотографий. Фотографии не оставляли сомнений: на них был сын Мари, на вид ему было лет восемь-девять, он счастливо улыбался, обнимая маму. И Винсент понял, что так, оказывается, ещё плачет женщина, потерявшая ребёнка. Он отчётливо ощутил, что он тут лишний, и лучше, наверное, ему убраться восвояси, но тут заговорила Мари, заговорила неожиданно ясным голосом, в котором не было ни горя, ни тоски, ни сожалений – одна лишь холодная злость:

– Сжечь. Все его вещи до последней. Таков приказ. Прошло десять лет, как его не стало. Авария. Но я вижу его. Каждый день. И он говорит мне – сожги меня. Уничтожь. Не могу больше. Говорит, ты же так хотела вновь меня увидеть... Сжечь...

Она продолжала бормотать, но Винсент всё понял и так, увидев фотографии. Вдруг, неожиданно, как снег на голову, на Винсента снизошло осознание, что эта женщина совершенно обычная, такая же, как и все остальные, человек со своими чувствами, заботами и личной трагедией. Он не мог

ей сочувствовать в полной мере, хотя сердце его и сжималось от жалости, ведь он просто не знал, каково это – потерять дитя, и не просто потерять, а встретить спустя годы самозванца в его облики... глумливого, абсолютно необъяснимого и смертельно опасного самозванца. Но кажется, Винсент в ту ночь впервые увидел в ней человека, родственную душу, почувствовал связь с ней, понял, что им лучше держаться вместе. Ни слова ни говоря, он взял Мари за руку и повёл обратно к особняку.

Вернувшись в дом, он усадил безмолвную Мари перед камином, налил ей коньяку и укрыл пледом. Затем он помчался наверх и через несколько минут вернулся с чемоданом, из которого, как язык изо рта, выглядывал носок.

– Мари? Мари! – Винсент потрепал ушедшую глубоко внутрь себя Мари.

Она вздрогнула и посмотрела на него, словно видела впервые.

– Одевайся, мы уезжаем! – коротко приказал Винсент.

– Куда?... – хрипло и безучастно пробормотала Мари и осталась неподвижна.

– Ах, чёрт... – проворчал Винсент и снова умчался наверх.

В её комнате он наугад набрал тёплой одежды, спустился обратно и вывалил перед ней горой.

– Давай, одевайся.

Мари нехотя зашевелилась, а Винсент тем временем ре-

шил пройтись ещё раз по особняку, чтобы убедиться, что в здании действительно никого не осталось.

Двери во все комнаты на втором этаже были распахнуты настежь, из некоторых тянуло холодом. Вдруг свет в коридоре погас, Винсент выругался и достал из кармана фонарик.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? Мы уезжаем отсюда, если меня кто слышит, спускайтесь вниз как можно быстрее!

Ответа не последовало, и Винсент решил возвращаться к Мари как можно быстрее. Он уже начинал чувствовать уколы совести, что вообще оставил её одну. Но кое-что всё же заставило его задержаться.

Плач. Отчаянные рыдания женщины, прерывающиеся, со срывами на крик раздавались из комнаты впереди, справа, у самой лестницы. Трясущейся рукой Винсент достал из кармана фонарик и пошел на этот звук.

– Эй! Вы в порядке? Я человек! Вам нужна помощь? – слегка дрожащим голосом крикнул в темноту Винсент.

Рыдания тут же прервались, так резко и неестественно, словно кто-то нажал на стоп. Далее последовал звук бьющегося стекла. Винсент бросился вперед и так и застыл в дверном проёме, нервно водя ярким, но узким лучом фонарика по комнате. Внутри никого не было. Вся комната была опутана ветками деревьев, запах свежей древесины врезался в нос. Винсент перевел свет фонаря на окно. В самом центре зияющей дыры отчётливо виднелось лицо, искажённое ужасом. Винсент уронил фонарик и сердце его бешено заколо-

тилось от первобытного страха, он судорожно поднял его и снова осветил окно. Кто-то словно сплёл паутину из веток черного дерева, а в центре расположилось деревянное же лицо человека с застывшим выражением ужаса.

Винсента охватила новая волна страха, ему захотелось бежать, бежать без оглядки из этого проклятого места как можно скорее.

Он сбежал вниз по лестнице, растеряв половину вещей по дороге, схватил за руку Мари и, не дав ей переодеться, потащил к выходу. Когда они бежали мимо гардероба, Мари очнулась и попросила Винсента хотя бы взять пальто. Винсент нехотя согласился, но стоило им подойти поближе, как из недр гардероба раздалось то же рыдание, словно кто-то включил запись. Винсент набросил своё пальто на Мари и они помчались к выходу, едва не падая на ходу. Входная дверь никак не хотела открываться, и Винсент стал пытаться выбить её ногами.

– Ну давай же, давай, чёрт возьми! – рычал Винсент, со всех сил пиная дверь.

– Бесполезно, Винс! Давай в окно!

Она схватила тяжёлый деревянный стул и, показав неожиданную силу, швырнула его в окно. Красивый витраж разлетелся вдребезги и красные стёкла усеяли пол, поблёскивая в свете луны кровавым оттенком.

– Это место... умирает... – прошептала Мари, перелезая через окно.

Винсент не нашёлся, что ответить, лишь помог Мари вылезти и они в молчании побежали к машине.

* * *

Они ехали в молчании уже несколько часов. Винсент и Мари чувствовали, что ночь уже давно должна была быть позади, но рассвет словно никак не мог пробиться сквозь тьму, окутавшую их и не желающую отпускать добычу. Винсент растерянно посмотрел на руку, но вместо часов на ней красовалась свежая царапина. В растерянности он взглянул на Мари.

– Телефон там оставила, а часов не ношу, – устало ответила она на безмолвный вопрос, – но по ощущениям уже полдень.

Снова воцарилось молчание, терпеть которое уже не было сил.

– И что, прям никогда часов не носила? – спросил Винсент, чтобы его нарушить.

– Носила. Которые сын подарил.

Сердце Винсента словно окатили холодной водой, и он отвернулся к окну, чтобы она не видела, как он покраснел. Но Мари, кажется, начинающая приходить в себя, вдруг весело рассмеялась и похлопала его по колену.

– Да ладно, не переживай, всё не так ужасно. А знаешь когда будет ТАК ужасно? Через полчаса примерно, когда у

нас кончится бензин.

Винсент почувствовал в груди вторую холодную волну и едва не вскочил.

– Ч-чёрт бы побрал эту проклятую ночь!

В порыве ярости он ударил кулаком по двери. Мари резко затормозила.

– Ух ты, ничего себе! По-моему это первый раз, когда ты показал такие чистые эмоции, Винс! То ли ещё будет! Ладно. Делать нам нечего, придётся идти пешком.

– В такой холод? У тебя же одежды тёплой нет. Да и куда мы пойдём? Дорога в город должна была закончиться, видимо свернули мы не туда...

– А что ты предлагаешь? Остаться здесь и ждать чуда?

Делать нечего. Хорошо, что в багажнике Мари лежала тёплая одежда и обувь для катания на лыжах (оказывается, Мари ещё и занималась биатлоном). Также в спортивных принадлежностях завалились фонари, фляжки, спички и сигнальный пистолет-ракетница. Вооружившись всем этим, пара отправилась в путь.

Надобность в фонарях отпала практически сразу же, густые облака рассеялись, обнажив чёрное небо, усеянное звёздами с ярко-синей луной во главе.

– Никогда не видела луны такого цвета, – заморожено сказала Мари, глядя в небеса, – кстати, ты знал, что в древности племена, населявшие эти территории, считали, что звёзды – это глаза бога, который присматривает за ними по ночам?

Поверь я в такое, тоже бы, наверное, до конца дней ночью глаз сомкнуть бы не смогла!

Мари рассмеялась своим почти уже обычным смехом, беззаботным, немного злорадным и вызывающим.

– Я не верю в Богов. И никогда не верил. Даже не могу представить себе, каково это, верить во что-то такое по-настоящему. Честно говоря, я всегда даже немного завидовал людям, которые верят. Ведь они, верно, живут совсем в другом мире.

– Ха! Я тоже, Винс. Тоже не верила и не верю, особенно... теперь. Но, знаешь, я никогда не завидовала верующим. Главным образом потому, что никогда их не встречала и не особо верю в их существование. Не надо на меня так смотреть, я не сказала что эти "верующие выходного дня" в церквях верят по-настоящему. Настоящий верующий действительно должен быть совсем другим человеком, не думаю, что в наш век они ещё остались...

– Я уверен, что с момента Внедрения их появилось немало. Разве ты не слышала истории...

– О безумцах, поклоняющихся Смотрителям? – перебила Мари, – Разумеется, этого следовало ожидать. Но они на самом деле видят и слышат то, чему поклоняются, это совсем другое... стой.

Они остановились. Мари приложила палец к губам, другой рукой достала сигнальный пистолет. Винсент напрягся, непонимающе завертел головой, вслушиваясь в ночную ти-

шину.

– Я тоже ничего не слышу... но глянь-ка туда, – прошептала Мари, указав пистолетом вглубь леса. И вправду, вдалеке мелькал слабый огонёк.

– Ну и глазки, – прошептал Винсент с завистью и восхищением.

Мари молча ухмыльнулась, затем резко направила руку в небо и выстрелила из ракетницы.

– Ты рехнулась?! – закричал Винсент.

– В смысле? Да не волнуйся, ещё есть снаряды.

– Да не в этом дело! Зачем? А вдруг... – Винсент смолк.

– Да? Что «вдруг», Винс? Чего нам бояться? Насилие под запретом, забыл? Меня тоже напугало до смерти то, что было в доме... чем бы это ни было, – добавила она тише, – Но от этого нигде не спрячешься.

Да, всё это было так, и Винсент почувствовал стыд за свою трусость. Считав эти чувства на его лице, Мари улыбнулась и добавила:

– Когда ты уже прекратишь винить себя за слабости, Винс? Ты не сверхчеловек, пойми уже наконец...

Винсент не успел придумать, что ответить, потому что заметил, что в паре сотен метров появился ещё один огонёк, который колыхался и становился всё ближе.

– Эй! Сюда! – закричала Мари, включила фонарь и размахивала им.

Винсента терзало очень дурное предчувствие. Он попы-

тался списать его на первобытное чувство страха перед мраком ночи и сосредоточился на огоньке. Вернее, на огоньках, которых становилось всё больше вокруг Винсента и Мари. Вскоре из-за деревьев появился первый человек – молодая девушка с застывшей улыбкой на лице, одетая в белые одежды с капюшоном и с факелом в руке.

– Добрый вечер, – очень вежливо и приветливо произнесла она.

Винсент и Мари переглянулись и поздоровались в ответ.

– Но... разве сейчас веч...? – недоумённо спросил Винсент, но Мари ткнула его локтём в бок.

– Я прошу прощения, – заговорила Мари, – Нам очень нужна помощь... понимаю, как это звучит, но... нам нужен всего лишь бензин. И если у вас есть работающий телефон, нам бы очень пригодился навигатор...

Но девушка в белом, кажется, не слушала Мари, сосредоточив взгляд на Винсенте, и, не прекращая улыбаться, она говорила:

– Разумеется. Сейчас вечер. Потом будет ночь, а после – рассвет. Разве так не бывает всегда? Вечер может порой казаться долгим, особенно если он скучный. Минуты кажутся годами, когда твоя жизнь пуста и бессмысленна.

Пока она всё это говорила, из-за деревьев появлялись новые люди, все в белых плащах с капюшоном и факелами, разного пола и всех возрастов (кроме детей, разумеется).

– Эм... это всё очень занятно, – сказал Винсент, не удер-

жавшись, бросил укоризненный взгляд на Мари, и, стараясь не выдавать напряжения, произнёс, – Но, как и сказала дама, нам лишь нужен бензин и средство навигации. Если вы не располагаете тем либо другим, мы с дамой, наверное, будем вынуждены удалиться и продолжить искать помощь в другом месте...

– Да, вам определённно нужна помощь, мы видим, – сказал мужчина средних лет, лицо которого так же искажала нарисованная улыбка, – Но, мне видится, не та, о которой вы просите.

– Знаете, мы, пожалуй, всё-таки пойдём, – сказала Мари, слегка виновато поглядела на Винсента, и вдруг подошла к нему и взяла его за руку. Винсент удивился, но крепко сжав её руку и не произнеся больше ни слова, развернулся и рванул прочь.

Толпа до ужаса напоминающих фанатиков людей расступилась.

– До скорой встречи! – услышали они вслед хор их голосов.

Винсент и Мари понеслись ещё быстрее. Не смотря на все запреты Смотрителей на насилие, впечатления от подобных встреч трудно назвать приятными и уж точно было понятно, что связываться с такими людьми опасно в любом случае, если не для тела, то для психики наверняка.

Они остановились у большого дерева передохнуть. Винсент всматривался в лесную темноту, желая убедиться, что

их не преследуют.

– Ну, как думаешь, что нам делать дальше? – просил Винсент, не глядя на Мари.

– Думаю, нам стоит вернуться и хотя бы попрощаться, а то совсем уж некрасиво убегать с вечеринки сверкая пятками! – раздался из-за спины мерзкий голос Аматаэрасу.

Винсент резко повернулся, покраснел лицом и сжал кулаки.

– Ну-ну, я-то тут при чём? Совсем ты манеры свои растерял! А где твоя гордость, Винс? Наконец оставил её в прошлом? Горжусь тобой!

– Ну и какого тебе надо на этот раз? Может, давай без прелюдий в этот раз? Есть приказ? Говори. Нет? Убирайся! Ты очень не вовремя!

Аматаэрасу разочаровано покачала головой.

– Нет, не годится, совсем не годится. Помню, там, на подоконнике у Дэнуа ты вёл себя гораздо лучше. Да, видимо тебе нужно спокойствие и стабильность, очаг и кров. Все эти ночные авантюры не для тебя, зря ты за это взялся. Но каково это было, а! Загляденье! Словно принц, ты спас свою принцессу из горящего замка, ту принцессу, которую ещё вчера презирал за её происхождение, а сегодня оберегаешь, хотя и очень неумело!

Винсент покраснел и отвёл взгляд.

– Опасность и общий враг сближает любых людей... – пробормотал он.

Аматэрасу подошла к нему, и, жёстко взяв за подбородок, развернула к себе лицом.

– Не отворачивайся от собственных чувств, Винс. Ты же уже не ребёнок. Просто признай, что был не прав, и проехали.

– Хорошо. Я был не прав и я действительно поменял своё отношение к Мари, узнав её получше. Но это не значит, что...

Аматэрасу приложила палец к его губам и сказала:

– Хорошо, пока этого хватит. А теперь слушай приказ, которого ты так ждал. Ты и Мари Дэнуа вернётесь к людям в лесу и будете жить с ними, пока не будет приказано иное. Мари получит тот же приказ, не волнуйся. Ты всё понял?

Винсенту ничего не оставалось, как молча кивнуть. Аматэрасу тут же исчезла, и на её месте стояла Мари с заплаканным лицом.

– Тебе тоже...?

– Да. К сектантам. – обречённо и устало сказала Мари, и им ничего не оставалось, как развернуться и побрести обратно.

– Я не могу, Винс. Я просто больше не могу... его видеть, – бормотала Мари, и Винсент не знал, что сказать, его никто не учил и он ни где не слышал советов, как правильно общаться с матерью, потерявшей дитя, облик которого нацепит на себя неведомая сущность, захватившая Землю. Поэтому он просто крепко взял её за руку, выразив таким

образом готовность оказывать ей поддержку до самого конца. Внезапно он осознал, что действительно готов и хочет заботиться о ней, хотя бы потому, что так его собственные проблемы отступают на задний план, а может и вовсе исчезают. Может, люди помогают другим именно поэтому? Проще игнорировать собственные терзания, когда мысли заняты другим человеком и его заботами. Да, должно быть, это так и работает, думал Винсент. Поэтому люди и заводят семьи, детей. Ну, заводили, в прошлом. Когда он за руку с Мари Дэнua, такой чужой и такой близкой, шагал навстречу пугающим людям во мраке ночи, ему казалось, что он идёт по руинам мира, но внутри него словно рождался новый мир. Он бросил осторожный взгляд на Мари и увидел в нём решимость, если он конечно не спутал её с...

СТРАНИЦЫ ВЫРВАНЫ

«...до отвращения радушно. В самом деле, словно мы были долгожданными гостями. В первую очередь нас повели на осмотр присвоенной ими территории, барачков, вагончиков и центра их организации – огромного заброшенного маяка, не функционирующего со времён войны, как сказала позже Мари. Как и в особняке Дэнua, в нём был проход в катакомбы, в которых, судя по всему, хранились запасы воды и еды и чёрт знает что ещё, нас туда, разумеется, не пустили. Нам с Мари выделили целый отапливаемый вагончик, что было,

надо признать, как нельзя кстати. Мари легла в кровать и почти сразу же уснула, я бы вышел на разведку, но не мог оставить её одну. Потому я принялся изучать сам вагончик, нашёл полку с книгами, взял одну, она называлась, кажется «Последняя звезда во Вселенной», но прочесть не успел, в дверь постучала та самая девка, что первой встретила нас и пригласила принять участие в «общем сборе». Я сухо отказался, пообещав прийти в следующий раз вместе с моей спутницей. Девушка весело рассмеялась, уловив недоверие в моём тоне и пообещала, что с ней ничего не случится, но если мне так будет спокойнее, я могу запереть дверь. С этими словами она с неожиданной быстротой и ловкостью бросила мне ключ, который мне поймать не удалось. Поднимая его с пола, я чувствовал, что она смотрит на меня с презрением и ухмылкой. Или я хотел так думать...? В общем, что поделать, я запер вагончик и пошёл на это их сборище. Проходило оно, разумеется, в маяке, на самом верху возле огня, который тушили на время собрания, чтобы на его месте мог восседать Лидер (очевидный глупый символизм, мол, смотрите, кто здесь Светило). Но поразили меня не размеры помещения, не то, что в маяке функционировал лифт – меня поразило, кто был их лидером. А была им та женщина, которую я встречал в особняке Денуа – та самая, босая, непричёсанная, с нулём на кофте. Увидев меня, она несколько не удивилась, либо не узнала. Когда все расселись на стулья, расставленные вдоль стены, она безо всяких предисловий начала нести

свою чушь:

– Мы все блуждаем во мраке ночи. И сегодня океан тьмы прибил к нашему берегу ещё две души, нуждающиеся в Свете. И снова Посланниками были отданы приказы быть с нами, ибо мы есть ковчег, последний маяк, указывающий истинный путь! (все вокруг дружно закивали). Мы – послушные овцы Господни, избранные для строительства праведного мира, и сгинут в ночи те, кто отверг вечную мудрость Его!..

И так далее и тому подобное. Затем несколько человек по очереди вставали и делились с остальными приказами, полученными в последнее время. Помню, как один старик, краснея, рассказывал о том как его Смотритель приказал ему перестать наконец... ну, самоудовлетворяться. Но лица всех оставались крайне серьёзными. Девушка, которая привела меня, с гордостью поведала, что её Смотритель приказал ей внимательно перечитать все религиозные тексты. Я усмехнулся, по-моему, я один понял намёк. Мужчине средних лет было приказано сажать деревья ночью. Женщине с повязкой на глазу – каждый день искать на берегу моря камни с дыркой посередине. Меня так и распирало от желания встать и заявить, что Амаэтрасу только что приказала мне ходить на эти собрания исключительно с берушами, но я сдержался, решив соблюдать осторожность, дождаться Мари и обсудить план дальнейших действий с ней, хотя ей бы такой поступок пришёлся по душе. Когда все высказались, лидер испытующе

посмотрела на меня, а следом за ней усталились и все остальные. Это было крайне неприятно и невежливо, и я, что называется, включил дурачка и упорно молчал, с вызовом глядя в глаза их мамочке. Посверлив меня взглядом ещё немного, она как ни в чём не бывало заявила, что собрание окончено и что она ждёт всех через неделю. Когда мы наконец спустились вниз, та девушка спросила моё имя и я нехотя ответил.

– Очень приятно, а меня зовут Райнис. Я знаю, ты нам не доверяешь и считаешь чокнутыми сектантами, – сказала она.

Я молчал, и она, кивнув, продолжила:

– Многие из нас думали так же, поначалу. Но от правды не убежишь. Нас всех привели к ней Посланники, и она-то и открыла нам глаза, что мы – избранные. Нет, это не значит, что мы лучшие из лучших, это значит, что из оставшихся мы – самые подходящие, только и всего. Со временем вы с подругой это поймёте, и поверь, вам станет гораздо легче, когда вы перестанете противиться...

– А кто она такая? Что тебе известно о ней? – перебил я.

Райнис рассмеялась.

– Я сказал что-то смешное?

– Нет, прости, просто... это же так несущественно. Она лишь указала нам путь, мы сами по нему идём. Идём под руку с Посланниками Божьими...

Я быстро понял, что толку от неё не будет, и, не говоря больше ни слова, направился в сторону выделенного нам жилища. Мари как раз просыпалась, когда я открыл дверь.

– Как прошел обряд посвящения? Девственницы-то были? Да где их нынче сыщешь... ну, может, овечки хотя бы? – зевая и улыбаясь одновременно, справилась о первом дне Мари. Я тоже улыбнулся, было приятно видеть, что она приходит в себя. Я рассказал ей о собрании, нарисовал сложившуюся у меня картинку. Да, это те самые сумасшедшие сектанты, о которых мы все слышали, опасность представляют разве что для рассудка, но с другой стороны у нас ничего другого уже не осталось.

Когда я рассказывал, что не нас одних сюда отправили Смотрители, Мари сильно удивилась.

– Да, по-моему, это первый известный случай с момента Внедрения массового приказа... разумеется, их глава моментально обратила это в свою пользу, но знаешь, Винс, я ни на секунду не могу представить, что причина коллективного приказа в том что мы – «избранный Богом народ».

Я кивнул. Конечно, я тоже в это не верил. Религиозные люди вообще хорошо известны тем, что будут использовать абсолютно всё, что угодно, лишь бы найти, а главное – показать окружающим свою правоту. Больше всего на свете нам с Мари хотелось покинуть это место, но мера была высшей, да и идти нам было особо некуда. Потому мы решили держаться друг друга и побольше молчать в присутствии сектантов.

Потянулись однообразные дни. Ни я, ни Мари спустя несколько недель ни разу не видели своих Смотрителей. Постепенно мы изучили быт местных и правила, которые, на

наше счастье и удивление, были простыми и ненавязчивыми. Одно единственное обязательство было – посещать еженедельные собрания в маяке, которые проводила их неизменная глава. Её имя оставалось неизвестным, и, похоже, никто его не знал, все называли её по-разному, кто просто «наша главная», кто «основательница», «ведущая», «мама», «светоч»... мы с Мари между собой называли её «Ноль», потому что она часто ходила в белом балахоне с большим чёрным нулём, насколько я помнил, это была эмблема какой-то торговой компании.

Мы по-прежнему не верили в то, во что все они – что Смотрители приказали нам оставаться здесь, потому что мы «избранный народ, который будет строить новый идеальный мир на развалинах старого...» бла-бла-бла. Возможно, захватчики просто сочли это забавным, как и всё остальное, что они заставляют нас делать. Я давно понял, что пытаться понять их бессмысленно.

Мысль о возможном побеге не оставляла нас. Что поделать, так уж устроен человек – стремится к свободе в любых обстоятельствах, даже не особенно понимая, что с этой свободой, собственно, делать в дальнейшем. Наверное, даже если бы кто-то насильно навязал ему есть каждый день красную икру бесплатно, отдыхать целыми днями и вообще предаваться всякого рода утехам – человек взбунтовался бы и против этого. Противоестественно это – бунтовать против любого насилия в мире, построенном на насилии. Но

когда-то я читал о том, что естественное – как раз враг человеческого. Я не особенно разбираюсь в биологии, и вообще события последних двух лет перечеркнули всё, что было достигнуто человечеством. Наверное, нужно отречься от всего и просто плыть по течению, но мы не могли. По крайней мере, я не мог.

День седьмой

Мари вчера почти всю ночь просидела за чтением, потому утром я будить её не стал и решил прогуляться по прохладе, заодно набрать воды из колодца. Признаться, вначале я с заготовленной усмешкой следил за реакцией Мари на сельскую жизнь, но она оказалась отлично к ней подготовлена. Она даже знала некоторые тонкости животноводства, которых не знал я. Кстати, да, в этом поселении было что-то вроде фермы, разводили индеек, куриц, коз и даже коров.

Я решил прогуляться вдоль обрыва, сделав крюк, посмотреть на море. Всё-таки ничто не сравнится с рассветом или закатом на море. Шум непокорных волн, свежий воздух, огромное водное пространство, издревле манящее людей тайнами, скрытыми за горизонтом. В конечном итоге ничего такого интересного, конечно же, горизонт никогда не скрывал, максимум – другую цивилизацию таких же людей, но, видимо, само путешествие всегда интереснее его итога. Стоя над обрывом и отрешенно размышляя о целях и смыслах, я

вдруг заметил внизу яхту. Похоже, она села на мель, и произошло это точно этой ночью, вчера её не было.

– Э-э-эй! – изо всех сил закричал я, и мой вопль, получившийся каким-то слишком жутким, эхом покатился вниз по скалам.

– Есть кто-нибудь? – крикнул я ещё раз помягче.

– Ты чего тут людей пугаешь? – раздался сзади сонный голос. Это была Райнис.

– Гляди, – с энтузиазмом сказал я, указав на белую яхту. Разумеется, чуть позже я подумал, зря я сразу раскрыл все карты, в конце концов неизвестно, можно ли ей доверять, и лучше было позвать Мари, но было поздно.

Райнис с любопытством взглянула вниз.

– Возможно, прислали новеньких! – с горящими глазами радостно объявила она и схватила меня за руку, – Пошли скорей!

– Может, позовём Мари? – несколько сконфузившись, предложил я.

– Времени нет. А вдруг нужна помощь?

Аргумент был сильным, но непонятно было, как спуститься вниз. Райнис повела меня к обрыву, оказалось, что за скалой была спрятана железная лестница, ведущая вниз. Выглядела она, мягко говоря, небезопасно, слишком крутая и с пятнами ржавчины, но Райнис уверенно и молча стала спускаться по ней, и отступать было невозможно. Оглянувшись зачем-то на спящее поселение, я вздохнул и последовал за

ней. Лестница была холодной и скользкой, а в спину с враждебным воем впивался морской ветер. Признаться, мне пришлось сделать над собой чудовищное усилие, чтобы продолжить движения, мешая страху сковать все мои мышцы. Когда я наконец ступил на землю, я был так рад, что на мгновение забыл, зачем я вообще пережил эту пытку.

– Эй! Меня кто-нибудь слышит? – услышал я голос Райнис, вернувший меня в реальность.

Но ответа не последовало. Мы чуть ли не бегом понеслись к яхте, поочередно обращаясь к предполагаемым гостям. И тут я почувствовал, что что-то не так. Я схватил Райнис за руку и приложил палец к губам, ещё и сам толком не понимая, почему. Райнис удивилась, но увидев серьёзное выражение лица, послушалась без вопросов. Мы стали приближаться к яхте медленно и молча, я включил фонарик и наконец увидел: все окна на яхте были разбиты, из них торчали корни деревьев, покрытые свежей кровью. На палубе красовался большой флаг с гербом города Арканы, изображающим кольцо с десятью ключами, поверх которого чёрной краской были две надписи: «выжившие» – зачёркнуто, и ниже – «негодные». На борту виднелось название судна – «Надежда», которое кто-то пытался стереть, оставив чёткими лишь две буквы – «ад».

– Пойдём, Райнис, – с тревогой сказал я, – Здесь уже некому помогать.

Райнис посмотрела на меня с удивлением.

– Почему? Мы же ещё не проверили! – весело сказала она и вприпрыжку помчалась к яхте.

Яхта села на мель, и с правого борта свисала веревочная лестница. Райнис помчалась к ней, но я остановил её.

– погоди. Посмотрим, может, кто спустился? Нужно поискать следы.

Райнис одобрительно кивнула, я включил фонарик, и мы осторожно осмотрели мокрый песок. И действительно, от лестницы вели следы, но какие-то странные. Один след от ботинка, а другой... словно одноногий человек волок что-то тяжёлое и длинное, вероятно канат. Мы пошли по следу вдоль берега, поминутно взывая к выжившему. Но ответа не было. Затем я услышал тихий плач. Мы пошли за этот страшный звук и наконец нашли его. Силуэт человека сидел на берегу, странно подвернув под себя одну ногу, и рыдал, закрыв лицо руками. Дрожащими руками я сжал фонарь, выставив его вперед, словно меч. Свет фонаря озарил картину, от которой вскрикнула даже невозмутимая Райнис. Закрыв лицо руками и рыдая, на берегу сидел мужчина в чёрном непромокаемом плаще. Одна нога его была нормальной, а другая, как ни посмотри, представляла собой толстый корень дерева. Пальцы мужчины тоже были странными, потемневшие и словно одеревенелые. Мы с Райнис стояли и смотрели на него, не двигаясь и не в силах вымолвить ни единого слова. Наконец он с трудом отнял руки от лица, которое показалось мне знакомым, и произнёс:

– Я проиграл. Ты ведь знаешь? Ты знаешь...
Я сразу же

СТРАНИЦЫ ВЫРВАНЫ

День девятый

Настала наша с Мари очередь идти за водой. Идти было не далеко, но предстояло наполнить много бочек. Работёнка на целый день, и я подумал, хорошо бы успеть до темноты. Темнота опустилась за землю слишком рано, как нам показалось, но мы обнаружили, что никто из нас не помнит, когда раньше темнело в это время года, а возможности посмотреть в интернете уже не было. С каждым днём становилось всё холоднее, и я был уверен, что раньше в это время всё ещё можно было ходить в лёгком пальто.

– Да, – вздыхала Мари, – В прошлой жизни я всегда покупала себе новую зимнюю куртку... примерно в следующем месяце.

– Не сомневаюсь, – ехидно заметил я. Какой же дурак будет два сезона подряд носить одно и то же?

– Это не то, что ты подумал, – не менее ехидно ответила Мари, та, прежняя язвительно-весёлая Мари, услышать ко-

торуую теперь можно было не так часто, – Просто каждый год я отдавала всю свою одежду на благотворительность. Да и не только одежду...

– Ты? – искренне удивился я.

– Ну да. А что? Неужели ты ещё не понял, что человек может быть разносторонним? Ты вот тоже, знаешь ли...

– Ладно, я понял, – отрезал я. Не хотелось мне сейчас слушать о себе ни похвалу, ни критику, – Давай лучше обсудим план.

– План? Какой план?

Я удивленно посмотрел на неё, не заметил яму на дороге, споткнулся, и тележка с проклятыми алюминиевыми бочками покатила прямо на меня. Мари хохотнула, но успела остановить её.

– В смысле, какой план? – поднимаясь и отряхиваясь от сырой земли, спросил я, – Мы здесь уже вторую неделю, но так и не обсудили толком. Что мы будем делать, как выбираться отсюда! Вот о каком плане я, чёрт возьми!

– А, ты об <<этом>> плане... а он у нас может быть? Высшая мера, ты разве не помнишь?

– Хорошо, но должен же быть ответ на вопрос «зачем мы здесь»?

– А раньше он был? – резонно спросила Мари, ловко задрал ко лбу одну бровь.

– Справедливо. Но это не обычный приказ. Массовый. Мы о таком ранее не слышали. Ты пыталась говорить со

Смотрителем?

Мари помотала головой.

– Я стараюсь избегать контактов как могу. Никогда я эту тварь не звала добровольно и не буду. Погоди... а ты что...?

Я немного смутился.

– Ну... было разок. Или два...

Мари остановилась.

– Винс... а зачем?

Хороший вопрос. Действительно, зачем?

– Честно говоря... я не уверен, но... раз они – причина наших бед, они же могут их и решить. Наверное, я пытался... договориться, что ли...

– Понятно. Стокгольмский синдром во всей красе, – мрачно заключила она.

Спорить я не стал. И спрашивать, что такое «Стокгольмский синдром», – тоже. Очевидно, что-то не очень лестное из психологии. Никогда её не любил и всегда считал псевдонаукой.

Какое-то время мы шли в напряжённом молчании. Нас окружали голые деревья, чуть припорошенные снегом, кое-где ещё мелькали ярко-синие огни цветка звезды-розы. При нашем приближении они вздымали ввысь, разлетались на части и их уносило в сторону ветром. Красивое зрелище, как ни крути. Почти как фейерверк.

– Интересно, для чего этому цветку такой странный механизм? – произнёс я, чтобы разрядить обстановку.

– Ими движет страх. Синие лепестки – это семена, которые цветок пытается удержать. Но при приближении зверя он выбрасывает их, чтобы не съел. И тем самым помогает им прорасти. А некоторым – быть съеденными. Ирония в том, что цветок обладает ядовитыми шипами, и пока звезда-роза сама не выбросит семена, зверь их трогать не будет. Но такие храбрые, уверенные в себе цветы не смогут расплодиться и в итоге вымрут.

Удивительно, но это и впрямь было интересно.

– Природа – злобная ироничная гадина. Оставляет в живых трусливых и глупых. Поощряет не самые хорошие черты характера. Выходит, у нас со звездой-розой много общего.

– Ну, это мы почему-то решили, что трусость и глупость – это плохо. Для природы плохо лишь то, что приводит к смерти и не приводит к размножению.

– М-да, ну, размножиться сейчас у меня при всём желании не получится. Должно быть, поэтому матушка-природа просто исключила всю нашу планету из списка своих проектов.

Мари захохотала своим старым-добрым мерзким смехом.

– А кстати, Винс, может, попробуем? Ни у кого не выходит после внедрения, а вдруг выйдет у нас? – при этом она очень странно на меня посмотрела.

– Шутить изволишь?! – должно быть, я смутился, потому что Мари захохотала ещё отвратительнее.

– Знаешь что? Твоя очередь тащить эту проклятую телегу, – злобно ответил я и бросил ручки тачки.

– Хорошо, хорошо! Но ты подумай. Может, не я, но как тебе, скажем, Райнис? Молодая, стройная, блондинка...

– Давай сменим тему, – попросил я и тут же добавил, – Может, всё-таки подумаем насчёт плана?

– Да что тут можно придумать, – пожалала плечами Мари, – Знаешь, я, наверное, уже просто исчерпала все свои силы и сейчас способна только плыть по течению. Может, так и надо, а?

– Не знаю. Мне просто кажется, что опустить руки – значит... проиграть. «Я проиграл. Ты знаешь? Знаешь!» – прозвучали тут же у меня в голове последние слова того бедолаги, знакомого Мари. Но я не рассказывал. И не стану.

– Винс? Что с тобой? Ты побледнел.

– Побледнеешь тут. Ну, может, ты и права, но я уверен, что здесь нас ничего хорошего не ждёт. Ладно, давай просто сохранять бдительность и поменьше общаться с сектантами. Ты согласна?

– Гляди, а вот и колодец! – радостно воскликнула Мари.

Колодец был огромный, каменный, с отбитыми краями. В сгущающихся сумерках всё ещё можно было различить узоры, изображающие драконов с рыбьими хвостами, королевскую символику, практически уничтоженную после войны.

– Ничего себе! Да этому колодцу лет сто, не меньше! – восхищенно сказала Мари, включила фонарь и принялась жадно осматривать его, – Должно быть, неподалёку было одно из королевских поместий...

– Ладно, уже темнеет... – поторопил я, выгружая бочки с тележки.

– ...по легенде, символ Морского дракона происходил от Эрины Мавелли Завоевательницы, основательницы королевского рода, которая во время первого похода за море познакомилась с одним таким лично. Говорили, что она высадилась на неизвестный остров, по традиции пошла вперёд, как лидер, и пропала. Её нашли через пару дней в какой-то пещере, и она рассказала, что ей явился «хозяин морей» и приказал поворачивать назад и обратить свой взор на север континента. Она послушалась его, в итоге завоевала материк, но спустя несколько лет всё же вернулась в море и погибла при первом же столкновении с народами островов. И с тех пор королевская семья поместила «хозяина морей» на свой герб, как напоминание о необходимости слушаться богов, – говоря всё это, Мари поднимала со дна колодца ведро. Ручка ужасно скрипела, и мельком я подумал, что неплохо бы смазать её в следующий раз.

– Я никогда серьёзно не относилась к религиям и мифам, но теперь вот думаю, а что, если это были первые контакты, так сказать? Ведь многие мифы именно об этом, о невероятной силе богов, неисповедимости их воли и необходимости послушания?

– Да, очень может быть, – согласился я, откручивая крышку бочки. Холодало, пальцы мёрзли и не слушались, приходилось поминутно дышать на них.

– Но странно, что долгое время человечество ничего о них не слышало. И вдруг это явление начинает носить массовый характер.

Мари пожала плечами.

– Значит, что-то изменилось везде. Видимо, Альберт был прав, говоря о стихийном бедствии, вызванном колоссальными изменениями окружающей среды.

– Почему же тогда мы не заметили этих изменений?

– Видимо, ещё заметим. Либо они недоступны нашим органам чувств.

Дальше мы работали в молчании. Когда погрузили последнюю бочку, Мари, тяжело отдуваясь, уселась прямо на край колодца.

– С ума сошла? А ну слезай... – недовольно заворчал я, но Мари перебила меня тревожным голосом:

– Дай-ка мне свой фонарик, Винс.

Она направила луч света на землю, и он осветил совершенно неожиданный предмет. Я поднял его с земли.

– Что это? – недоумённо спросил я, крутя в руках штуквину, заляпанную грязью – Неужто...

– Да. Как ни крути, это лошадиная подкова.

Мари прыгнула, взяла её у меня и стала очищать от грязи.

– Гляди. Здесь с обратной стороны гравировка. «Собственность поместья Шаушеску». Значит, там есть выжившие! Идём, Винс! – вдохновлённо заговорила она и уже было ломанулась в лес, как я запротестовал:

– Погоди, ты чего? Идти неизвестно куда на ночь глядя? С этими бочками? К тому же с чего ты взяла, что эта подкова не лежит тут уже лет пятьдесят?

Мари осуждающе покачала головой.

– Ну и глупенький ты всё-таки, Винс! Она бы давно покрылась ржавчиной, да и не лежала бы на поверхности. Но насчёт темноты ты, пожалуй, прав. Давай отвезём обратно воду, а отправимся завтра на рассвете. И в лагере никому ни слова, думаю, ты сам понимаешь.

На том и порешили.

День одиннадцатый

Мари оказалась способным следопытом. Я бы вряд ли смог даже найти место, где лежала вчерашняя подкова, но благодаря Мари мы с уверенностью углублялись в лес по следам копыт.

– Надеюсь, мы вернёмся к собранию, чтобы не вызвать подозрений, – обеспокоенно говорил я, озираясь по сторонам.

Сосредоточенная на следах Мари отвечала:

– В полученном нам приказе о собраниях не было ни слова.

– Точно, а если что, нужно в следующий раз просить в письменном виде с пояснениями, с подписью и печатью.

Мари засмеялась, и сказала задумчиво:

– Много ли значит бюрократия в мире абсолютной тира-

нии?

– Думаю, в мире абсолютной тирании мало что имеет значение. Ну ладно, как думаешь, долго нам ещё идти? Мы хоть обратно сможем вернуться?

– Но-но-но! Вот это обидно было. Но, кажется, твои беспокойства напрасны.

И вправду, впереди, между стволами толстых деревьев виднелся забор. Старинный забор, с высокими фигурными кольями, местами всё ещё блестящими золотым покрытием. Мы подошли ближе и стали искать ворота, по счастью, оказавшиеся рядом. На удивление, они были открыты, и мы вошли внутрь. За забором был такой же густой лес, как и снаружи, и просёлочная дорога, покрытая грязью, снегом и следами копыт. Кое-где даже проглядывались булыжники.

– Мари, может на всякий случай свернём с дороги?.. – начал я, но Мари вдруг приложила палец к губам, схватила меня и потащила к ближайшим хвойным кустам. Через пару мгновений я услышал стук копыт.

Мимо нас промчались двое всадников на огромных вороных лошадях, одетых в чёрные свободные одежды. У ворот они остановились и спешили.

– Ну сколь ещё это продолжаться буде, кум Микеландро? Память вашу надобно розгами тренировать, ей-богу!

– Клянусь Богом Морским, не повторится боле! А ежели нарушу клятву свою, сам розги возьму и на поклон к вам приду!

Мари прыснула и зажала рот рукой. Да уж, только сборища сумасшедших реконструкторов нам и не хватает, подумал я.

Кум Микеландро и его спутник тем временем закрывали ворота. Мы с Мари переглянулись, осознав, что нам и повезло, и нет. Обратного пути теперь не было. Я вопросительно кивнул в сторону всадников, и сделал жест, предлагающий выйти из укрытия. Мари подумала и кивнула в ответ.

– Вечер добрый! Хвала небесам, что здесь кто-то есть! А то мы уж начали думать, что пропали... – начала Мари совершенно непринуждённым добродушным тоном.

Двое всадников замерли и недобро переглянулись.

– Как вы здесь очутились? – нахмурившись, строго спросил называемый Микеландро безо всякой любезности.

– Мы бы рады ответить, – отвечала Мари с той же любезностью, словно не замечая напряжения, сгущавшегося в воздухе вместе с вечерней темнотой, – мы плыли на яхте с группой выживших, но... дела пошли плохо, и нам пришлось сойти на берег...

У меня внутри так всё и упало. Она знает! Или нет? Совпадение? Чёрт, как же вовремя!

Я мгновенно провалился в свои мысли об этом и пропустил часть их диалога. В чувства меня привёл толчок в бок.

– Извините, мой спутник шокирован происходящим слишком сильно. Ну так что, договорились?

– Негоже мужчине полагаться на женщину в трудное вре-

мя, – осуждающе покачал головой Микеландро, – Но я склоняюсь пред вашим мужеством, леди Мария. Прошу следовать за нами.

И мы поплелись за всадниками, идущими впереди, на таком расстоянии, что мы не могли слышать их тихие переговоры, как и они – наши.

– Винс, ты чего? – злобно зашипела Мари мне в ухо, – Правда, что ли, в ступор впал?

– Прости, – только и смог выдавить я, – Давай об этом потом поговорим...

– Ладно, но ты давай, приходи в себя уже! Мне это всё не нравится. Не оставляй меня одну с этими...

Я кивнул.

Всадники привели нас к огромным воротам старинного замка, украшенным чугунными изображениями русалок. Один из всадников достал колокольчик, и ударил в него три раза. Ворота начали отворяться со страшным скрипом. За ними нас ждала тропинка, обозначенная горящими факелами. Уже стемнело и тени деревьев в свете колышущегося на ветру огня шевелились, словно щупальца.

– Леди Мария, – сказал Микеландро с фальшивой любезностью, – И, разумеется, господин Винсент, – спешно прибавил он, – Будьте благонадёжны, вам окажут самый радушный приём. Наш хозяин, даром что принц – человек крайне терпимый и любезный, но я заклинаю вас всё же не пренебрегать его мягкосердием.

Мы с Мари тревожно переглянулись. Какой ещё принц?..

– Добро пожаловать в дом Мавелли, – сказал Микеландро и открыл дверь замка.

* * *

Когда нас усадили за огромный стол в виде десятиконечной звезды, Микелландро принялся шепотом нас инструктировать:

– Первыми не говорить. Когда их величие принц Мавелли войдёт, встать и поклониться. Как уж сумеете. Будьте вежливы и учтивы. Помните, что граф имеет право вышвырнуть вас вон при малейшем проявлении дерзости...

Я собирался открыть рот, чтобы попросить вышвырнуть нас прямо сейчас, но Мари толкнула меня в бок и заговорила сама:

– Благодарю вас, сударь, мы обязательно будем вести себя уважительно.

Микелландро улыбнулся, кажется, немного успокоился и куда-то ушёл. Мы остались одни.

– Винс, я понимаю, эти ребята, похоже, окончательно спятили, но послушай, именно поэтому их провоцировать не стоит. Умоляю тебя, подыграй им и мне и, может, разойдёмся с ними мирно! – зашипела Мари мне в ухо.

Я торопливо закивал, собирался было открыть рот, но не успел. В огромных дверях из красного дерева появился Ми-

келландро и торжественно объявил:

– Его Величие принц Ариан Мавелли, наследник престола и Первый служитель Хозяина Морей!

В столовую вошёл очень худой молодой человек с длинными пепельно-белыми волосами, белыми же бровями и ресницами. Глаза его отливали фиолетовым, на нём был одет пурпурный камзол, перетянутый поясом с серебрянной бляхой, изображающей десятиконечную звезду с жутким лицом в центре. В руке у него была трость с головой какой-то рыбы.

Мы встали и поклонились. Принц улыбнулся и поклонился в ответ.

– Доброй ночи, дорогие странники, – сказал он мягким голосом, почти женским, – Милости прошу к нашему очагу. Вы, должно, голодны? Не беспокойтесь, сегодня отужинаете со мной на равных. Микелландро, – обратился он к своему слуге, смотрящему на него, как на божество, – прошу, оставь нас. Я желаю говорить с гостями наедине.

Микелландро согнулся пополам и тут же исчез. Принц сел рядом с нами и вдруг расстегнул свой пояс и швырнул его на стол. Мы синхронно вздрогнули. Затем он сбросил свой камзол, и под ним оказался вполне современный спортивный костюм, из карманов которого принц достал пачку сигарет и тут же закурил, предложив сначала нам. Мари взяла сигаретку, он дал ей прикурить электрической зажигалкой.

– Зовите меня Ариан, пока мы наедине. Итак, как вас зовут? Как вы сюда попали?

– Я Мари Дэнуа, а это – Винсент Смит, – сказала Мари, таращась на него.

Ариан заметил наши взгляды и рассмеялся.

– Ах, это! Ну да, приходится подыгрывать. Я давно всё понял, ещё в детстве, но Боги свидетели, если бы я мог свалить отсюда...

Мы ничего не понимали. Ариан рассказал.

Оказывается, он действительно потомок великой завоевательницы Эрины Мавелли, и два столетия после свержения царя их семья скрывается в этом поместье. Строго говоря, необходимость в этом отпала довольно быстро, после окончательного установления власти парламента – но их семья была слишком напугана и с тех пор вела затворнической образ жизни. Строго-настрого им запрещали общаться со внешним миром, но с появлением интернета всё изменилось. Ариан умудрился раздобыть смартфон и выход в сеть и совсем уже собирался сбежать, но тут грянуло Вторжение и куда бежать, стало, в общем-то, не совсем ясно.

– Да, дела... – сказал я, – Сочувствую вам. Если бы я знал, чем вам помочь...

Ариан пожал плечами и щелчком пальцев отправил недокуренную сигарету в камин.

– Да я всё понимаю. Судьба. Да и мне бежать Посланник не велит. А вас, я так понимаю, они сюда и затащили?

Мари рассказала вкратце нашу историю, кроме последней главы.

– Я вам завидую. Вы жизнь видели. А я свою в дурдоме провёл. Надеялся хоть напоследок... слушайте, а может останетесь...? – с надеждой глядя нам в глаза по очереди начал он, но его прервал стук в дверь.

– П-проклятье! – выругался он, спешно надел обратно свой нелепый наряд и пошёл к двери.

– Почто принца беспокоишь, Микелландро? – строго спросил он, и вдруг они оба перешли на шёпот. Мы напряглись. Когда Ариан закрыл дверь, он подозвал нас рукой.

– Ещё кого-то чёрт несёт. Говорят, группа людей с факелами и женщиной во главе ломится в ворота. Кого это вы нам привели на ночь глядя?

Мы с Мари виновато опустили взгляды.

Только этого и не хватало дому Мавелли.

– Садитесь, садитесь, – улыбаясь, говорила Ноль, таким тоном будто принимала гостей у себя дома. Райнис и остальные фанатики, которых я пока не запомнил по именам, рассаживались за огромным столом, и сразу обнаружилось, что мест на всех не хватит. Мы с Мари сказали, что можем посидеть в сторонке у камина, но Ариан возразил и сказал, что сейчас принесут стулья. Пока он отошёл отдавать распоряжения, я впился враждебным взглядом в глаза Ноль, и она,

продолжая улыбаться, говорила:

– Спасибо великой воле Небесной, что послала нам двух непослушных овец, ибо они привели нас к возможным праведникам.

Мы с Мари переглянулись, но промолчали. Остальные восторженно закивали.

– Думаю, ни у кого нет сомнений, что в ближайшее время дом Мавелли, считавшийся сгинувшим и восставший из пепла на наших глазах, вскоре встанет на праведный путь...

Когда вернулся Ариан, Ноль не обратила на него никакого внимания, продолжая лить в уши своей пастве привычные помои. Послушав её пару секунд, Ариан, кажется, всё понял, по лицу его пробежала тень отчаяния, быстро сменившаяся обычной маской спокойствия и радушия.

– Что ж, – мягко улыбаясь, начал принц, – В доме Мавелли рады оказать посильную помощь любым путникам в эти тяжкие времена. Однако я вижу, что вы в ней не нуждаетесь. Ответьте тогда, для чего вы переступили порог моего дома?

– О, вы правы, в помощи мы не нуждаемся, напротив, мы пришли предложить её вам. Вы, разумеется, можете отказаться, но уверяю вас, в скором времени вы передумаете.

Ноль достала из кармана своего помятого балахона бумажку и протянула её Ариану.

– Так вам будет проще нас найти, когда придёт время. А если у вас всё же возникнут трудности, мы непременно вернёмся, чтобы помочь вам отыскать единственно правильный

путь к свету. Наш маяк не даст вам заплутать во тьме.

Ариан нахмурился, глядя на карту, мотнул головой и сказал:

– Я благодарю вас за озабоченность нашей судьбой, но поверьте, дом Мавелли не так слаб, как может показаться на первый взгляд. Мы выживали столетиями в условиях вражды и изоляции, выстоим и теперь. А сейчас я вынужден откланяться и попросить вас уйти, время позднее.

Ноль молчала какое-то время, не переставая улыбаться и смотреть ему прямо в глаза. Мне казалось, что она может наброситься на него, я уже приготовился было встать между ними, но тут она вздохнула и сказала:

– Разумеется. Прошу прощения за беспокойство в такое время, но тьма сгущается с каждым днём всё сильнее, и время не на нашей стороне, и вы скоро это поймёте.

Не говоря ни слова больше, она встала и направилась к выходу. Мы с Мари тоже было поднялись, но Ариан жестом попросил нас задержаться. Райнис, уходящая последней, подошла к нам и сказала:

– Конечно. Оставайтесь на ночь. Как раз узнаете наших новых братьев получше, а к утру, возможно, покажете им дорогу, и карта не потребуется! – она подмигнула и выбежала из столовой.

Ариан выдохнул и посмотрел на нас с ужасом.

– ...ну вот, а когда мы вышли из машины в поисках помощи, встретились с ними и получили приказ остаться, – ска-

зала Мари.

Ариан рухнул на диван возле камина и сказал:

– Никогда бы не подумал, что буду сожалеть, что окно во внешний мир наконец-то открылось.

– Боюсь, что это окно закрыто навсегда для всех нас, – проворчал я, плюхаясь в кресло.

Ариан пожал плечами и снова закурил.

– Даже хорошо, наверное, что недавно сухой закон ввели.

Иначе бы спился.

– Не ты один, – угрюмо кивнула Мари.

– Это точно! А курить, как видите, можно пока. Неужели нам ввали всю жизнь, что курение убивает? – весело подмигивая, сказал Ариан.

– Вы хотите сказать, что тирания захватчиков задумывалась нам на благо? – раздражённо спросил я.

– Многие тираны искренне убеждены, что действуют на благо общества. Я ни на что не намекаю, но ваша подруга в белом балахоне, кстати, похоже сильно озабочена судьбой окружающих...

– Да, тут вы правы. От неё стоит держаться подальше, но мы вам ничем не поможем, если получите приказ. На самом деле я советовал бы вам убираться подальше. Берите своих лошадей и скачите в Аркану, ищите выживших, сохранивших рассудок. Ну и город заодно посмотрите.

– Ах, если бы я знал, как туда добраться! – мечтательно закатил глаза Ариан, откидываясь на спинку кресла.

– Ну, это как раз не проблема, – сказала Мари. – Я могу нарисовать вам карту.

На том и порешили. Глаза принца светились от счастья, когда Мари старательно выводила карту и делала пометки. Я даже почувствовал укол жалости, подумав, что никогда в жизни ещё он не был так счастлив. Погодите, а я – был? Хоть раз? Я принялся копаться в памяти, и к своему стыду не смог вспомнить. А почему к стыду, кстати? Почему мне стыдно, что я несчастлив? В нашем обществе это считается чем-то вроде провала. Я – неудачник. Но я ли один в этом виноват?..

– Ну вот, – прервала мои размышления Мари, складывая карту и протягивая её Ариану.

Ариан выхватил её у Мари из рук, заговорщически огляделся, приложил палец к губам и подмигнул нам. Мы ещё немного посидели у камина, стараясь изображать обыденную дружескую беседу ни о чём, и отправились спать. А когда наутро мы спустились вниз, обнаружили труп Ариана с простреленной головой. А остальных и след простыл, словно их никогда и не было.

День пятнадцатый

Пару дней назад Мари задержалась на собрании. Я ушёл как обычно, сразу после окончания, и с удивлением обнару-

жил, что Мари не шла следом за мной. Я не придал этому значения, но и вчера и сегодня повторилось то же самое. Сегодня спрошу её напрямую.

День шестнадцатый

Вчера я не мог ничего написать, потому что, честно говоря, был немного в шоке, мягко выражаясь. Оказывается, Мари начала общаться с Ноль. И делает это в тайне от меня, очевидно, опасаясь моей критики. По поводу своих задержек она выразилась кратко – «ты не поймёшь». Ну, да, наверное, мы с ней не такие уж близкие люди, но моя реакция на её отдаление стала сюрпризом для меня самого. Меня это задело. Мы многое с ней пережили, помогали друг другу, сблизились... как мне казалось. Я переживаю за неё. Она не плохой человек, как оказалось, и да, чёрт возьми, я признаю, что ненавижу богатых людей всего лишь из-за личных проблем с матерью, которая променяла моего отца на богатого олуха. Я признаю это, слышишь!! Оставьте Мари в покое, не дайте ей сойти с ума!!

<<С чего ты взял, что это не ТЫ тут сходишь с ума, Винс? Быть может, Мари наконец нашла своё место. Возможно это ты тут лишний! Может мне выслать тебя куда подальше, чтобы ты не мешал ей своим циничным умом? Признайся, ты будешь только рад!>>

Что? Какого? Убирайся из моего дневника! Это мой по-

следний приют, последний оплот свободы! Не смей трогать меня и здесь, захватчица!!

<<Ну-ну, будет тебе! Смирись уже, у тебя нет от меня тайн. Я не враг тебе, Винс. У тебя нет и никогда не было врагов, кроме того чудовища, которое выросло внутри тебя вместе с твоей прекрасной душой. Это неизбежно. Когда ты становишься сильнее – оно тоже старается не отставать. Но ты не безнадёжен. Жаль, что ты один в это не веришь. Позволь мне предпринять очередную попытку доказать тебе это – отправляйся завтра на дополнительную встречу с той, кого ты прозвал «Ноль» вместе с Мари Дэнуа. Да, это приказ с высшей мерой, если вдруг не понял. Если всё же не дошло с первого раза – теперь можешь просто перечитать!>>

Да пошла ты! Убирайся! Впрочем, бесполезно. Что это со мной? Эмоции берут верх... значит, новый приказ. Что ж, отлично. Между прочим, я и сам собирался так поступить.

День семнадцатый.

Мари была не в восторге от моего намерения присоединиться. Должен признаться, я не сразу сказал, что это приказ. Решил посмотреть на чистую реакцию. Она пыталась отговорить меня.

– Тебе будет не интересно, Винс! Чисто женский коллектив! – говорила она, изображая свою обычную лукавую интонацию. Именно изображая, даже я это смог уловить. И это

напугало меня более всего. Она менялась. Но я не подал виду, вздохнул и признался, что это приказ. Мари понимающе закивала головой и велела следовать за ней.

Ноль обитала в самом дальнем домике, опасно расположенном на краю обрыва. Я слышал, как волны яростно бьются о скалы, когда мы стояли у двери, и слышалось в этом звуке предостережение. Но предаваться подобного рода ощущениям было некогда, дверь открылась и на пороге возникла она – в своём неизменном балахоне, босыми ногами и нарочито неаккуратной причёской. Во всём её образе и поведении чудилась мне какая-то показушность и неискренность, и я никак не мог понять, как эта женщина смогла расположить к себе такого циника и реалиста как Мари Дэнуа, и, должно быть, я опасался сам попасть в её сети. Но кто-то же должен в этой ситуации сохранять рассудок?

– Прошу, проходите, не стойте на холоде, – вежливо сказала Ноль, галантно пропуская нас внутрь. Она несколько не удивилась моему присутствию, либо профессионально не подала виду.

Обстановка внутри была довольно уютной, домашней. В большой комнате, куда нас привели, разгорался огонь в камине, на столике стоял походный чайник, на диванах лежали шерстяные пледы. Жестом Ноль пригласила нас сесть и тут же начала хлопотать с сервизом. Я отказался от чая, но Ноль всё равно всучила мне чашку с горячим и, надо признаться, соблазнительно пахнущим напитком, и, даже не глядя на ме-

ня, обратилась к Мари:

– Дорогая, напомни мне, на чём мы в прошлый раз оставились?

Вот сука, подумал я и гневно взглянул на Мари, будто говоря – неужели ты не видишь?

Но Мари была словно сама не своя.

– Ну... я рассказывала Вам об отношениях с отцом...

Она замолчала и покосилась на меня.

– О, прошу, не надо стесняться. Он здесь, с нами, а значит, и он скоро поймёт. Если бы был не способен – его бы сюда не прислали, так ведь?

Мари кивнула и продолжила говорить. Она рассказывала о том, что её отец ни в что её не ставил, считая, что женщина не способна добиться никаких успехов в жизни, что её единственное предназначение – рожать детей. Разумеется, в ответ на это Мари всю свою жизнь положила на то, чтобы доказать ему, что он не прав, и конечно же, ничего не доказала. В глазах отца она оставалась «всего лишь женщиной». Но когда Мари плюнула на это неблагодарное дело и решила наконец жить так, как именно она хочет, выяснилось, что, в общем-то, детей она завести не против. С мужчинами не складывалось, она нашла донора и родила прекрасного сына. И всё было хорошо, но от привычки побеждать не так-то просто отказаться. Потому в тот роковой день Мари поехала на соревнования по покеру, а сына забирал из школы водитель, который любил ездить другой дорогой. В итоге – авария, оба

погибли. Мари чувствовала свою вину за случившееся, ведь если бы она поехала за ним сама – этого бы не случилось. Её отец, разумеется, также обвинил во всём её.

Я слушал всё это с болью в сердце и растущим ощущением, что я здесь лишний. Мари это заметила и сказала:

– Не волнуйся, Винсент, мы всё понимаем. Мне надо было рассказать тебе раньше, прости, но это не так-то просто...

– «Винсент»? «Мы»? Мари, серьёзно? Да что с тобой?! – не выдержал я, вскочил и опрокинул на себя этот проклятый чай, – Мари, ты имеешь полное право никому про такое не рассказывать! Ай!

Кипяток добрался до моих ног и я был вынужден отлучиться в ванную. Ноль снисходительно предложила мне чистые брюки, я гордо отказался. Когда я вернулся, Ноль держала Мари за руку и что-то тихо и уверенно ей говорила. По щекам моей подруги бежали слёзы. В этот момент, кажется, впервые в жизни мне искренне захотелось кого-то ударить. Ноль бросила быстрый взгляд в мою сторону, очевидно, считав мои чувства, улыбнулась и сказала:

– Прошу вас, Винсент, я знаю, вы считаете меня врагом. Поверьте, я только хочу помочь. Вашей подруге необходимо выговориться, отпустить своё прошлое, переосмыслить его. Видите ли, беда нашего вида в том, что у нас очень хорошая память. И так уж она устроена, что плохое запоминается лучше всего. Это необходимо, чтобы избегать опасности в дальнейшем, но за счёт передачи знаний наше сознание раз-

вилось гораздо стремительнее древнейших механизмов выживания. Эти механизмы стары и часто ошибаются, и это нам приходится постоянно доказывать нашему внутреннему зверю. Мы не должны ругаться с ним, объявлять ему войну. Зверь хочет всего лишь защитить себя, нам лишь нужно указать ему правильный путь к безопасности.

Психотерапевт. Либо психолог – пронеслось у меня в голове. Будь я проклят, если в прошлом она не работала с людьми. Вот как ей это удаётся.

– Я помню нашу первую встречу. Тогда я была не в себе, и прошу прощения за плохое первое впечатление, которое, вероятно, я на вас произвела. Но с тех пор многое изменилось, встало на свои места...

– Я абсолютно уверен, что наше место вовсе не здесь, – уверенно перебил её я, – Мари, может пойдём обратно уже?

– Винсент... прости, но я впервые за долгое время чувствую себя на своём месте. Мне кажется... тебе тоже стоит уже... сдаться.

И тут я вылупился на неё так, что и сам почувствовал: ещё чуть-чуть, и глаза вылезут из орбит. Ноль не смогла сдержать улыбку и сказала:

– Винсент, проявите уважение к чувствам вашей подруги, если она и вправду вам дорога. Вам кажется, что она не в себе, но на самом деле она только сейчас раскрылась по-настоящему. Впервые за всю свою жизнь.

И тут что-то внутри меня треснуло и надломилось. Я ещё

раз заглянул в лицо Мари и понял, что Ноль права. Лицо Мари Дэнуга было ясным и чистым, и я осознал, что на самом деле всего лишь ревновал. Я оказался бесполезен для неё. Она нужна была мне больше, чем я ей... И незнакомка за пару недель сделала для неё больше, чем я за все эти долгие месяцы.

Мы поговорили ещё немного, хотя я по большей части молчал, и слушал плохо, погружившись в себя. Когда мы вышли из дома Ноль, Мари предложила прогуляться вдоль обрыва. Она взяла меня под руку и мы пошли в сторону маяка. Всю дорогу мы шли молча, и когда подошли к обрыву, Мари встала ко мне спиной, устремив взгляд на океан. Холодные волны внизу с шумом разбивались о скалы, где-то вдали кричали птицы.

– Не знал, что у нас водятся ночные птицы, – сказал я, чтобы нарушить молчание.

– Спасибо тебе, – произнесла Мари торжественным тоном.

– Что, прости?

– Спасибо тебе за всё. Спасибо, что был со мной. Спасибо что полюбил меня. Рада, что именно я оказалась тем человеком, благодаря которому ты смог измениться и забыть о классовой ненависти. Но, боюсь, здесь наш совместный путь подходит к концу. Попрошу лишь об одном – не забывай меня. Ты один из немногих людей в моей жизни, кто был со мной честен и в ненависти, и в любви.

И тут я понял, что сейчас произойдёт нечто ужасное.

– Мари, нет! – только и успел выкрикнуть я, но было поздно.

Мари сделала шаг вперёд. Я кинулся вперед, так быстро, как мог, стараясь схватить её. Но я не успел. Я и сам чуть не упал с обрыва. Но, когда я смотрел вниз, я уже её не видел. Возможно она успела скрыться во тьме, или... нет, я тешу себя пустыми надеждами. Я до сих пор не верю, что она это сделала. Но уже в тот самый миг я был уверен: тем, кто толкнул её в пропасть, была Ноль. Нет, она не помогает людям. Она вредит им тем единственным способом, что остался. Убеждение. И я решился. Я нарушу все правила. Все приказы, чего бы мне это ни стоило. Но я отправлю Ноль вслед за Мари Дэнуа. Её лицо сегодня... то, что я принял за ясность ума... это были решимость и смирение. Это было прощание.

На землю обрушился страшный ливень, словно само небо заплакало по моей подруге. Потоки воды были такими густыми, что я едва мог что-то разглядеть. Я никогда раньше не видел такого сильного дождя, хотя, если задуматься, я никогда не покидал окрестности Арканы. А вот моя мать много где побывала, насколько мне известно. С её новым богатым мужем, конечно же.

Я достал из внутреннего кармана фонарь, что дала мне Мари, и направился обратно в дом Ноль.

Ненавидел ли я богатых людей лишь из-за предательства

матери? Нет. Видимо я сам предавал богатству большое значение.

Я подошел к двери Ноль и постучал в неё кулаком. Ответа ожидаемо не последовало. Тогда я выбил ногой дверь и вошёл внутрь.

Когда мы виделись с матерью в последний раз, она сказала мне что однажды я её пойму. Однажды мне тоже повстречается человек, ради которого я буду готов отказаться от своих принципов. Я вспомнил об этом, когда бродил в темноте по чужому дому с намерением убить его обитателя.

Аматэрасу, где же ты? Почему не остановишь меня?

– Ноль! Где же ты? Выходи, у меня к тебе есть пара вопросов! – грозно кричал я в темноту дома. В камине тлели угли, сбивая настройку зрения на ночной режим. Я ещё раз беспомощно похлопал себя по карманам, и на удивление всё же обнаружил во внутреннем кармане куртки маленький фонарик. Пока я лихорадочно доставал его, сзади вдруг послышался странный звук, какой-то металлический щелчок. Я включил фонарь и резко обернулся.

«Однажды ты встретишь её. Свою Богиню Солнца. Она будет сиять для тебя и днём, и ночью» – пронеслись в памяти слова матери.

Но вместо богини передо мной стояла Ноль, в своём неизменном белом балахоне и с ружьём в руках. На лице её не было ни ухмылки, ни злости, лишь обычное скучное выражение.

– Перестаньте, Винсент. В этом нет никакого смысла. Или я буду вынуждена исполнить волю Небес.

– А силёнок-то хватит? – постарался ухмыльнуться я, хотя мне было трудно скрыть страх. Я думал, что всё оружие исчезло, либо люди не могут даже брать его в руки...

Мои размышления прервал самый громкий звук, который я когда-либо слышал. Никогда раньше не приходилось иметь дел с оружием, и, оказывается, в кино нам лгали и в этом – звук выстрела из ружья в помещении настолько оглушительный, что от него начинает жутко звенеть в ушах. А ещё ты мгновенно теряешься, я упал на пол и закрыл голову руками, издав вопль, которого не услышал сам. А вот Ноль слышала. Когда я осмелился взглянуть на неё, она хохотала как безумная. Затем она начала что-то говорить, но звон в ушах всё ещё стоял.

...сил Небесных. Вы меня слышите, Винсент? – она подошла и пнула меня ногой.

–

– Встать! – заорала она таким злобным командным голосом, что я немедленно вскочил, как марионетка на нитках.

– Как ты смеешь противиться волне Небесной?! Я есть её исполнитель и я приказываю тебе повернуться спиной и заложить руки за голову!

Я повиновался. Вихрь эмоций из страха, вины за свою трусость и гибель Мари, горя и отчаяния кружился у меня внутри. Это было уже слишком. Я думал, ещё чуть-чуть и я,

наверное, просто умру, не выдержав всё это. И тут я услышал шепот. Амагэрасу прошептала мне на ухо одно слово, и тут я всё понял. Все эмоции сдуло как ветром, оставив лишь холодную злую решимость. И как я сам не догадался? Я опустил руки и повернулся к Ноль лицом, и теперь на моём лице тоже красовалась злая ухмылка.

– Скажи мне, ты, ничтожество, убийца, ты правда думаешь, что на тебя не распространяются ограничения потому, что ты лучше других? Я думаю в глубине души ты знаешь, что всё совсем наоборот. Надо же! Ты, наверное, одна такая осталась. Я даже не слышал о подобных исключениях.

– Заткнись! – закричала Ноль, но я увидел, что руки её дрожат, осмелел ещё больше и сделал шаг вперёд. Я подошел к ней сбоку и прошептал на ухо то самое слово, которое только что услышал от Амагэрасу:

– Безнадёжна.

– Нет! Нет! Я избранная! Я – пастырь! Смотрители же сами приказали вам прийти ко мне!..

Я вырвал ружье у неё из рук и отбросил его в сторону.

– Ну да. Наверное, для того, чтобы мы посмотрели на тебя. Человека-без-Смотрителя. Увидели твоё гнилое нутро и подумали, что нашими самыми страшными врагами, как и раньше – остаются другие люди.

– Нет! Нет! Нет! – Ноль крутила головой из стороны в сторону, затем упала на колени и зарыдала. Очевидно, для неё было полным шоком то, что её тайна перестала быть та-

ковой. А я понял, что нужно убираться отсюда немедленно.

Идти мне было совершенно некуда, потому я выбрал себе целью маяк внизу на побережье и пошел в ту сторону, продвигаясь между обрывом и лесом.

Человеку всегда нужна какая-то цель впереди. Даже если смысла в ней не больше, чем в маяках, которые давно не используются. Хотя, если задуматься, любые наши цели – просто ещё один маяк. Смысл в том, что пока цель есть – о ней можно не думать.

В полумраке, скудно освещаемом лунной сквозь облака, я не заметил какую-то корягу, споткнулся об неё и упал, больно ударившись лбом. Вместе с болью меня окатила новая сильная волна злости и горя. Если бы Мари была рядом, я бы мог обсудить это с ней.

Я попытался подняться, но в ногах чувствовалась невероятная тяжесть. Они словно стали чугунными и чужими.

– Да что за чёрт... – ворчал я себе под нос, перевернулся на спину и посмотрел на ноги. И тут очередная волна ужаса пробежала по всему телу – ноги вдруг словно превратились в огромные корни, подобные тем, что повсюду виднелись из земли в этом лесу. Я закрыл глаза и открыл их снова – видение исчезло, а вместе с ним и тяжесть. Я поднялся и подошел к обрыву, чтобы оценить расстояние до цели.

В маяке кто-то уже разжёл вечерний огонь. Возникло ощущение, что там ждут меня. Мне хотелось поскорее добраться до туда, увидеть людей, или хотя бы свет огня.

Но у судьбы, как всегда, были свои планы.

– Ви-ин-сент! – раздался сзади высокомерно-презрительный тон Ноль.

Тут же я понял, какую глупость совершил. Почему я не забрал с собой её оружие?

– Выходи, поговорим! – злобно, но заискивающе звала она. Я спрятался за самое толстое дерево, которое было рядом.

– А хочешь, я расскажу тебе все тайны Мари Люси Дэнуа? У неё их было немало, ты и половины не знаешь!

Я старался не шевелиться и понять, с какой именно стороны раздаётся её голос.

– Хочешь, я расскажу, почему люди мне всегда доверяли свои тайны? Потому что я умею принимать людей такими, как есть! Несмотря на все ваши недостатки.

Похоже, она шла со стороны леса, а значит, если я быстро побегу вдоль обрыва...

– Я далеко не самый скверный представитель хомо сапиенс. И почему же они обошли меня?!

Раздался выстрел, я увидел кору и ветки, пролетевшие совсем рядом. Я закрыл голову руками.

– Мари Люси Дэнуа много говорила о тебе.

И тут во мне проснулась ярость.

– И знаешь, какое слово было самым часто произносимым рядом со словом «Винс?»

Хватит прятаться. Хватит быть трусом. Я поднялся и сжал

кулаки.

– Глупыш, – её нарочито-ласковый голос прозвучал прямо возле моего уха. И тут я вскочил и набросился на неё. От неожиданности она вскрикнула, но оружие в руках держала крепко, и выбить его сразу не получилось. Я понял, что в схватке с вооружённым длинноствольным оружием человеком главное – держаться поближе к нему. Она закрывалась ружьём от моих ударов и отступала к обрыву.

– Ты идиот, Винсент! Слепой глупенький мальчик! Ты не смог увидеть её боль, и она чувствовала себя одинокой рядом с тобой. Такой же одинокой, какой была всю жизнь!

Я молча наносил удары, кулаки уже кровоточили, но мне было плевать. Меня целиком захватило одно желание – уничтожить цель.

– Только её сын скрашивал её одиночество.

– Даже не смей говорить о нём! – взревел я и бросился на неё. Мы сплелись в клубок, как кошки, и покатались к обрыву. Наконец я смог выбить оружие. Ноль оказалась между мной и обрывом.

Я сделал шаг назад, чтобы отдышаться. Она тоже тяжело дышала, но продолжала говорить.

– Ну, что теперь, Винсент? Убьёшь меня? За это ты сам умрёшь. Победит желание отомстить или здравый смысл?

Рядом с ней возникла Амаэрасу. Она печально качала головой и смотрела на меня умоляюще. Ноль перехватила мой взгляд, широко улыбнулась и сказала:

– Он здесь, да? Твой Смотритель. Должно быть, выдаёт тебе последнее предупреждение. Как же ты поступишь, Винсент Смит?

Сердце бешено колотилось, пытаясь управиться с кипящей рекой эмоций, в которую превратилась моя кровь. Никогда прежде я не чувствовал себя таким живым, таким свободным и... диким. Я знал, что пожалею об этом. Но надеялся однажды забыть.

Я молча поднял ружье и прицелился. В глазах Ноль мелькнул страх. Я улыбнулся.

– Ты так хочешь стать мученицей? – спросил я с дьявольским весельем в голосе.

Она молчала, но и возражать не стала.

– Жаль, что у инквизиции сегодня выходной, – грустно объявил я и бросил ружьё в бушующее море.

Ноль издала звероподобный рык и попыталась броситься на меня, но было поздно. Её ноги вдруг стали неподъёмно тяжелыми и сами собой вцепились в землю. Она пыталась что-то кричать, но я её уже не слушал. У меня нет на неё времени. Впереди меня ждёт ещё много бессмысленных целей. Точка Сингулярности?.. Точно. В той деревне возле маяка были книги... вот почему нас туда направили. Ноль есть Ноль, не единица. Кстати, в этом дневнике уже кончается место. Засуну его в пакет и брошу в море. Пусть он сохранится либо утонет вместе с надеждой, что Мари Люси Дэнуа однажды его прочтёт.

Эпилог

По дороге к маяку Винсент увидел свет, мигающий вдали из-за деревьев. Отправившись туда, он с удивлением обнаружил, что это машина Мари, на которой они сюда и приехали. В маяке он нашёл запас бензина, заправил машину и отправился обратно в родной город Аркану. В машине всё ещё витал слабый запах её духов, мучивший Винсента всю дорогу невыносимой грустью. Он думал о бессмысленности своего пути от «Сердца Арканы» до маяка, о том, что лучше бы он никогда не встречал Мари, пусть благодаря ей он избавился от своей предвзятости к людям. Действительно, ведь людей почти не осталось. Когда он вернулся на станцию скорой помощи, служившей ему в последние годы и местом работы, и домом, он не обнаружил там никого. В лаборатории, где он в последний раз видел Рику, он нашел записку странного содержания:

«я наконец-то поняла, что нужно зрителям. Ответ в общем поручении, как ни странно. Если кто прочтёт, пожалуйста, откройте все окна.»

Винсент исполнил последнюю просьбу Рики. Когда он открыл последнее окно лаборатории, впуская морозный воздух в помещение, откуда ни возьмись вылетел неоновосиновый цветок звезды-розы и улетел в небеса. Провожая этот красивый цветок взглядом, стараясь впитать в себя поболь-

ше впечатлений от его неизменной красоты, Винсент думал о том, какое место подойдёт лучше всего. Решение нашлось быстро. Он вынес на улицу свои цветы, на удивление ещё не увядшие, вынес на клумбу, расставил горшки вокруг себя, закрыл глаза, сел в позу лотоса и начал ждать, стараясь погрузить своё измученное сознание в блаженную пустоту.

Часть 2. Сальвия Альба

...она шла по улице мимо опустевших многоэтажных домов с выбитыми стёклами, то и дело перешагивая различного рода мусор. Она не знала, куда идёт и зачем. Вокруг не было ни единой живой души, и она понимала, что больше никого и никогда не встретит. Небо заволокли чёрные тучи и казалось, они опускались всё ниже.

Куда я иду? Зачем я продолжаю двигаться? Какой в этом смысл? Очевидно же. Это конец. Стоп. А раньше какой был смысл? Раньше вокруг были другие люди. Получается, я жила ради них? Сама по себе моя жизнь ничего не значит?

Вдруг раздался цокот копыт и из-за угла появился Герман Грэй на громадной вороном коне. На нём была чёрная накидка с капюшоном, наполовину скрывающем лицо, но Сальвия знала, это был он. Ощущение от его присутствия нельзя было спутать ни с чем.

Хотя он и здесь, я всё равно одна.

– Ты всегда была одна, Сальвия. Почему ты думаешь, что мир изменился?

– Потому что он изменился.

– Это ты изменилась.

– Нет. Не смей вешать всё на меня. Это вы. Вы все! – Сальвия начала срываться на крик и остановилась, повернувшись к Герману.

– Это всё ваша вина! Чего вы хотите от нас? Кто вы? Почему просто не оставите нас в покое?!

Крик Сальвии превратился в плач и она упала, закрыв лицо руками. Герман сказал, смотря на неё сверху вниз:

– Жалость к себе тебя не спасёт. Никого из вас. Конец это или нет, зависит только от тебя.

– Но мы не понимаем, чего вы хотите! Скажи, умоляю, ответ напрямую, что нам сделать, чтобы этот кошмар закончился?

Герман усмехнулся.

– Ты сама ответила на свой вопрос, Сальвия. Нужно, чтобы кошмар закончился, но что есть кошмар?

В сознании Сальвии вспыхнул огонёк надежды.

– Страх. Кошмар – это страх.

– Верно.

Он протянул руку.

– Идём, я кое-что покажу.

Сальвия поднялась, сделав чудовищное усилие над собой.

Герман посадил её вперёд, положив одну руку ей на плечо. Было жутко сидеть рядом с ним, не слыша его дыхания, не ощущая тепла руки, не чувствуя в нём живое существо.

Лошадь то и дело наступала на осколки стёкол, и их хруст был единственным звуком во всём этом мёртвом мире.

Вскоре здания кончились и они въехали в тёмный лес, такой же мертвый, холодный и замерший, как город. Вскоре в сознании и без того напуганной Сальвии начал подниматься

какой-то другой страх. Не просто страх, а настоящий ужас, велящий ей немедленно бежать без оглядки. Она дёрнула зрителя за рукав.

– Остановись.

Он не отреагировал.

– Прошу, дай мне уйти!

Герман в ответ молча сжал её плечо.

– Если попробуешь сбежать – умрёшь. Помни, я из мира, где возможно всё, – холодно и спокойно проговорил он.

В лесу становилось все темнее. И когда уже почти ничего было не разглядеть, лошадь остановилась. Герман слез с вороного коня и подал Сальвии руку. Он повел её вглубь леса. Ужас в её сердце рос с каждым их шагом. Наконец, когда Сальвия уже вот-вот была готова вырваться и убежать, несмотря на угрозы, они остановились.

– Смотри, – сказал Герман и указал вперед рукой в чёрной перчатке.

– Я ничего не вижу, – сквозь дрожь и слёзы пробормотала Сальвия.

– Смотри, – повторил он, и вскоре она увидела. Обрыв. Лес кончился буквально через пару метров, а дальше виднелся обрыв и темнота. Но не просто темнота, а всеобъемлющая разрушительная пустота. Сальвия поняла, что вызывало в ней этот животный ужас. Впереди был словно конец мира, пространство, заполненное абсолютным злом, смертью, противопоставлением всему живому. Инстинкты подсказы-

вали Сальвии, что нужно бежать, спастись, ей казалось, что с каждой секундой пустота приближается, начинает поглощать и её. Но Смотритель крепко держал её за руку.

– Подойди и взгляни в зеркало, Сальвия. Что ты видишь впереди? Пропась? Так иди и сделай наконец свой первый шаг.

Сальвия проснулась. Что за жуткий кошмар. Надеюсь, это всего лишь сон. Поскорее бы его забыть. Расспрашивать Германа бесполезно – ухмыльнётся и промолчит, в лучшем случае. Она взглянула на часы. Мамочки! Опаздываю! Сальвия вскочила, и, не причесываясь и не умываясь накинула пальто и выбежала на улицу.

На газонах тонким слоем нежился первый снег. Сальвия ощутила лёгкий подъём и глубоко вдохнула свежий воздух. В такое чудесное утро ехать в душном авто было бы просто преступлением, и она решила пройтись пешком. Плевать, что опоздаю, можно подумать остальные придут вовремя.

Сальвия нагло шла посередине дороги меж аккуратных домиков, наслаждаясь едва слышным шумом моря. Начался подъём, идти стало труднее, Сальвия остановилась на минутку, обернулась, полюбовалась морем, безжалостно хлещущим холодными волнами пустынный берег, и пошла дальше. От звука её каблуков, казалось, вот-вот треснут последние целые стёкла в здании мэрии. Туда даже селиться никто не стал. Непонятно, в запрете тут дело или в чём-то другом. Размышляя, в чём же тут всё-таки дело, Саль-

вия снова остановилась, разглядывая величественное некогда белое здание, и вдруг ей показалось, что в одном из уцелевших окон кто-то есть. Она подошла поближе и увидела человека, вернее даже будто бы тень, которая, опустив голову, словно пыталась ладонями выдавить стекло. Сальвия ускорила шаг, уже собралась окликнуть человека, не нужна ли ему помощь, но вдруг увидела, что на каждой его ладони пальцев десять, не меньше, а лицо будто вытесано из чёрного дерева, и из пустых глазниц капает что-то чёрное и отвратительное. Сальвия вскрикнула и бросилась к ближайшей машине. Слава Богу, ключи были в замке. Желание гулять и дышать свежим воздухом в этом мёртвом и проклятом квартале улетучилось в один миг.

За что же мне всё это? Какой такой страшный грех я совершила, что небеса разверзлись и поливают теперь меня, не огнём, а ледяным ужасом?

– Герман! – позвала Сальвия истерическим, дрожащим от страха голосом. Сейчас ей хотелось увидеть рядом хоть кого-нибудь. И, на удивление, он появился.

– Что это было?! Отвечай! Что это за монстр в окне? Меня глючит? Почему кошмары становятся реальностью? Как это остановить?

Герман разразился неприятным высокомерным смехом, откинувшись назад, насколько позволяло переднее сиденье, и заломил локти за голову.

– Столько вопросов, и все как один тупые и бессмыслен-

ные. Впрочем, ничего нового. Ты за этим меня позвала?

Сальвия замолчала. Она немного успокоилась и уже пожалела, что сама начала звать этого гада. Просить помощи у Смотрителей? Безумие. Это же они всё и устроили, с чего им нам помогать? С другой стороны, как в той поговорке, раз уж ты в аду, рассчитывать остается лишь на Дьявола.

– С чего ты взяла что вы в аду, Сальвия? А если и так, не вы ли сами себе этот ад и воздвигли?

– Нет! Нет, не сами! Это все вы, вы, чертовы... кто вы там есть! До вашего появления мир не был идеален, но он... он был! А теперь ни черта, одни руины! И вы смеете винить нас в этом?! – Сальвия билась в истерике, мёртвой хваткой вцепившись в руль и дергая его так сильно, что просто чудо, что он не отвалился. Герман слушал её очень внимательно, по-профессорски обхватив подбородок указательным и большим пальцами, периодически кивая в такт выкрикам и обвинениям.

– Нет, так совсем не годится, Сальвия. Никуда не годится. Вот что. Сегодня ты отправишься на своё сборище, но сорок дней после этого не будешь видеться и общаться ни с кем...

– Сорок дней?! Нет, прошу, только не снова...!

– ...и, возможно, ты тогда наконец приступишь к своей основной задаче, – задумчиво продолжал он.

– Какой ещё основной задаче?!

– Я уже говорил тебе, – упрекнул Герман, оставаясь столь же невозмутимым, – Но по доброте напомню. Ты должна

найти точку Сингулярности.

Сказав это, Герман исчез. Сальвия стиснула зубы так, что они, кажется, затрещали, и сдерживаясь из последних сил, нажала на педаль газа.

Километров через пять бензин закончился, мотор заглох и Сальвия услышала смех вдалеке. Она выбежала из машины, не закрыв дверь и бросилась на этот спасительный звук. Они договорились собраться в заброшенном ресторане неподалёку. Когда она добежала до Центральной площади, ей пришлось перейти на шаг. Здесь словно произошёл взрыв под землей: выкорчеванные деревья, торчащая из земли, словно иголки ежа, плитка, разбитые статуи и прочий мусор, который трудно идентифицировать. Смех ребят эхом звенел в ушах, отскакивая от расписанных баллончиком стен окружающих площадь домов.

"НАСТАЛ СУДНЫЙ ДЕНЬ. НО ДАЖЕ
ПОКАЯНИЕ НАС НЕ СПАСЁТ"

"УБИРАЙТЕСЬ В СВОЮ ЧЁРНУЮ ДЫРУ"

"НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ИХ УБИ..."

"ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС – САМОЕ ХОЛОДНОЕ
ВРЕМЯ СУТОК"

"ГОРЕ ТЕМ КТО БУДЕТ ПРОТИВИТЬСЯ ВОЛЕ
ГОСПОДЕЙ"

"КТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ,
ПОЖАЛУЙСТА УБЕДИТЕСЬ В ЭТОМ"

"ГДЕ ВЫ, ГОСПОДИН МЭР?"

К последней надписи прилагался рисунок – веселенькая

ракета с улыбающейся рожицей. Да, помнится, ходили разговоры, что правительство и прилагающиеся к нему олигархи (или наоборот?) покинули планету. Но это было до того, как оставшиеся стали селиться в заброшенных космодромах с их новенькими нетронутыми звездолетами. Смех звучал все громче. Сальвия попыталась снова перейти на бег, хотя скорее получилось перейти на прыжки.

– Эй, последний оплот человечества! Я смотрю, вы там не унываете! – крикнула она, не надеясь на ответ, просто чтобы подбодрить себя.

Смех словно выключили, и через пару секунд раздался знакомый голос:

– Это ты, Сальви? Мы на балконе, поднимайся!

И действительно, на балконе нелепо махал пухлыми руками Крис. В одной руке он держал стеклянную бутылку, в другой нечто похожее на бутерброд, очевидно, собственного приготовления. В какой-то момент бутылка выскользнула из толстых пальцев и с жутким треском разбилась об асфальт. Крис почему-то довольно засмеялся, и Сальвия подумала, если бы такое случилось в прошлом, это была бы бутылка пива и Крис бы скорее расплакался. Сальвия тоже хохотнула и помчалась к распахнутым дверям некогда лучшего ресторана Арканы.

Роксана, Альберт и Крис удобно расположились в ложе над сценой, сдвинув столы для игры. Роксана, завидев Сальвию, взвизгнула и бросилась к ней в объятия.

– Я уж думала... что не увижу тебя больше...

– Ну, мы же уже поняли, Рокси, – шептала Сальвия, сжимающая всё крепче подругу в объятиях, – Мы давно мертвы. Не имеет значения, что будет дальше. Мы есть. Мы были. Этого не отнять.

– Ну, ну, хватит уже этих... сантиметр... сантиментов! – заявил фальшиво-пьяным голосом вернувшийся с балкона Крис.

– Ты можешь поверить, что Крису и вправду хватает... сантиментов? – прошептала Роксана на ухо Сальвии, и та захихикала, зажав рот рукой.

– Вообще-то я всё прекра... сно слышу! И вы бы увиделись, бле... леди! Ле-ди!

– Прекрати, Крис. Притворное опьянение тебе идёт ещё меньше настоящего, – фыркнула Роксана и принялась деловито накрывать на стол.

– А мне так легче! Таким образом я помогаю своему меркнушему сознанию ощутить прежнюю ясность!

– Словно она была, – сказала Сальвия, – Скажи лучше, что вы мне принесли?

– А-а! – Крис поднял указательный палец, потянув другую куда-то под стол, – С возвращением домой, Сальви!

Он торжественно водрузил на стол целую стопку коробок конфет «Экстаз», перевязанную розовой лентой с бантиком. Сальвия взвизгнула от восторга, разорвала ленту и стала засовывать в рот конфету за конфетой.

Пока друзья раскладывали на столах игровые поля и карты их любимой настольной игры, Сальвия, чья помощь не требовалась, решила оглядеться. Она посмотрела вниз, на главный зал и сцену. На первом этаже царил страшный беспорядок. Разбросанные стулья, сломанные столы, разбитая посуда. Даже думать не хотелось о том, что произошло здесь. Но прежде чем отойти, Сальвия бросила взгляд на сцену и заметила огромный тёмный след, судя по всему оставшийся от лужи крови. Ноги Сальвии пошатнулись и она села на ближайший стул. Роксана заметила это и подбежала к ней.

– Что... что такое? Что с тобой?

– Да нет... ничего, всё в порядке, просто...

Сальвия указала трясущейся рукой в сторону сцены.

Роксана подошла к балкону и посмотрела вниз.

– Ч-чёрт... Крис! – строго позвала она. Крис тут же оказался возле неё, неумело встав по стойке смирно.

– Ты же сказал, что внизу всё убрали.

– В-виноват, мэ, не смогли оттереть...

Оба перешли на шёпот, и Сальвия перестала их слышать.

– Ладно, ладно, будет вам, я не маленькая. Просто... ладно, хватит уже, давайте лучше играть!

Сальвия, Роксана и Крис уселись за стол и начали играть в любимую настольную игру, бывшую очень популярной в последние дни цивилизаций. Альберт, как всегда, сидел в сторонке, курил свои дорогие сигареты, пахнущие не то вишней, не то коньяком, и внимательно следил за их игрой, то

и дело вставляя остроумные (на его взгляд) комментарии. Они старались говорить об отвлечённых вещах, смеялись и шутили, словно мир не рухнул. В основном они предавались счастливым воспоминаниям.

– А помнишь, помнишь, Рокси, как Крис по пьяни завалился домой к Эми и попытался устроить сцену ревности?

– Конечно! Мы же вместе с тобой его утаскивали, забыла? Эми тогда только вернулась к мужу из командировки и...

– И тут в самый разгар долгожданной встречи в спальню вваливается пьяный муж её сестры и устраивает сцену! И это несмотря на то, что на тот момент их с сестрой легко можно было различить!

– Ага, Вера же после родов набрала... наверное, с половину Криса.

– Не-е-е, тогда бы она не смогла ходить.

– Зачем Эми вообще дала Крису ключи?

– Да не Эми она дала, а Вере. Крис просто перепутал ключи. А заодно и квартиры.

– Эй, да ладно вам, я сто раз уже извинялся за тот случай, и так сильно никогда больше не напивался.

– Помнится, Эми тогда замки сменила...

– Да, точно, мы с Рокси помогли ей выбрать. Рокси, помнишь, ты советовала ещё на окна решетки поставить и сигнализацию? Ты тогда вообще не в себе была с этой твоей...

Сальвия заткнула себе рот рукой, но было поздно.

– Ну? Договаривай давай. С этой моей – чем? – холодно

спросил Роксана.

В воздухе повисло тяжёлое молчание.

– С чем я была не в себе?! – закричала вдруг Роксана, вскочив и опрокинув стол. Игровое поле и карты разлетелись во все стороны, часть из них оказалась внизу, на окровавленной сцене.

– Ну, что, не можешь произнести вслух?! Да, я была беременна! Бе-ре-ме-нна, мать твою! У меня был сын, пока... пока не...

Роксана, заливаясь слезами и захлёбываясь рыданиями, помчалась на лестницу и вскоре оставшиеся услышали как хлопнула входная дверь.

Крис, Альберт и Сальвия не могли ни пошевелиться, ни вымолвить ни единого слова. Первым заговорил Альберт:

– Я пытался заставить её поверить, что её сын теперь в лучшем мире. Что всех детей, как безгрешных созданий, просто отправили на небеса. Какое-то время казалось, что мне удалось.

– Ты сам-то в это веришь? – глухо спросил Крис.

Альберт поднялся и стал не спеша наводить порядок.

– Как тебе сказать... не знаю. Я никогда ни во что особо не верил, мне всегда нравилось думать, что я человек рациональный. Но мой мир тоже перевернулся с ног на голову, так что теперь я стараюсь ничему не удивляться и всё допускать, как заведомо возможное. Ну а если рассуждать логически, то что мы имеем? Все дети действительно пропали. Все до

одного. А значит, их всех действительно объединяет некий фактор, но какой?

– Экзотический вкус, – проворчал Крис.

Альберт усмехнулся.

– Не исключено. Но разве Смотрители так походят на жадных до нашей плоти инопланетных чудищ, которыми нас пугали фантасты?

– Они гораздо хуже, – прошептала Сальвия.

Альберт удовлетворённо кивнул.

– Хуже, в смысле разумнее и потому опаснее. Поедание младенцев – не их стиль. Так что самую плохую версию мы сразу исключаем.

– Но с чего ты взял что поедание наших детей на завтрак – самое плохое? Может они опыты какие ставят, или...

– Стоп, – Альберт водрузил стол на место и уселся на стул напротив, – Давайте на этом прекратим. Так до чего угодно договориться можно. Мы не знаем, где они, что с ними, и точка.

– Да. Знаем лишь, что они исчезли, как и многие другие.

– А может это не они исчезли, а мы, – задумчиво проговорил Альберт.

– То есть ты хочешь сказать, что это нам – хана, а где-то там в параллельной Вселенной наш мир живёт и процветает как раньше?

Альберт пожал плечами.

– Я всего лишь хочу сказать, что рассуждать об этом бес-

смысленно. И я бы поспорил с тем, что наш мир процветал. Мы тут пытаемся все вместе не сойти с ума, не сдаться, так? На этом и нужно сосредоточиться, на мой взгляд. И если для этого Роксане нужно поверить, что возможно, с её сыном всё хорошо, нужно ей с этим помочь, согласны?

Крис и Сальвия молча кивнули.

– Но у меня, кажется, не вышло. Что ж, пойдёмте искать её. Уже темнеет. В таком состоянии ей не стоит оставаться одной слишком долго.

Все трое поднялись и направились к выходу. И точно, уже стемнело. Крис и Альберт зачем-то достали из своих рюкзаков налобные фонари, хотя улицы по-прежнему освещались.

– Ребят... я... не могу пойти с вами, – тихо сказала Сальвия, – Я должна идти домой.

Крис и Альберт серьёзно посмотрели на неё.

– И долго?

– Сорок дней, – так же тихо ответила Сальвия, затем обняла обоих друзей по очереди и без единого слова отправилась в сторону своего дома на побережье.

"Один день. Всего один день обычной жизни, пообщаться с друзьями, не вспоминая о Смотрителях и конце света. Неужели я прошу так много? Видимо, да. Наверное, лучше нам вообще больше не видеться. Лучше, если мои воспоминания о них будут из нормальной жизни. И я всё равно не в силах помочь никому, в том числе и себе," – думала Сальвия, пробираясь домой сквозь свет фонарей. Ей каза-

лось, что чёрное небо так низко над городом, что упирается в крыши домов. Словно Сальвия и жёлтый электрический свет представляют собой последний оплот жизни, с бессмысленным упрямством сопротивляющийся миллиардам тонн темноты, которая все равно в конечном итоге поглотит всё и вся.

Когда она вернулась в свой пустой огромный дом и на неё обрушилась зловещая тишина, Сальвия словно вышла из ступора и её захлестнула волна скорби, тоски и страха, и она, разрыдавшись, без сил упала лицом в подушку. Каким-то чудом она заснула, и проснувшись, увидела солнечные лучи, аккуратными полосками разукрасившие белый пол. Она убрала жалюзи и открыла настежь окно. Почему-то внутри не осталось ни следа от печали, Сальвия ощущала словно даже легкий подъём, и она решила использовать появившиеся силы для того, что давно собиралась сделать. Она заварила крепкий кофе, достала из стола новенькую толстую тетрадь и принялась писать:

День 157

Моё имя Сальвия Альба. Уроженка города Арканы. 23 года, не замужем. Специальность: журналистика. На момент Внедрения училась на втором курсе, подрабатывала в местном супермаркете, жила с матерью. Я приняла решение вести дневник, на случай выживания человечества. Ну и ещё

так проще не сойти с ума. Наверное.

Всё началось в ночь с 1 на 2 февраля 20... года. Во всех городах мира были зафиксированы массовые случаи психозов. Правительства всех стран решили, что это самая крупная в истории террористическая атака с применением неизвестного химического (биологического? психотронного?) оружия. У всех людей были схожие симптомы: галлюцинации, страх, вспышки агрессии, маниакально-депрессивные состояния. Люди кончали с собой и бесследно исчезали. Стоит отметить, что друг друга люди не убивали и не калечили (по крайней мере мне и моих знакомых ничего неизвестно о таких случаях). В новостях говорили только об этом. Главы всех стран совещались, спорили, обвиняли друг друга, пытались усилить свои армии. Но вскоре начали пропадать и ведущие новостей, и политики, и военные. Примерно через месяц стало ясно: чем бы это ни было, заражены все. Однако версия болезни или психотронного воздействия скоро была исключена, так как выяснилось, что все «галлюцинации» всех людей имеют нечто общее. Во-первых, всем без исключения мерещился некий персонаж, это мог быть кто-то реальный, либо вымышленный. Во-вторых, всем людям этот персонаж говорил одинаковые вещи. Фраза "найди точку Сингулярности". Её слышали даже те, кто и слова такого не знал (в том числе ваша покорная слуга). В-третьих, все галлюцинации давали людям указания, причем иногда совершенно бессмысленные. Например нашему соседу, Аль-

фреду Пайку, было приказано выкинуть из дома все фотографии, а затем несколько дней голым ходить по улице. Моей матери было приказано покинуть меня и никогда больше не общаться. Она выполнила приказ по-своему: повесилась. В предсмертной записке написала одну фразу: "мы имеем право называться людьми до тех пор, пока не позволили забрать нашу свободу".

В-четвёртых, вскоре с лица Земли исчезли дети. Ну, то есть, буквально все дети пропали. У меня нет точных данных насчёт возраста, но похоже, что пропали дети до 15 лет, плюс-минус. До 12 лет точно не осталось ни одного. Стоит ли упоминать, что огромное количество матерей и отцов покончили с собой после этого.

В-пятых, был введён полный запрет на применение любого физического насилия. Тоже не вяжется с теорией о массовом оружии. Запрет, который невозможно нарушить, как бы сильно не хотелось. Люди больше не могут убивать и калечить друг друга, а если кто попытается, то умрёт сам, прежде чем осуществит задуманное. Думаете, вот он, идеальный мир? Как бы не так.

Людей вокруг с каждым днём становилось всё меньше. Остатки людей при власти решили построить огромные лагеря, куда были помещены все сошедшие с ума. Лагеря окружены очень высокими заборами с колючей проволокой под напряжением и накрыты громадным куполом из прозрачного материала. Мне неизвестно, был это приказ Смотри-

телей или последняя самостоятельная попытка властей держать ситуацию под контролем. С другой стороны, скорее всего, уже тогда ничего не делалось без их позволения.

Термин «Смотритель» применил в нашей стране один известный блогер, незадолго до исчезновения (возможно, запрета на свою деятельность). Он высказал популярное предположение, что Смотрители – инопланетные захватчики, обладающие, помимо невероятной силы, способностью влезать в наш разум. Нам непонятны их цели и действия, потому что их интеллект и возможности во много раз превосходят человеческие. В итоге среди оставшихся эта версия стала самой популярной.

Смотритель у каждого свой. Это может быть образ погибшего/живого родственника, знакомого, актёра, выдуманного персонажа или даже тебя самого. Но общее одно – это всегда человек. Когда он появляется, часто замирает время (восприятие времени?). Чужого Смотрителя увидеть или услышать невозможно. Каждый Смотритель даёт своей жертве различные указания. А если послушаться, последствия бывают иногда неприятными, а иногда крайне неприятными. А чаще всего смертельными.

Мой Смотритель принял образ известного актёра Германа Грэя. Судьба настоящего Германа мне неизвестна. Не знаю, почему именно он. Никогда он особенно мне не нравился. Возможно, именно поэтому. Я даже не помню, смотрела ли я с ним фильмы, видела его только в новостных лентах соц-

сетей и по ТВ. Я склонна полагать, что выбор образа в случайном порядке изымается из нашего сознания. Первый раз он появился в компании друзей, среди них я была первой жертвой. Мы решили собраться у меня и обсудить, куда же это покатился мир и что нам теперь вообще делать. Первые дни было очень страшно. Заходят значит друзья, и он с ними. Он просто стоял, молчал, и всё на меня тарасился своими холодными серыми глазами. А я смотрю – рожа знакомая, подумала, наверное Криса приятель, он всегда любил со странными типами дружбу водить. Потом не выдержала, вскочила с дивана и говорю повышенным тоном, мол, чего это вы, сударь, меня изволите гипнотизировать. Друзья переглянулись, а Эми посмотрела на меня полными ужаса глазами и перекрестилась. Герман усмехнулся, приложил к губам указательный палец и жестом приказал следовать за ним. По словам друзей, я стала белее снега и последовала за ним, как овечка. Он привел меня на берег и сказал:

– Ну наконец-то лицом к лицу. Что за испуганный вид, ты что, не рада встрече?

Меня тогда словно парализовало ужасом, я не могла выдать из себя ни слова. Время вокруг остановилось. Я видела каждую застывшую каплю разбивающихся о берег волн. Ярко-красный закат. Пронзительные серые глаза. Это было словно во сне. Кошмарном. Я не помню, что ещё говорил мне Смотритель, но когда он отпустил меня домой, моих друзей и след простыл. Но я их не виню. Через несколько дней (на-

сколько мне известно) на Земле не осталось ни одного человека, избежавшего этой чумы нашего времени.

Что я думаю по поводу Внедрения? Я не знаю. Наверное, версия с захватом пришельцами самая логичная, но остатки разума подсказывают, что не всё так просто. Смотрители способны на многое. Если бы хотели нас уничтожить, у них не ушло бы на это и пяти минут. Но им явно что-то от нас нужно. "Найти точку Сингулярности". Говорят это всем. Сингулярность – понятие из космологии. Видимо, найти эту точку может только человек. И когда кто-то найдёт эту точку... чем бы она ни была... помилуй нас Бог. Они всех нас уничтожат. Скорей бы, что ли. Скорей бы. Скорей бы.

– И как ты училась с таким ужасным почерком? Или умение писать журналисту в современном мире не требуется? – раздался вдруг за спиной до боли знакомый голос. Сальвия вскочила и дневник вместе с ручками тут же полетел на пол. Герман учтиво отошел на шаг назад, и она, вздохнув, принялась подбирать вещи.

– Что, даже не поможешь? Из-за тебя уронила, это-то ты отрицать не будешь, господин Захватчик?

Герман молча обошел её, взял со стола дневник и принялся небрежно листать его.

– Ну и чушь ты тут накорябала для воображаемого будущего поколения своим ужасным почерком! Даже если бы

у вас были потомки, они бы не смогли разобрать ни слова. Впрочем, это было бы к лучшему. А ещё лучше то, что никаких потомков не будет, Сальвия. Я же говорил тебе. Очнись. Хватит жить иллюзиями и успокаивать себя фантазиями о будущем.

Он уронил дневник на пол.

– Ой-ёй. Ну да ладно, это ты сама поймёшь, когда найдешь точку Сингулярности. А пока что в течение следующих сорока дней отшельничества тебе лучше потратить время с пользой. Пойдешь в библиотеку и будешь читать.

– Что... что читать? Почему-то на ум приходят только антиутопии...

Герман ухмыльнулся.

– Ты поймёшь, что. Если не безнадежна. Дам только одну подсказку – это НЕ антиутопии. Сорок дней, Сальвия.

– Сорок... подожди, вчера было сорок! Остается тридцать девять, ты же...!

– Сальвия, Сальвия, – говорил он, укоризненно покачивая головой, – Ты невнимательно меня слушаешь. Сорок дней отшельничества. Значит, никаких контактов ни с кем. Разумеется, в том числе и со мной. Ну что ж, время пошло. Надеюсь на встречу после окончания срока. Живой и... просвещенной.

– Живой... намекаешь на то что, если я нарушу приказ, ты меня убьёшь, да?

Герман отвернулся от Сальвии и принялся расхаживать

по комнате, заложив руки за спину.

– Жизнь и смерть... хаос и порядок... созидание и разрушение...

Он взял с книжной полки кубик-мозайку из магнитных шариков и продолжил, задумчиво рассматривая её со всех сторон:

– ...чем бы они были друг без друга? Всё на свете состоит из одних элементов и подчиняется одинаковым законам. И ты, и я, и этот кубик. Просто есть правила, и можешь изучить их и следовать им, или...

На этих словах он сильно сжал кубик, превратив его в бесформенную массу.

– Ты должна быть благодарна, что ты человек и обладаешь волей и правом выбора.

Затем Герман щёлкнул пальцами, и старинные часы с кукушкой на стене возобновили ход. Он тотчас испарился. Магнитная мозаика, бывшая подарком Сальвии от её без вести пропавшего брата, оказалась на полу. Сальвия обречённо вздохнула и рухнула в кресло, бессмысленно уставившись на слипшиеся магниты. В голове её возникла жуткая ассоциация с изувеченным телом.

Интересно, он намекал, что меня вот так же... нет, не буду даже представлять.

Брат... где он сейчас? Может, он жив...? Нет. Герман в одном прав – нет смысла тешить себя пустыми надеждами. Особенно когда сам виновник краха твоего мира говорит те-

бе об этом.

Она пыталась искать брата и его жену, пока Герман не запретил.

Лучше попытаться смириться с нынешним положением и во что бы то ни стало продержаться как можно дольше. Назло Смотрителям. Назло всему этому проклятому миру.

Мы обещали. Мы поклялись.

Сальвия подобрала магниты и попыталась собрать куб снова, но руки дрожали и не слушались. Взгляд её упал на дневник, но писать расхотелось, да и нечего было больше сказать. К тому же, читателей у неё скорее всего действительно не найдётся. Она вздохнула, оделась и вышла на улицу.

Библиотека располагалась рядом с мэрией, так что идти было недалеко.

Сорок дней ни с кем не видеться... не говорить... даже со Смотрителем...

Сальвия попыталась вспомнить, был ли в её жизни хоть один день, когда она ни с кем не говорила и не виделась. Кажется, был. В детстве, когда она обиделась на всех за то, что ей подарили не то, что она хотела, на день рождения, и целый день не выходила из комнаты. Это был не самый лучший день в её жизни, но сегодня она вспомнила о нём с теплыми чувствами. И в тот день она как раз погрузилась в чтение, чтобы отвлечь себя. Немного помогло, должно помочь и сейчас. Смотритель не дал чётких указаний, что читать, так что

она решила, что можно всё, что угодно. Ах да, кроме антиутопий.

Здание библиотеки было очень красивым. Построено из зелёного гранита, фасад с колоннами, золотой купол как у старых храмов, а у входных дверей по бокам две статуи: одна изображает человека, погружённого в чтение, другая – человека с пером и пергаментом. Теперь вид здания немного портили выбитые окна, кучи мусора на улице и следы деятельности птиц на статуях.

Сальвия вошла в здание, выбив ногой дверь. Она сорвалась с петель и рухнула с ужасным треском, эхом прокатившемся по залу.

На ресепшене, разумеется, никого не оказалось. Был там зато старинный звонок, какие показывают в старых фильмах, в сценах с отелями. Сальвия попыталась взять его, но он оказался словно приклеен к столу. Тогда она стала лупить по нему, пока звон в ушах не заглушил мысли. Но, подумав, что сорок дней подряд всё равно не выдержит, она двинулась было в сторону книжных полок, но взгляд упал на журналы посещений. Она открыла лежащий сверху стопки и увидела, что последние несколько исписаны одним именем: Николас Штэрн. И в самом конце строчка неровным почерком: БУДЬ ПРОКЛЯТ НИКОЛАС ШТЭРН. Видимо, это был Смотритель библиотекаря. Небрежно закрыв журнал, Сальвия побежала на второй этаж, к столикам и большой табличке "Фантастика".

Она выбрала книгу наугад и уселась за столик с видом на море. Некоторое время она просто любовалась прибоем, стараясь выкинуть все мысли и страхи из головы. Затем вспомнила, что книги – как раз лучший способ отвлечься, и погрузилась в чтение.

Книга оказалась интересным приключенческим рассказом про другие планеты. Главный герой – человек, потерявший память, он путешествует с планеты на планету в поисках своего прошлого и нигде он не чувствует себя, как дома. Но, несмотря на грустную предысторию, он всё время вляпывается в забавные и казусные ситуации, находит новых друзей и со временем начинает думать, что его прошлое не имеет особого значения. Сальвия так увлеклась чтением, что не заметила, как наступили сумерки. Работающих часов поблизости не оказалось, но Сальвия могла поклясться, что раньше темнело гораздо позже. Она поискала выключатель, и, на удивление, этаж озарило мягким светом.

И как это электричество ещё работает? С другой стороны, вода, и продукты... Ладно, об этом лучше не думать. Наверное, это всё-таки сон.

В животе заурчало. Сон это или нет, но длится он уже довольно долго и своё тело обслуживать здесь было всё-таки нужно.

Сальвия выглянула в окно. Напротив как раз был продуктовый, да не один. Она поспешила вниз, пока на улице совсем не стемнело.

Зайдя в магазин, она взяла тележку и стала скидывать в неё не глядя консервы, шоколадные батончики и бутылки с водой. И вдруг она услышала возню в дальнем конце магазина. Сальвия замерла, и тут же услышала мужской голос:

– Эй? Кто-нибудь? Я знаю, вы там, я вас слышу, прошу, не молчите! Мне нужна помощь, я ослеп! Пожалуйста!

Его голос дрожал, в нём слышалось отчаяние. Сальвию захлестнула волна жалости. И страха. А голос все приближался.

– Умоляю, ответьте! Я просто... просто хочу поговорить! Я так давно ни с кем не говорил!

Сердце Сальвии забилося со страшной силой. Ясно, при других обстоятельствах она бы обязательно ответила, но...

Она, стараясь не шуметь, медленно покатила тележку к выходу. И тут мужчина буквально заорал, захлебываясь слезами:

– Нет, нет, не надо, умоляю! Я сделаю всё что угодно, только не уходите, нет...!

Сальвия понеслась к выходу, стараясь изо всех сил не заплакать тоже. Она была убеждена, что мужчины редко плачут, только когда дела совсем плохи, а потому мужской плач вызывал у неё гораздо больше жалости, чем женский или детский. А крики отчаяния этого мужчины вселили в неё настоящий ужас. Она поняла, что её может ждать такой же исход, причём скорее, чем можно было предположить.

У самой лестницы перед входом в городскую библиотеку

Сальвия споткнулась и продукты вылетели из тележки, как пушечные ядра, и консервные банки с грохотом покатались по асфальту. Сальвия, наспех поднявшись и не подбирая их, пулей помчалась обратно на второй этаж библиотеки и села на свой стул у окна, пытаясь отдышаться, и стала наблюдать за входом в магазин. Минуты через две показался сгорбленный силуэт мужчины лет сорока. Глаза его были открыты, но явно слепы, лицо распухло от слёз. Затем он поднял руку и, словно оперевшись на кого-то невидимого, продолжая всхлипывать, медленно двинулся наверх, в сторону центра города. Сальвию передёрнуло. Кажется, она никогда ещё не наблюдала со стороны контакт со Смотрителем.

Она надеялась, что сегодняшняя случайная встреча не будет считаться нарушением приказа.

Сердце продолжало бешено стучать, и вдруг её взяла злость. Она вскочила и начала выплёскивать её в пространство:

– Признайтесь, вам это просто нравится, да?! Наблюдать, как мы прыгаем с одной ноги на другую и трясёмся от страха, как загнанные в угол звери! Вы такие же отвратительные, как и мы, наслаждаетесь чужими страданиями! Вы ничем не лучше нас, ясно? Ничем!

Одних возмущённых криков ей показалось недостаточно, чтобы выразить свой протест, и она начала хватать книги с полок и бросать их на пол первого этажа.

– Моя мать! (Книга номер 1 на полу) Была права! (Книга

номер 2 на полу) Она была! (Книга номер 3 на полу) Сукой!
(Книга номер 5 на полу) Но она не стала! Вам подчиняться!
(Книга номер 15 на полу) Нужно было! (Книга номер 20 на
полу) Лишить вас! Ублюдков! Удовольствия! Если бы я не
была такой! (Книга номер?? на полу) Трусихой! Я бы...! Я
бы...

Сальвия окончательно выдохлась и рухнула на пол, жадно глотая ртом затхлый воздух. Затем поднялась и открыла настежь окно, впустив внутрь морозную свежесть. Вдруг в памяти всплыла сцена из детства:

Сальвия сидела у себя в комнате и играла в компьютерные игры. Ей было лет десять. Тут в комнату заходит мать и строгим голосом спрашивает:

– Салли, а ты уроки сделала?

Салли. Она всегда звала её так. Сальвия это ненавидела.

В ответ маленькая Салли пробурчала что-то невнятное, в том смысле, что уроки не самое главное в жизни. Мать молча подошла и выдернула шнур от компьютера из розетки. Сальвия начала возмущаться, но мать резко прервала её:

– Сначала уроки, потом развлечения. И всё на этом.

Она вышла из комнаты, хлопнув дверью. Сальвия ужасно обиделась, собралась было закатить истерику, но вдруг услышала, как мать за дверью тихо сказала про себя:

– Ну что мне делать, чтобы она не выросла такой же слабачкой и неудачницей, как я...?

Это было одним из немногих проявлений тёплых чувств

матери. Сальвия так удивилась, что про истерику как-то забыла и молча засела за уроки. Школу она в итоге закончила с отличием, что позволило с легкостью поступить в желаемый университет.

Да, всё так. Самоубийство – это слабость.

Немного успокоившись, Сальвия вышла на улицу и стала собирать разбросанные на дороге продукты обратно в тележку.

На улице уже было темно, но сегодня горел один фонарь, что рядом с библиотекой. У Сальвии возникло чувство, словно кроме этого света, во всем мире нет больше ничего, и никого. Даже моря не слышно. Последний оазис в мёртвой холодной пустыне. Последняя звезда во Вселенной.

Стоп, при чем тут звезда?

Возвращаясь в библиотеку, Сальвия спрашивала себя, почему ей пришла в голову такая аналогия. И тут взгляд упал на одну из брошенных на пол в порыве ярости и отчаяния книг. Последняя звезда во Вселенной.

Автор: Саймон Хостинг.

Сальвия подобрала книгу и стала её листать. Что-то научно-популярное о космосе. Она взяла книгу подмышку и поднялась наверх к своему столику.

Усевшись поудобнее на прежнем месте, Сальвия достала консервы и воду, с небольшим сожалением отметив, что не успела взять столовые приборы. Поглощая с детским аппетитом рыбную печень, Сальвия смотрела в окно на освещен-

ную холодным светом фонарей часть улицы. В поле зрения попался упавший и разбитый рекламный щит, на котором была изображена одна из последних моделей смартфона с очень хорошей камерой.

Сальвия вспомнила, как незадолго до конца света все мечтала прикупить такой, и даже собиралась взять кредит. Сейчас же город полон заброшенных и полуразрушенных магазинов, и наверняка хотя бы в одном из них такая модель найдется.

О чем это я? – одернула себя Сальвия, – какие еще смартфоны? На дворе апокалипсис. Гуляем последние недели, может дни. Или... стоп. А точно ли в этом дело? А может, он мне не нужен не из-за близости смерти, с этой мыслью я, вроде уже более-менее свыклась, а потому что похвастаться уже не перед кем? Ну кому я покажу эти фотографии? Кому нужны мои репортажи... Помнится, раньше я всё убеждала себя, что выбрала профессию для себя. Чувшь это, конечно. Без общества, без зрителей и читателей, моя деятельность не имеет смысла. Настолько мы погрязли в пороках, которые сами друг в друге вращиваем, ругая и хваля друг друга, что без общества нам кажется, что и смысла в жизни нет. Мы разучились жить для себя. А может, никогда и не умели.

Продолжая размышлять о человеческих пороках, Сальвия собрала мусор со стола и отправилась к себе домой.

Следующие несколько дней Сальвия ходила в библиотеку, как на работу, читала научно-фантастические романы, бро-

дила по супермаркетам в поисках пищи и пыталась бороться с нарастающим безумием. Ночами ей снились кошмары, и на седьмой день она зашла в аптеку и взяла снотворное. Прочитав инструкцию, Сальвия приняла одну таблетку, отогнав невольную соблазнительную мысль проглотить все содержимое пластиковой бутылочки. Но кошмары продолжали её посещать, и тогда она решила попробовать не спать как можно дольше и стала пить крепкий кофе. Если бы не сухой закон Смотрителей, она бы попросту напивалась до беспамятства. Как и все остальные.

Она постоянно испытывала тоску по людям и с каждым днем всё сильнее. Она мысленно просила Германа, чтобы он появился. Ей было наплевать, что он ей скажет, пусть он в малейших подробностях станет описывать уготованные ей страдания в преисподней. Она готова была встретиться с сумасшедшим маньяком-убийцей, она была бы рада ему, как никому другому никогда в жизни. Она и не подозревала, что в ней так сильна потребность в общении. И в какой-то из дней этого тяжкого испытания Сальвия пошла вместо библиотеки на пляж, в то самое место, где впервые говорила со Смотрителем, и ей казалось, что море говорит с ней, без осуждения, но и безо всякого сочувствия.

– Я так устала, Боже, помоги мне! За что мне все эти муки? Умоляю, ответь, я сделаю все что угодно, но я глупа, я не осознаю своих грехов! – обращала она свой плач к беспощадным холодным волнам. И волны отвечали ей:

– Разве ты наказана? Ты скорее столкнулась лицом к лицу с последствиями своих ошибок, и тебе дан шанс их исправить. Немногие могут похвастаться подобной роскошью, разве нет?

– Но я не понимаю, каких ошибок? Меня лишили людей, потому что я не ценила их? Каюсь, не ценила! Теперь я понимаю! Клянусь, я буду любить и ценить каждого человека, только выпустите меня из этой одиночной камеры, коей стал для меня весь мир!

– А может, твоя ошибка не в том, что ты их не ценила, а в том, что переоценила?

Море говорило с шумом и журчанием. Его трудно было понять, к тому же интонация ничего не выражала. Но, по крайней мере, это был собеседник, так что Сальвия почувствовала небольшое облегчение. Она легла на холодный песок, положив голову на локти и закрыла глаза. Сальвия старалась представить себе, что говорит с человеком.

– Ну хорошо. Вот ты пытаешься сказать, что общение мне не так уж и нужно. Но почему тогда без него я страдаю? Словно от голода или жажды? Может, и еда, и вода мне тоже не нужны? Завтра мне есть и пить запретят? И скажут, что я просто дура, раз мучаюсь?

Сальвия засмеялась совершенно здоровым, довольным смехом.

– Может, и запретят, – отвечало Море, – Я не могу сказать, что тебя ждёт. Я никогда никому не даю точных отве-

тов, этим и славлюсь. Но люди всегда меня именно за это и любили.

– Да, это так. Ты – тайна и всегда манило к себе людей. Отчаянных, любопытных и решительных. Но в наши дни такие вряд ли ещё остались. Хватит с нас приключений. Мы отчаянно жаждем лишь одного – покоя.

– Не стоит говорить за всех. К тому же, признайся, ну неужели нынешняя ситуация нисколько тебе не нравится? Ну вот прямо совсем?

Сальвия задумалась. Действительно, неужели совсем? Она принялась рассуждать вслух:

– Знаешь, Кипящее Море, все религии всех цивилизаций мира пророчили какой-нибудь апокалипсис. Религии, которые формировались независимо друг от друга. Почему так происходило? Вера в конец света у нас в крови, как и вера в сверхъестественное? Почему так? Мы все жаждем конца? В одиночку умирать очень обидно. А если все вместе – не так уж. К тому же конец света избавляет нас от необходимости заботиться о будущем. Свобода. Да, ты правильно говоришь, это своеобразная свобода и немного это утешает. Но есть одно «но». Если бы наш конец света был всего лишь неотвратимой смертью, скачущей к нам как всадник и снимающей головы с плеч одну за другой, это было бы не так ужасно. А тут... неизвестная сила, заставляющая нас плясать под свою дудку. Выжмет все соки, помучает, и всё равно ведь погубит.

– А ты разве не знаешь, что сама суть жизни – непред-

сказуемость, изменчивость? Постоянство – враг прогресса, но многие люди почему-то так любят жить надеждой на стабильность.

– Надежда... ты ошибаешься, мне она уже не нужна. Всё, что меня держит здесь, – это обещание. Обещание дойти до конца, не сломаться. Если хотят убить – пусть убивают. Я им тут не помощник.

– Упрямство... пожалуй, это выход, пусть и временный. Но всё переменчиво...

Сальвия замолчала, закрыв глаза, с удовольствием слушая неспешное бормотание. А когда открыла, небо уже потемнело. Она посмотрела на часы. Обычно в это время было ещё светло, но в небе уже зажглась первая звезда.

– ...пока последняя звезда не упадёт с небес.

Сальвия резко поднялась.

– Прости, что?

– Я говорю, мир будет жить, пока последняя звезда не упадёт с небес.

– Что-то знакомое. Где-то я эти слова недавно слышала, – сказала задумчиво Сальвия, – Слышала... или скорее... читала.

Она повернулась к Кипящему Морю, поклонилась и произнесла:

– Спасибо за хорошую беседу. Но мне нужно идти. К тому же изрядно похолодало.

Море не ответило ей, но это было неважно. Сальвии ка-

залось, что она что-то нащупала. Все мрачные мысли и жалость к себе улетучились, освободив место для любопытства и целеустремлённости. Маленькая цель – тоже цель.

Пока последняя звезда не упадёт с небес.

Сальвия спешила в городскую библиотеку.

Саймон Хостинг. Последняя звезда во Вселенной. Точно.

Сальвия отложила эту книгу на потом, она показалась ей сложноватой для понимания. Но сейчас она чувствовала, что именно её и нужно читать.

Книга была о развитии космологии как науки, от круглой Земли до открытия самых дальних галактик. В ней было много непонятных терминов, вроде постоянной Хаббла, эффекта Доплера, квантового фазового перехода и... сингулярности. Сальвии приходилось смотреть в интернете значение многих слов в этой книге, в том числе и последнего. Раньше она из принципа не интересовалась термином «Сингулярность», но по непонятной причине после недели отшельничества её гордость и упрямство начали сходиться на нет. Сальвия подумала, что упрямство и гордость теряют своё значение без других людей, как и многое другое, если не сказать, почти всё. Но в тот день она была так увлечена изучением этой сложной книги, что совсем позабыла о своих горестях.

Но когда она почти дочитала до конца, её ждал неприятный сюрприз – последние страницы книги были вырваны. А вернее, вырвана была последняя глава, которая называлась «вывод». Самая важная часть. Сальвия бросилась искать ко-

пии этой книги на соответствующих стендах и не нашла. Тогда она вернулась к столу и снова открыла книгу, с тоской уставившись на несчастные корешки страниц.

– Ну вот, стоило только найти, чем отвлечься... – грустно сказала она вслух, и тут заметила, что на последней странице что-то накорябано, карандашом и явно второпях.

"...отправляют... какой-то... вернусь... ай" – только и можно было разобрать.

Сколько Сальвия ни щурилась, сколько ни добавляла света в помещении, ничего более понять было невозможно. Тогда она попыталась понять логически, что это может значить.

Кто-то вырвал целую главу научно-популярной книги и оставил в ней кому-то послание. Почему именно главу? Раз книга так важна, почему не забрать её целиком? Приказ Смотрителя? Да, в нашем мире понять логику человеческого поступка уже невозможно, ибо ко всем прочим добавился ещё один мощный мотив. Стоит ли упоминать, что приказы Смотрителей не поддаются никакой логике.

Отправляют...

Вернусь...

...ай...

Прощай.

Точно.

Сальвия вспомнила о лагерях, накрытых куполами, сооруженных вроде как для изоляции сумасшедших. Видимо, последний читатель этой книги был туда отправлен, и време-

ни на сборы ему не дали, и он оставил послание дорогому человеку, зная, что тот будет читать эту книгу. Потому и не забрал её.

А последнюю главу он вырвал, потому что не дочитал. А дочитать, судя по всему, очень хотелось. Либо он... по какой-то причине не хотел, чтобы её прочли. В любом случае было очевидно, что с ней стоит ознакомиться. А потому Сальвия решила с рассветом отправиться к ближайшему лагерю.

Разумеется, вероятность найти вырванные страницы практически равнялась нулю. Во-первых, то, что последний читатель Саймона Хостинга был отправлен в лагерь, причём в ближайшей, было лишь догадкой, во-вторых, лагерь охранялись вооружёнными бессмертным оружием людьми. Всё смертельное оружие было запрещено Смотрителями, и до кучи оно просто исчезло в какой-то момент. К тому же Сальвии сейчас было запрещено вступать в контакты с людьми. Но она решила просто пройтись до лагеря и разведать обстановку.

"Если там всё ещё есть люди, я вернусь и поговорю с ними после снятия запрета" – думала она, пока шла вдоль берега. Ближайший лагерь располагался как раз на берегу Кипящего Моря за городом. Путь предстоял неблизкий, пешком идти нужно было до вечера, и Сальвия решила, что как только стемнеет, она заночует в каком-нибудь заброшенном отеле на побережье и с рассветом продолжит путь.

Кипящее Море молчало, но Сальвии самой не особо хотелось разговаривать. Она достала плеер и включила спокойную медленную музыку без слов, и, казалось, волны, неспешно разбивающиеся о берег словно танцуют под неё. Раньше Сальвия больше всего на свете любила такие вот одиночные прогулки под любимую музыку. И сейчас она заставила себя представить, что это и есть обычная прогулка.

"О чём я думала раньше в подобные моменты? Фантазировала о чудесном будущем, в глубине души понимая, что мечтам не сбыться. Думала о друзьях, близких. Думала о темах для статей, о настроениях в обществе и его предпочтениях. Старалась не думать о нелюбимых и по-моему мнению вовсе не нужных предметах в институте. Предстоящих экзаменах. Нет, об этом я думала, но не в такие моменты. Не с музыкой. Нельзя осквернять музыку размышлениями об обыденности. Это просто кощунство. Эй, подожди-ка. Кажется, я чувствую себя точно так же, как было до конца света, так же хорошо. Удивительно. Может, музыка и прогулка по берегу моря – всё, что мне нужно? В такие моменты я жила в фантазиях, рисовала в воображении клипы, подходящие под играющую песню. Вот один из моих любимых, под трек "Последний Сон" популярной певицы Анаконды, молодой девушки, владеющей невероятным оперным голосом."

Сальвия нашла в плеере эту песню и включила её, остановившись и закрыв глаза, стараясь вспомнить как можно больше деталей из своей фантазии. Когда она открыла их,

окружающий мир утонул в белом тумане. Почему-то Сальвию это не испугало и не удивило. Музыка продолжала играть, и казалось, уже не в наушниках. Сальвия сняла их и услышала пение Анаконды, доносившееся из её собственных уст:

Мы танцуем с тобой
Под жестокой Луной...

Город и море пропали. Вместо них под ногами возникло бескрайнее поле, покрытое ковром из красных цветов, чем-то напоминающих пауков формой тычинок. Сальвия любила только эти цветы, и потому они легли в основу локации для воображаемого клипа. Сальвия взглянула на небо. На нём величественно возвышалась огромная малиновая Луна, а на небе сияли синим огнём яркие звёзды. Все объекты окружающей среды казались Сальвии живыми, и её пронзило смутное ощущение, будто в раннем детстве она воспринимала мир именно таким.

А вот и герои клипа – два одинаковых человека в белых масках и разного цвета одеждах – фиолетового и оранжевого, они символизируют нашу войну с самими собой. Войну длиною в жизнь. Сальвия пошла им навстречу, продолжая петь не своим голосом:

Что нам драться, ответь?
Все красней неба твердь...

Двое вытащили из ниоткуда свои страшные длинные орудия и приняли боевую стойку.

Кровоточит земля
Слезы льют облака

Двое начали яростно сражаться, сливаясь в одно в бешеном жестоком танце.

Пламя рушит покой
Будет вечен наш бой
Не слышны голоса
Павших узников Сна

Кровь, льющаяся из мгновенно заживающих ран, касаясь земли, обращалась новыми цветами.

Нам могильных цветов
Уготован покров
Опьяняет нас кровь
Боль и смерть, вновь и вновь

Когда один из них падал, цветы выталкивали его наверх, чтобы он сражался вновь. И вновь. Вечно.

Навсегда сожжены
В наш родной мир мосты

Мы здесь быть не хотим
Но вновь копыя скрестим

Сальвия подошла к сражающимся почти вплотную. И увидела, что под маской каждого ручьём льются слёзы. Да, всё так и должно быть, подумала она, и, разведя руки в стороны, запела припев:

Освободи,
Небесная воля
Или ответь, за что караешь нас?
Будет конец ли страху и горю?
Луна молчит, с нас не спуская глаз

Закончив петь, Сальвия вновь закрыла глаза. Через секунду открыла вновь, и перед ней как ни в чём не бывало предстал прежний мир. Волны на море усилились, и Солнце уже было на горизонте, окрашивая небо в необыкновенное сочетание красного, малинового и оранжевого. Чайки печально кричали, метаясь над водой. С минуты на минуту мир должен был погрузиться во тьму.

– Что, чёрт возьми, это было? – изумлённо произнесла вслух Сальвия, проведя рукой по лицу, словно желая убедиться, что не спит.

Но ей никто не ответил. Тогда она повернулась к морю и громко повторила свой вопрос. Но море тоже молчало.

– Не знаю, что это было, но... было круто! Может, я на-

конец-то сошла с ума? А это не так ужасно, как не казалось!

– Не знаю, сошла ли ты с ума, – вдруг неспешно и словно бы нехотя заговорило море, – Наверное, смотря что считать сумасшествием...

Сальвия махнула на Кипящее море рукой и лениво ответила:

– Да ну тебя. Скучный ты собеседник. Что ни слово – ничего стоящего и конкретного. Мне никто не ответит на мои вопросы, а потому я считаю себя вправе самой придумать ответ.

И она подняла глаза к чёрному небу и закричала что есть мочи:

– Я сошла с ума и это замечательно!

Затем она повернулась к морю спиной и помчалась в сторону ближайшего отеля. Красивый двухэтажный домик цвета морской волны удобно расположился на небольшом холмике буквально в пяти шагах от каменистого пляжа.

Впечатление от пережитой галлюцинации были настолько сильными, что ей хотелось одного – удержать их. И для этого она выбрала древнейший способ – записать их. Ворвавшись в отель, она нашла какой-то журнал, открыла чистый лист и принялась записывать свою ожившую фантазию.

– Я смотрю, тебе понравилось, – раздался, как гром среди ясного неба знакомый голос. Но было в нём что-то новое, несвойственные Смотрителю нотки радости.

– Да так, что ты решила...

– Герман! – закричала Сальвия и бросилась ему на шею.

– ...попытаться сохранить то состояние, пусть и таким примитивным способом. Что ж, так поступали до тебя. Жаль, что не могу добавить "...и будут поступать после тебя", но это не важно. Поздравляю, ты справились с заданием, и раньше, чем я мог предположить! – продолжал он прежним тоном.

Сальвия была так рада наконец увидеть кого-то, что эмоции затуманили привычное чувство страха перед врагом. Но она опомнилась, отпрыгнула от Смотрителя и смущённо отвела взгляд.

– Ну что ж, пережитый опыт должен был помочь тебе осознать, что нам никто не нужен. Осталось только понять, как повторить его, верно? Ты уже приступила к поиску, так что я пришел, чтобы слегка помочь ускорить процесс. Искомая тобой глава книги действительно находится в ближайшем лагере. Ищи самую большую многорукую сосну, – продолжал Герман, стоя в дверях, словно он забежал на минутку и вот-вот отправится прочь по более важным делам.

– Стой... то есть... то, что было... имеет отношение... ну, ко всему?

Герман улыбнулся.

– Всё, что происходило, всё, что происходит и будет происходить имеет отношение ко... всему, как ты выразилась. Всё не просто так и у всего есть причина и цель. Ты смогла на какой-то момент понять это и увидела мир под другим

углом. Это шаг в нужном направлении.

– В смысле поиска... точки Сингулярности? Да я так и не поняла, что это вообще такое!

Герман улыбнулся еще шире и улыбка придала его лицу прежнее хитрое выражение.

– Всё ты поняла. Переночуешь здесь. Выйдешь с рассветом. Будешь искать огромную многорукую сосну.

С этими словами он исчез, оставив Сальвию в недоумении.

"Многорукая сосна ещё какая-то," – думала она, – "Первый раз слышу. А может это был не сам Герман, а очередная галлюцинация? Нет, это вряд ли. Люди всегда чувствуют Смотрителей. Это трудно описать, но когда они рядом, ощущаешь себя как-то по-другому. Словно ты в другом мире, хоть и выглядит он так же... и у других то же самое, хотя почему-то не все это сразу замечают. Интересно, почему...?"

Та галлюцинация была похожа на управляемый сон. Сальвия словно ощущала себя в нём сразу несколькими личностями – одна этот сон строила, другая играла в нём роль певицы, а третья наблюдала. И, казалось, она там не одна. Ясное ощущение чьего-то присутствия, кого-то, кто являлся её частью, но в то же время был кем-то другим.

Поднимаясь наверх в номер отеля, Сальвия думала только об одном – как снова вызвать эту галлюцинацию и никогда больше не возвращаться в реальный мир. Ах, если бы это было возможно! И Смотритель был вроде ей доволен. Неужели

он этого от неё и добивался? Может ли быть...

И тут Сальвии в голову впервые пришла мысль, которую она так долго тщательно отгоняла от себя. Но теперь было поздно, и она осознала, что вновь прогнать эту мысль будет не так просто.

Может быть... Смотрители... нам не враги?

Нет. Тогда придётся признать, что все погибшие... все пропавшие... все наши страдания... всё это было не по их вине. Придётся нарушить обещание.

– Да и что тебе это обещание, так уж ли оно важно? Обещание слепых глупцов, – шептал у неё в голове какой-то незнакомый, новый голос, когда она легла в постель.

– Нет, не может быть, чтобы Смотрители не были нашими врагами! Они же всё уничтожили, довели до самоубийства большую часть населения планеты!

– А с чего ты взяла, что они этого хотели? Разве до них люди не убивали себя? Самоубийство входило в пятёрку самых распространённых причин смерти, ты забыла? А если бы хотели убить нас – давно бы это сделали.

– Так что им нужно? И кто они, в конце концов?

– Это явно не те вопросы, которые тебе стоит задавать. Спроси лучше себя, что тебе нужно, и кто ты, в конце концов.

– Какая глупая тривиальщина. Я знаю, кто я, я Сальвия Альба, обычный человек, нелепая смесь разума и инстинктов. И хочу я одного – чтобы мне было хорошо. А мне пло-

хо. Так плохо, как никогда не было в мире до Внедрения. Но прямо сейчас я желаю одного – заснуть и не видеть снов, если только они не будут похожи на тот, что настиг меня на пляже. И если мне не суждено укрыться навечно в спасительном мире галлюцинаций, я хочу заснуть и не просыпаться никогда.

С этой мыслью Сальвия заснула. Без снов, как она и хотела.

Проснулась она точно на рассвете, под крики чаек и плеск волн, яростно обрушивающихся на многострадальный пляж. Сколько он выдержал ударов беспощадной стихии! А на вид всё такой же, как всегда, хотя на самом деле море постоянно отрывает от него куски. Оно берёт и отдает, приносит новые камни, ракушки, песок. И однажды море поглотит его целиком, или пересохнет, и тогда пляж победит, но и он не будет тут вечно.

Сальвия размышляла об этом, пока завтракала на веранде бутербродами со свежей рыбой, которые как по волшебству оказались в холодильнике номера.

Эти мысли её утешали. Раз даже само море не вечно, то и ей переживать особо не стоит. И звёзды со временем гаснут.

Покончив с завтраком, Сальвия решила не убирать за собой, и сразу отправилась в путь. Она шла вдоль берега, чтобы лучше слышать шум волн и чувствовать запах моря. Всё ещё было темно и на небе виднелись звёзды.

А вот интересно, если бы я не знала, что такое звезды, что

бы я о них думала? Так. Светящиеся точки, появляющиеся в небе по ночам. Почему по ночам? По ночам горят фонари, их зажигают люди. Значит, наверное, и звёзды кто-то зажигает? Наверное, там, наверху, есть города, и в них неведомый народ зажигает фонари или свечи. Или это просто дырки в небесной тверди, сквозь которые просачивается свет... хотелось бы мне забыть ответ на вопрос, что такое звёзды. Я могла бы с большим удовольствием любоваться ими, гадать, что же это за чудо...

И, стоило ей об этом подумать, как она и вправду забыла. Она остановилась, замороженно разглядывая предрассветное небо. Звезды казались ей живыми. Как в детстве. Они шевелились, они словно пели, и хотя их пения было не слышно, Сальвии казалось, что это лишь потому, что они очень далеко. Но их синхронное неслышное пение отражалось у неё в сердце и вселяло необъяснимые радость и надежду. Она знала одно – они живые, и они все вместе поют ей, они воспевают жизнь и весь мир. Но вот показалось солнце, и небесная тьма отступила, и мир утонул в свете, но Сальвия знала, даже ночью свет не исчезнет, звёзды продолжат петь и жизнь не отступит.

И вдруг, так же внезапно как и появилось, ощущение пропало. В сознании Сальвии вновь появилось знание о звёздах, казавшееся ей теперь совершенно не нужным и испортившим всё.

Сальвия расстроилась, однако путь продолжать всё-таки

было надо.

И наконец на горизонте показался изолятор, вызывающий у Сальвии ассоциации с футуристической тюрьмой. Сам изолятор был накрыт куполом из неизвестного прозрачного материала, пространство метрах в двухста от него было огорожено высоким забором с колючей проволокой, а рядом стояли вышки для вооруженной охраны. Смотрители ввели запрет на оружие, потому говорили, что изоляторы охраняют люди, вооруженные винтовками с транквилизатором. Никто не знал точно, кто их построил, но мало кого на самом деле это волновало, разве что не вставал вопрос о попадании в это непонятное место. Что происходило за стенами изоляторов никто не знал. Даже критерий отбора оставался не совсем ясен. Все думали, что изоляторы для сумасшедших, но ходили слухи, что иногда туда отправляли вполне себе здоровых психически людей. Поговаривали даже, что кто-то отправлялся туда добровольно. Но последнему Сальвия не особо верила.

Изолятор Арканы был построен на берегу моря, видимо во имя экономии стройматериалов и колючей проволоки.

До изолятора оставалось метров пятьсот, но подходить ближе Сальвия не спешила. Она присела на корточки и достала бинокль из рюкзака.

Чёрный металл сторожевых вышек был покрыт корочкой льда, поблёскивающей в лучах утреннего солнца. Но охраны нигде не было видно. И вообще никого в округе. Саль-

вия решила осмотреть купол, и она увидела огромную дыру в куполе, в месте, где он сходилась со стеной. Да и сама стена была основательно разрушена во многих местах. Сальвия убрала бинокль, встала и громко закричала:

– Эй! Есть кто живой?

Её крик эхом прокатился по округе, смешался с шумом волн и затих. Ответили на него лишь чайки, недовольно крича, они выпорхнули откуда-то из под стены и бросились в разные стороны. Одна из них пролетела над головой Сальвии, продолжая пронзительно кричать. Сальвия проводила её взглядом, и ей показалось, что клюв её в крови. Впрочем, когда она подошла к месту, откуда взлетели испуганные птицы, выяснилось, что ей не показалось: стая чаек только что лакомилась трупом человека. Осталось от него уже не много, в основном одни кости. Труп лежал на громадном валуне, примыкающем к серой стене, прямо под громадной пробойной в куполе изолятора, из чего можно было сделать вывод, что бедняга скончался от падения. Скорее всего покончил с собой. Но Сальвию эта картина даже успокоила, ведь, судя по всему, тут давно уже никого не осталось, а значит, она может, не опасаясь нарушить запрет, смело ступить за стену.

Когда стало известно о существовании изоляторов, Сальвия представляла себе что-то вроде военного лагеря: палатки, вооруженная охрана, костры, снова палатки, бараки, решётки... каково же было её удивление, когда за воротами изолятора взору открылся обычный город. Дома, здания ма-

газинов, библиотека, парк... словно обычная часть её родного города Арканы. Но кое-что (помимо почти прозрачного купола над головой) всё же разбавляло обыденность картины. Небольшие чёрные деревья опутывали длинными ветками здания, фонарные столбы, они словно вырвались из-под земли и пытались утащить всё, до чего могли дотянуться их цепкие ветви в преисподнюю. Их ветви и впрямь были похожи на руки с длинными пальцами. Сальвии стало жутко и она мельком вспомнила, что, кажется, недавно уже видела нечто подобное, но не могла вспомнить, где и когда. Герман сказал ей искать самую большую многорукую сосну. Но какое-то время она стояла, не в силах сделать ни шага. Ей казалось, что бы здесь ни произошло, это словно застывший во времени последний миг мира людского. Несколько недель назад это зрелище повергло бы её в шок, и она бы в панике убежала отсюда куда подальше. Но сегодняшняя Сальвия была уже какая-то другая. Она и сама не понимала, что в ней изменилось, почему вдруг она смирилась с происходящим и решила перестать плевать против ветра. Но ясно было одно: такая позиция куда более комфортна, так что она не стала сопротивляться новым ощущениям и медленно двинулась вглубь, внимательно осматривая всё, что видит.

Вот на потрескавшемся тротуаре стоят два дерева, обвившие ветвями друг друга, словно обнимающаяся пара влюбленных. А вот одно словно пытается заползти на здание, одной веткой схватившись за электропровода. А вон то явно

собиралось угнать машину. Ай-ай-ай.

Будто деревья захотели стать людьми. Или... наоборот.

"Многорукие сосны", как выразился смотритель Сальвии, были повсюду, куда падал взгляд. И каждая из них имитировала ту или иную человеческую позу. Но все они были примерно одинакового размера, ни одна не выделялась. Сальвия решила не торопиться и начать с поисков пропавшей главы книги. В первую очередь казалось очевидным проверить библиотеку, здание которой поразительным образом напоминало городскую библиотеку, в которой Сальвия коротала время недавно.

Изнутри она выглядела почти так же, разве что здесь всю мебель опутывали корни и ветки жутких человекообразных деревьев.

На ресепшене так же лежал журнал учета посетителей, Сальвия заглянула в него.

Собственно слово «посетителей» было густо перечеркнуто чёрным маркером, а ниже красовалась надпись: «последних из нас».

Дальше каждая страница была исписана разными ручками и почерками:

"Меня зовут Ричард Стронг, 53 года, вдовец, на момент Внедрения занимал должность мэра города. С этой тупой работой я старался справляться как мог в реалиях конца света. Я не понимал, что моя работа заключается не в том, чтобы что-то делать

правильно. Баранам главное, что есть вожак и у него есть план. Не важно, насколько плох этот план, главное, что все под контролем. Но я был просто куклой, манекеном, выставленным на всеобщее обозрение, чтобы люди смотрели и успокаивались просто от мысли, что манекен есть и он на своем месте. В застенке я оказался потому, что я это понял. Моим Смотрителем была моя дочь Амелия Стронг. Она погибла при взрыве самолета пять лет назад. В этом теракте был виноват я, я, я один, да, я признаю. Но самое страшное не это. Самое страшное – я заранее знал про то, что Амелия будет лететь в том самолете. Но если бы я его не взорвал, никто бы меня не переизбрал. И я выбрал второе, да, я выбрал, потому что я хотел перестать быть этой грёбанной марионеткой, которую дергают за ниточки все, кому не лень, я хотел чего-то стоять сам по себе, на самом деле. Я отказывался понимать, что никто и ничто в этом дерьмовом мире не стоит и одного волоска на светлой головке моей милой Амелии...»

– на этом запись обрывалась.

«...имени у меня нет – Смотритель забрал. И детей. Всех моих детей. Даже Нэйта, а ему было только два месяца. Я подумала, может, они хотя бы здесь? Не может же быть, чтобы их не было нигде. Смотритель сказал, что если я не перестану, он заберёт мои глаза, а потом уши, как забрал язык, заберёт и больше не отдаст, как и детей, как и меня саму, меня, заберёт и не отдаст, никому, даже детям, даже мне...»

«Моё имя не имеет значения. Самое важное быть честным с самой собой. Не иметь секретов. Секреты не защищают, а убивают. От всевидящего Смотрителя всё равно ничего не утаишь. Рано или поздно придётся взглянуть ему в глаза...»

«Меня в этом городе называли Фелис Блок, а мое настоящее имя – не вашего ума дело. Я была той, кого принято называть «ночная бабочка» или «ночная фея», чаще – просто фея. И, пошли вы все, я любила свою работу, нисколько её не стыдилась, даже гордилась ей. Пока не наступил конец света и проклятые всемогущие пришельцы, чертовы Смотрители, или кто они там есть, не обрушились на наши головы и не повесили гигантский замок на моё рабочее место. Причём запрещено мне не только работать, но и... отдыхать тоже. И проблема не в деньгах, кому они нынче нужны... я и не подозревала, насколько мне ЭТО необходимо. Я начала сходить с ума. Люди перестали меня замечать. У меня начались боли там, внизу. Меня поглотили жуткая тоска и депрессия. Я попыталась прыгнуть с крыши, но Смотритель (черта с два скажу, чей облик он принял) меня остановил, сказав, что это мой последний шанс. Затем люди (а может, и не люди, не знаю, они не представились) в чёрных костюмах и масках привезли меня сюда, что дальше будет, не

знаю...»

«Мое имя тётушка Энни, по крайней мере так зовут меня все вокруг последние лет пятнадцать. Я спросила ту девочку, которую, кроме меня, больше никто не видит, я спросила её, для чего вы пришли и забираете то, что нам дороже всего? Для чего, говорю, ты забрала моих бедных кошечек? Ведь кроме них, у меня в этом мире никого не осталось. Ведь людей вы тоже забрали. Вам, говорю, нравится смотреть на наши слёзы? Она говорит, что нет, дело не в этом. Я спросила, а в чём тогда? Вместо ответа она отправила меня сюда...»

И дальше всё в таком духе. Сотни страниц, сотни трагедий, сотни сломленных душ. Сальвия листала журнал не особо внимательно после первых нескольких историй, но ближе к середине её внимание приковало одно слово и словосочетания с ним, встречающееся в записях всё чаще.

Последние. Последние из нас. Оставшиеся. Одни.

«...мы остались одни, совсем. Кого мы пытаемся обмануть? Этот забор нас не спасёт. Ничто не спасёт...»

В некоторых случаях писавший свою исповедь ставил дату. И тот, кто рассказывал, что они остались в мире одни, писал эти строки четыре месяца назад. Но тогда людей ещё было много...

– Этого не может быть, – сказала вслух Сальвия дрожащим голосом и стала лихорадочно листать журнал в поисках

датированных записей. Все сходилось. Последняя запись в журнале была сделана шесть месяцев назад. И в ней также говорилось, что в мире не осталось никого. Согласно этим записям, многие люди добровольно пришли сюда, гонимые страхом и отчаянием, они надеялись укрыться от конца света за высоким забором с колючей проволокой. Но на памяти Сальвии в то время города ещё были полны людей... и тут наконец её осенило, да так, что она плюхнулась на грязный пол.

– Параллельные миры, значит... – прошептала она и какое-то время сидела, словно отключившись.

«Ну, допустим, параллельные, ну и что? Чему тут удивляться уже, в самом деле?» – философски заключила она, поднялась, стряхнула с одежды пыль и направилась вглубь библиотеки в поисках отдела научной фантастики. Всё же задание никто не отменял. Найти последнюю главу книги. Найти огромную многорукую сосну. Сальвия чувствовала, что эти задания для неё станут последними. Её переполняло чувство торжественной волнительной решимости, словно она последний оставшийся в живых солдат, или скорее последний выживший член экспедиции, направляющейся туда, где не ступала нога человека. И Сальвия как единственный свидетель скоро увидит то, что не дано будет познать более никому, и передать эти знания она не сможет, но всё равно она чувствует, словно кто-то за ней наблюдает и она должна довести дело до конца.

– Наблюдает за тобой? И кто же за тобой наблюдает, как ты думаешь? – спросил взявшийся из ниоткуда Герман. Он стоял, прижавшись к книжной полке, листал какую-то книжечку и на Сальвию даже не глядел.

– Хм... – Сальвия неспешно обдумывала ответ, перебирая книги в поисках «Последней звезды во Вселенной».

– не знаю, это на уровне ощущений. Вот смотри: я уже поняла, что осталась одна во всем мире, если не считать тебя. Но тебя считать почему-то не хочется, не обижайся.

Герман криво усмехнулся, затем вырвал страницу из книги, скомкал её и бросил в Сальвию. Она ловко поймала её правой рукой и развернула. Там был стих, написанный от руки:

Пройдя путь нелёгкий познал я секрет
О том как нарушить науки запрет
Как преодолеть притяжения мощь
Его нерушимость – великая ложь.

Ведь нужно лишь сбросить пороков оковы
И сможешь гулять по воде под Луну
Но люди, завидев меня, трепетали
А жить так, как я их учил, не желали

Они говорили, для них я – Мессия
Я – Божий посланник, могучая сила
Которая прислана всех их спасти
Из бездны грехов прямо в Рай привести

Мы верим, избавишь ты всех нас от бед!
Я не Мессия! – кричу я в ответ
Ведь каждый из вас может пёрышком стать
Отриньте себя и вас ждёт благодать

Не нужно молитв, поклонений и служб
Избавьтесь от жадности и псевдо нужд
Я не могу вам поведать о Боге
Могу указать лишь путь к водной дороге

Но тщетны попытки услышанным быть
И было меня решено утопить
К пушечному привязали ядру
И с криками "Дьявол!" пустили ко дну

Последнею мыслью отчаянной было
"Я не Мессия. Я не Мессия."

- О чем этот стих, по-твоему? Опиши одним словом, – сказал Герман, убирая книгу обратно на полку.
- Об одиночестве, – не задумываясь, ответила Сальвия.
- Одиночество – это вымышленное понятие, придуманное испуганными, невежественными особями, которые однажды начали обманывать себя и других, говоря, что люди могут быть едиными друг с другом. Этот стих не об одиночестве, это слово нам пора забыть. Этот стих о пути к водной дороге. Этот стих о пути к миру, где возможно всё.

– Кажется, я где-то это уже слышала... ах да, точно! Ты же говорил, что ты из мира, где возможно всё. Хочешь сказать, ты можешь и меня туда отвести? В мир, где возможно всё?

– Нет, Сальвия. К сожалению, я не могу тебя отвести в мир, где возможно всё. И ты скоро узнаешь, почему. А это, чтобы сэкономить время, которого уже почти не осталось, – с этими словами Герман швырнул Сальвии какую-то тетрадь.

Она еле-еле смогла её поймать и тут же развернула.

– Это же...!

– Да, я же сказал, нам нужно экономить время. Как дочитаешь, приходи в центр. Я буду тебя ждать. Под огромной многорукой сосной.

Тетрадь оказалась дневником какого-то безумца, писавшего черт знает что ужасным почерком. Но в свой дневник он вклеил страницы из той самой книги. Последнюю главу.

Сальвия взглянула на часы. Полдень. А на улице уже стемнело. Наверное, часы остановились, подумалось ей, и она отправилась на поиски выключателя. Когда он щёлкнул, библиотеку озарил мягкий синий свет.

«...таким образом, если учесть эффект Доплера и погрешность наших приборов, можно сделать вывод о колоссальной неточности приведённых выше данных. В данной точке наука начинает граничить с философией, а некоторые умы даже возразят мне, и скажут, что наука и философия всегда были рядом. Ведь что такое наука? Изучение, измерение, выводы, применение полученной информации на практике. Но, как и философия,

наука на самом деле так же субъективна, потому что основывается на наших органах чувств, которые не всегда точны, как и приборы, что мы создаем. Особенно неточно и субъективно наше сознание, которое часто склонно искажать информацию в угоду себе. Так что позвольте мне представить максимально субъективную, максимально ненаучную теорию. Я назвал ее «Теория Ничего».

Суть изложенной автором теории заключалась в попытке объяснить структуру мира через следующие утверждение: ничего есть всё. Пустоты в природе не существует, существуют лишь превращения, и вариантов превращений есть бесконечное множество. Человеческая фантазия являет собой одно из проявлений бесконечности мира и гибкости его законов.

По его мнению, мир представляет собой место с безграничными возможностями, и мир этот заключен внутри нашего сознания. Автор говорит, что все наши фантазии и открытия, касающиеся космоса, на самом деле касаются нашего внутреннего потенциала. Ведь эти идеи рождаются в нашей голове. Он приводит в пример понятие «Точка сингулярности», означающее предполагаемое состояние Вселенной до Большого Взрыва. По мнению космологов, Точка Сингулярности – это единица пространства-времени, в которой находилась вся наша Вселенная до Большого Взрыва, состоящая из водорода и гелия. Но произошел Большой Взрыв, родилось пространство, а с ним звёзды, а с ними углерод. А с

углеродом и вся жизнь. Превращения. Бесконечные, удивительные и непредсказуемые смены форм – вот что представляет из себя мир, по мнению автора.

Сальвия закрыла глаза и постаралась представить себе это. Место, в котором сжато в одну маленькую точку всё, что в конечном итоге станет всей Вселенной. Место без времени и пространства. Не получалось.

Автор был согласен, что представить это довольно трудно. И тогда он предлагал читателям вспомнить свои сны. Во сне нет понятия времени. Нет понятия чёткого пространства и материи. Во сне всё может меняться по желанию спящего. Некоторые наши сны – это память о том состоянии Вселенной. Он считал, что точка Сингулярности – это и есть сама суть человеческого сознания. Вселенная, сжатая в одну маленькую точку внутри каждого из нас. Но Большого Взрыва может и не произойти. И чтобы он случился, вещества должны быть соблюдены определённые условия.

И вот, книга была прочитана до конца, и времени обдумать её не оставалось. Она поднялась, не сводя взгляда с книги, и вдруг текст словно исчез с последней страницы. Она изумлённо подняла книгу и пролистала её от начала до конца. Текст пропал, остались лишь белые страницы.

– Ну конечно же, – сказала она вслух, ухмыляясь, как её Смотритель, – это потому что нету никакой книги и никогда не было.

Сальвия вышла из библиотеки и побрела в сторону цен-

тра, ориентируясь по громадной синей Луне, озарившей город неоновым синим светом. Последним светом, который увидит Земля.

Эпилог 2 части

...она шла по улице мимо опустевших многоэтажных домов с выбитыми стёклами, то и дело перешагивая различного рода мусор. Она знала, куда идёт и зачем. Вокруг не было ни единой живой души и она понимала, что больше никого и никогда не встретит. Небо заволокли чёрные тучи и казалось, они опускались всё ниже.

Спустя какое-то время Сальвия увидела наконец громадное чёрное дерево, ветви которого напоминали руки со множеством пальцев. Часть этих рук мёртвой хваткой вцепилась в землю, часть рук тянулась к небесам. Но большая часть всё-таки держалась за землю... как глупо, думала Сальвия. Ей было жаль эту многорукую сосну, но помочь она была не в силах.

Под деревом её ждал Смотритель. На нём была чёрная накидка с капюшоном, наполовину скрывающем лицо, но Сальвия знала, это был он. Ощущение от его присутствия нельзя было спутать ни с чем.

К тому же, кроме него в мире же никого больше не осталось.

Он жестом приказал Сальвии следовать за ней и привёл её

в небольшую беседку, за которой начинался лес. У небольшой многорукой сосны неподалёку стоял громадный конь цвета воронова крыла, едва различимый в неоновых сумерках, недвижимый и тихий, словно дерево.

– Что ты думаешь о книге? – спросил Смотритель.

– Не знаю, бред какой-то, – неуверенно сказала Сальвия, – По-моему, это попытка романтизировать и превратить в сказку вполне конкретные научные понятия. К тому же, мне не нравятся попытки поставить человека, то есть себя любимого, в центр Вселенной.

– Во-первых, автор тебе сразу сказал, что его гипотеза будет максимально ненаучной. И она не ставит тебя лично, Сальвия Альба, в центр Вселенной. Она вообще убирает такое понятие как центр, – ответил Герман, – И что тебе мешает поверить в сказку, Сальвия? Убеждение, что мир обязательно зол и жесток?

Сальвия задумалась.

– Да, наверное, именно это. Знаешь, у нас оснований считать мир не особенно сказочным местом.

Герман поднялся. Сальвия сделала то же самое, без страха глядя ему в глаза.

– Мир жесток. И добр. Он невероятно многогранен, и не надо делать вид, что это новость. Но хватит тратить время. Мир уже почти свернулся. Свет вот-вот погаснет. Поговорим в пути.

И он залез на коня и подал ей руку.

– Ничто так не губит человека, как секреты, которые он прячет от самого себя, – продолжал он, – у нас вот остался только один.

Он помолчал какое-то время.

– Сальвия. Ты должна сказать правду. Произнести это вслух. Почему Герман Грэй? Почему ты выбрала именно этот образ?

Сальвия вцепилась в его холодную безжизненную руку и напряглась что есть сил.

Действительно. Почему именно он? Почему моё сознание, расслоившись, выбрало именно этот образ? Почему было необходимо, чтобы к точке Сингулярности привел меня именно он?

Она закрыла глаза и постаралась заглянуть в себя ещё глубже, насколько это было возможно.

«Самое важное – быть честным с самой собой. Не иметь секретов. Секреты не защищают, а убивают. От всевидящего Смотрителя всё равно ничего не утаишь. Рано или поздно придётся взглянуть ему в глаза...» – всплыли в памяти чьи-то слова. Чьи? Какая разница. Они у меня в голове. Теперь они принадлежат мне.

<<Вы у меня в голове. Теперь вы принадлежите мне!>>

Точно. Это же его слова. Слова этого глупого бездарного актёришки. Германа Грэя. Он играл в каком-то фантастическом фильме про пришельцев, которые вселялись в людей и сводили их с ума. Почти как Смотрители. Вернее, почти как

то, что мы <<думали>> о Смотрителях. Сальвия как-то сидела дома одна и от скуки решила включить телевизор, чего не делала много лет. И увидела отрывок из этого фильма. Герман Грэй играл там главную роль, и в конце пришельцы-таки добираются и до него. И Сальвия, услышав эту фразу, поняла её по-своему. Она подумала, что герой Германа говорит о людях, которые стояли перед ним. Как будто он имеет в виду, что теперь он может управлять своим восприятием, а значит и управлять всем миром и всеми людьми вокруг. Она заинтересовалась этим фильмом, ошибочно приняв его за философскую притчу, и посмотрев позже, разочаровалась и забыла. Но мысль о том, что, управляя собой, научишься управлять миром, пусть эта мысль далеко не нова, но Сальвия сама пришла к ней. Слова из фильма лишь помогли сформулировать её.

Она открыла глаза.

– Ты – Герман Грэй, потому что твой образ является ассоциацией с самой важной мыслью, которая когда-либо приходила мне в голову. Мысль о том, что ответственность за мой мир полностью лежит на мне.

Тем временем Луна опускалась всё ниже и светила всё ярче. Они уже дошли до края леса и остановились.

– Так что, Сальвия Альба, как думаешь, готовы ли мы сделать свой первый шаг? Шаг в мир, где возможно всё. В мир, в котором ты останешься одна навеки.

– Останусь одна? Нет. Я и так одна. И так было всегда.

Больше эта правда не пугала её. Герман исчез.

– Герман, ты не можешь отвести меня в мир, где возможно всё. Потому что я никогда его и не покидала. Ты исчез... но если я захочу поговорить с тобой, ты снова появишься. И Солнце засияет ярче прежнего. И петь я буду сколько захочу и как захочу, пусть меня никто и не услышит. А если я захочу, я заставлю себя поверить, что меня слышат даже звёзды на небе. Я могу вернуться в мир детства, в котором весь мир был живым и говорил со мнойтс помощью волн. Я могу, словно Вселенная, свернуться обратно в Точку Сингулярности. И звёзды будут танцевать со мной, и неоновая Луна будет освещать морскую дорогу, ведущую в невиданные дали. И я буду идти по этой дороге, лёгкая, как пёрышко, свободная от всего на свете.

Потому что я поняла, что я одна. И это мой мир. И в этом мире возможно всё.

"...смотри, – сказала девочка, – в этой умной книжке для взрослых написано, что лицо – зеркало души! Мама всегда говорит мне, что лицо у меня очень красивое, значит и душа у меня красивая, да?"

Цветочек аж весь поник и обиженно произнес:

– а у меня вот лица вообще нету, и что теперь, получается и души тоже нет? А раз души нет, значит я плохой, а значит и поступать мне полагается плохо?

...и потянул свои листья к девочке.

Так появились на свет плотоядные растения..."

– из детского сборника страшилок

Сквозь корни к звёздам

Глава 1

...вот сидел в зачуханном кабинетике парень и постоянно в смартфон свой тарасился. Я не преувеличиваю – постоянно. Любую свободную и не очень минуту для этого использовал. Ему и начальство замечания делало, и коллеги – всё без толку. И уволить – хрен, был у него там кто-то родственник. Всё бы ничего, только он других задерживал. А те слишком мягкотелые. Он же всегда такой вежливый был, улыбочивый. Но с такими жёстко надо, они по-хорошему не понимают. Вежливость у них – мимикрия, рефлекс, плевать им на окружающих. Меня это тоже злило, хоть и прямого отношения ко мне не имело. А Шио, помню, тогда сказал, что людям очень важно в своих собственных глазах оставаться хорошими. Они ради этого даже с жизнью порой расстаться не прочь, говорил он. Не все, конечно. А этот – ничего, сидит себе, в смартфон уткнулся и лыбится. А ему, спрашиваю, тоже важно хорошим оставаться? Разумеется, отвечает Шио. Просто в его понятия о собственной «хорошести», видимо, не входит уважение к коллегам. И ничего ты с этим не сделаешь. Можешь попробовать давить на чувство вины, но вряд ли у тебя получится. Большинство людей, и он в том числе,

считают дозволенным обращаться как угодно с любым, кто не является членом их стаи, называемой кругом "семьи и друзей." Они даже гордятся этим. Я отвечаю Шио, что меня это злит.

– И ты из-за этого уходишь? – спрашивал Шио, пристально глядя мне в глаза.

– Нет, конечно, не из-за этого.

– Кстати, ты же не думаешь, что ты лучше него, Дея? Я тебе уже не раз говорил: ты много времени тратишь на ненужные мысли.

Вот так всегда он, со своими напутствиями. Я нахмурилась. Не было у меня настроения его наставления слушать. Он, конечно же, прав, но в тот день у меня не было сил на правду. Я написала заявление и наконец добилась его подписи – только спустя пару месяцев и благодаря отправленному мной письму Стетфорд наконец понял серьезность моих намерений. Он подписал моё заявление, и по его глазам я увидела, что в ту же минуту я перестала для него существовать.

Всё же это было непередаваемое ощущение. Свобода. Как будто бы с меня сняли ошейник, сдавливающий мне горло так долго, что я и забыла, что он на мне был, но он всё же мне мешал, я лишь не могла вспомнить, из-за чего именно мне было так трудно дышать последние пару лет. Свобода. Выйдя на улицу спустя несколько часов я глубоко вдохнула холодный воздух. Наконец-то. Первый по-настоящему осенний день. Я решила прогуляться пешком. Времени было на-

валом, я ушла с работы пораньше – часа так на три, плюнув на всё. Увольнение – чудесная штука. Серьёзно, вам стоит попробовать. Если в этой жизни и есть что-то ценное, то это впечатления. Ни один день приёма на работу мне не запомнился. Но такие дни... выветриваются из памяти не так скоро.

В общем, выбор был сделан в пользу парка. В ушах наушники, звучат пианино и скрипка. Неспешно иду по петляющим дорожкам, глазами выискиваю белок, перебираю в кармане купленные на входе лесные орехи. И тут взгляд притягивает огромный, буквально пылающий на солнце красно-оранжевыми красками клён. Как замороженная направляюсь к нему, нагло перешагивая невысокую ограду. Остановилась перед ним как вкопанная, смотрю и глаз не могу оторвать. И трек играл такой подходящий... я даже дышать перестала. Через полминуты очнулась и полезла за телефоном, запечатлеть такую красоту, и тут же откуда ни возьмись нарисовался Шио. Он просто стоял рядом, засунув руки в карманы своего чёрно-красного пальто, и смотрел на клён, казалось, с теми же чувствами, что и я. Я вытащила наушники из ушей и убрала их в карман, достала телефон.

– Лучше не делай этого, – сказал Шио, не отрывая взгляда от дерева.

– Почему бы это?

– Ты пропустишь.

– Пропущу что? – удивленно заморгав глазами, спросила

я.

– Секунду. – ответил Шио и перевел взгляд с клёна на меня.

– Ничего, могу лишнюю секунду в качестве компенсации тут постоять, – язвительно ответила я, но телефон убрала. Фотографировать что-то расхотелось.

– Секунда никогда не бывает лишней, – не сдавался паршивец. Я давно уже поняла, что этот гад напрочь лишен чувства юмора, но зачем-то иногда я продолжала бесполезные попытки шутить и общаться с ним, как с нормальным человеком. И с каждой такой попыткой я чувствовала себя всё глупее.

– А ты как здесь оказался? – сменила я тему.

– Я пришел посмотреть на осень.

Ага, и чисто случайно оказался под тем же деревом, как же. Впрочем, если подумать, это самое большое и красивое дерево в парке, по крайней мере в это время года, так что неудивительно. Кроме того, Шио работает дома и может себе позволить гулять в любое время. Особенно с его-то умом и способностями. Вообще, я ему по-белому завидую и стараюсь брать с него пример. Разумеется, не во всём, но многое в нём меня вдохновляет.

– Ладно, – говорю, – А пойдём сходим к пруду, на лавочке посидим?

– С удовольствием, – кивнул Шио и жестом показал, мол, дамы вперед. Он даже слегка поклонился, пижон. Я криво

усмехнулась его показушничеству, хоть оно и пришлось мне по душе, и мы отправились в путь.

Позвольте мне немного рассказать вам о Шио. Во-первых, он мой сосед по корпоративной квартире компании «КиберСвет», половина которой досталась мне... буду откровенна, не совсем заслуженно. А он получил её честно, за проекты, благодаря которым директора КиберСвет смогли сэкономить приличную сумму денег. Не то чтобы это было таким уж благородным делом, помогать обогащаться очередным воротилам бизнеса – но это дало Шио свой собственный угол, а в этом городе, уж поверьте, многие на страшные подлости способны, лишь бы оказаться на его месте. Разумеется, под "его местом" я не подразумеваю сомнительное удовольствие жить со мной по соседству. Я удивляюсь, как же Шио умудрился сохранить ледяное спокойствие после нескольких месяцев жизни со мной. Я способна довести кого угодно, и не то чтобы я старалась, просто иногда я бываю чрезмерно любопытной, навязчивой и наглой особой, вытворяющей невесть что невесть ради чего. А он стойко переносил все мои выходки, ни разу даже не оскорбил и не прикрикнул.

Мы вышли на аллею Пирамиды. Имя своё она получила благодаря тому, что кроны тамошних деревьев, очень густых, смыкаясь, образовывали треугольный туннель. А недавно ещё туда повешали фонариков, горящих разными цветами, в зависимости от дня недели, и эта аллея стала просто сказочным местом. Но до темноты оставалось ещё около

часа, и я предложила Шио отправиться пока к Викариевым прудам.

– Мне сегодня приснился интересный сон, – сходу начала я новую тему.

– Я была под мостом. Большим мостом для автомобилей. Сидела на тротуаре, прислонившись спиной к холодной бетонной стене. Шёл проливной дождь. Мимо меня на бешеной скорости проносились машины. Никто не замечал меня. Я была ранена. Пыталась зажать рану на животе, но, кажется, было бесполезно. И я понимаю, что умру вот так, здесь, и никто мне не поможет. Но меня это не беспокоит. Почему-то я ощущаю некую завершённость, почему-то я очень рада, что последним, что я увижу в этой жизни, станет шумная автострада, ливень и тень от моста. Я убираю руки с живота, и становится темно. Затем через пару минут темноты свет будто включается, но мир меняется. Всё остановилось. Замерло. Машины. Капли дождя. Наступила полная тишина. Откуда ни возьмись появился туман, будто смешанный с темнотой. Я медленно приподнимаюсь и выхожу на автостраду. Я знаю, что больше мне ничто не угрожает. Я знаю, что в этом мире я никого не встречаю. Я знаю, что буду вечность бродить по застывшему миру и петь песни, которых никто не услышит. И почему-то в том сне преподносится это всё под эгидой хэппи-энда. И вот, начиная запевать какой-то неизвестный, довольно мелодичный, кстати, мотив, я углубляюсь в туманные сумерки автострады, теряясь среди машин. Занавес. Я

просыпаюсь с хорошим настроением. Как думаешь, что это значит, а, Шио? Я ведь не сошла с ума? Моё подсознание не планирует самоубийство? Не пытается ли оно подкинуть мне идейку, что смерть – это не так уж и плохо? Скажи мне честно, может, мне к психиатру уже давно пора, как твердит постоянно Тина?

Шио немного помолчал, затем медленно произнёс:

– Я уверен, что твоё подсознание не планирует самоубийства. И вообще такого не бывает. Главным образом потому, что никакого подсознания не существует. Впрочем, я тебе это уже объяснял.

– Как это "подсознания не существует"? – опешила я. Любит он все отрицать. Или отрицать, или другими словами называть. Надо признать, порою довольно ловко выходит.

– А что ты имеешь в виду под термином «подсознание»? Начнём с этого.

Я скрипнула зубами.

– Ну... В общем, то же, что и все: некий механизм в мозгу, не управляемый нами напрямую, не осязаемый но сильно воздействующий на нас. Если сравнить с твоей профессией, то работа подсознания – это интерпретация кода программы в машинный код. Процесс, происходящий постоянно, не ощущаемый пользователем, но без которого работа программ невозможна. Так же, как и с программированием, есть способы изменить этот код, чтобы изменить работу программы (или поломать её, дело вкуса), но на это способен

далеко не каждый пользователь. Вот как я это вижу.

– А как быть с компилируемыми программами? – спросил Шио и я бросила на него беглый взгляд в надежде увидеть улыбку на его лице. Но там её, разумеется, не оказалось.

– Ну, ты меня понял. Я не такой специалист, как ты, в этих вопросах, это просто аналогия.

– Скверная аналогия, Дея. Компьютеры имеют мало общего с работой человеческого мозга. Одно из главных отличий – однообразие. Названные тобой процессы всегда представляют собой одно и то же. И приводят к одинаковому результату. А вот люди славны тем, что в одних и тех же ситуациях каждый ведёт себя совершенно по-разному. Кого-то трудное детство приводит в кабинет директора, другого в наркологический диспансер, а третьего в колонию для особо опасных преступников. Если существуют некие механизмы подсознания, которые одинаково воздействуют на всех, почему же мы ведём себя не одинаково? Нет, Дея, таких механизмов не существует. В работе сознания нет скрытых процессов, для доступа к которым необходимо донатить биткоины приложению-цыганке. Или психологу, гипнотизёру, специалисту по нейролингвистическому программированию – они все друг друга стоят на самом деле. Я скажу тебе, что на самом деле люди называют «подсознанием». Плохую память, низкий уровень самоконтроля и нежелание его повышать. Например...

– Ладно, поняла, – грубо перебила я, – Это снова вопрос

терминологии. Ты просто для описания этих процессов используешь какое-то другое слово. Не понимаю, что от этого меняется.

– От этого меняешься ты.

Я задумалась. Назвав подсознание другим словом – изменишься? То есть...

– Ты снова ведешь к теме ответственности? Принятию одиночества и права на божественность? Или как ты там это называешь...

– Право быть Богом, – вежливо поправил Шио.

– Да, точно! Право быть Богом.

Округлив глаза, я начала опасливо оглядываться по сторонам.

– Хорошо что мы не на Синициных горах. Услышали бы тебя священники и...

Я попыталась представить себе, что бы сделали, вернее, очень сильно захотели бы сделать попы с самоуверенным типом, имеющим наглость открыто заявлять, что каждый человек имеет право ощущать себя Богом. Более того, что каждый человек должен и обязан стремиться к этому ощущению, если он хочет называться человеком, а не зверем, ведомым отголосками инстинктов. Он не должен никому поклоняться и подчиняться. И при этом каждый должен помнить, что ответственность за любое событие в его жизни несёт он сам перед собой. Мы полностью изолированы друг от друга, говорит он. Мы не связаны. Это иллюзия. Любые попытки

людей установить связь друг с другом обречены на провал. Даже если они этот провал отрицают, не осознают, с негативными последствиями его они живут каждый день. Не могу с ним согласиться. Может, люди вроде нас с ним и отщепенцы, но вокруг достаточно людей, вполне успешно социализировавшихся. У них вполне здоровые счастливые семьи. Уверена, они чувствуют связь друг с другом. Шио говорит, что им только так кажется, что эта связь яйца выеденного не стоит, и вообще таковой не является. Мне грустно такое слышать. Наверняка у него было тяжёлое детство. Но поднимать эту тему было бы, разумеется, нетактично.

– Тебя что в детстве родители в чулане запирали на ночь? – спросила я.

Молчание.

– Может, колотили палкой от швабры?

Молчание.

– А! Знаю. Тебя связывали оборванными интернет-кабелями и засовывали вай-фай роутер в рот в качестве кляпа, при этом приговаривая: "запомни на всю жизнь, сынок, запомни, Шио, любая связь – это зло, и любой её проводник – зло...!" Ой! А что если... твой отец брал наручники и веревку и...

В течение последующих десяти минут Шио был вынужден терпеливо выслушивать все мои предположения относительно происхождения его образа мышления и жизненной позиции, особенно касательно социальных связей. Когда моя

фантазия иссякла и я замолчала, он подождал минутку, а потом сказал:

– Уже стемнело. Ты, кажется, хотела пойти к аллее Пирамиды?

Стиснув зубы, я нехотя ответила:

– Ага. Пойдём.

Всё та же самоуверенная спокойная рожа и снисходительный взгляд холодных глаз цвета стали.

Шио слегка толкнул меня локтём и указал пальцем на небо.

– Что? – непонимающе спросила я.

– Видишь красную звезду?

– А! Точно, вижу! Здорово! Это Марс, что ли?

– Антарес. Главная звезда созвездия Скорпиона. Существует легенда, согласно которой чем ярче сияет красным Антарес, тем больше крови прольётся в эту ночь.

– Первый раз слышу, – хмыкнула я.

– Скорпион – символ смерти со времен древнего Египта.

– Я знаю, но такой легенды не слышала.

Выражение его лица как будто немного изменилось. Он напрягся, словно старался что-то вспомнить.

– Пару лет назад члены кружка любителей астрономии заказали мне несложную нейросеть для сбора и обработки данных о звездах.

– "Члены кружка любителей астрономии"?

– Судя по заказу, их сложно назвать профессионалами.

В основном их интересовал как раз свет звезд. Изменения его интенсивности в зависимости от времени года, геолокации направленного светоуловителя и ещё нескольких параметров. В общем, ничего заслуживающего внимания, но есть связь с интернет-легендами о звёздах, набирающими популярность в последнее время.

– Да-да-да, астрология, гадания, гороскопы и прочая чушь. Люди одержимы жаждой контроля и страхом неизвестности, порою настолько сильно, что готовы поверить в любую чепуху, лишь бы избавиться от своих страхов. Это очевидно для всякого мало-мальски разумного человека. К чему ты клонишь? Мы это всё уже, кажется, обсуждали.

Шио снова замолчал. Порою меня сильно раздражают его манеры. Так, что хочется его ударить. Но это бесполезно – он всегда успешно отражает мои удары. Даже стоя ко мне спиной, он как будто знает заранее, куда я собираюсь нанести удар. Как-то раз, помню, он точно так же внезапно замолчал в середине разговора, когда мы вместе пили чай на кухне. В наказание я решила облить его водой из водяного пистолета, коих у меня осталось предостаточно после последнего визита друзей. Шио игнорировал меня, погрузившись в свои мысли или чёрт знает что ещё, и, пользуясь моментом, я пошла в ванную и наполнила самый дальнобойный пистолет водой. Воду я налила из канистры-запаски, чтобы Шио не услышал звук воды из-под крана. Я осторожно подкралась к кухонному столику. Шио смотрел в окно, сидя спиной ко

мне. Но стоило мне направить моё оружие в голову засранцу, как тот резко наклонился, и струя воды с лёгким всплеском вылетела в открытое окно и, судя по дальнейшим крикам, приземлилась прямо на какого-то ребенка. Он визгливо заплакал, и, судя по всему задремавшая на скамейке мамаша подскочила и что-то разбилось об покрытую асфальтом площадку. Не особо стесняясь присутствия детей, она начала громко перечислять интересные версии наименований различных детородных органов и процессов, с ними связанных. Я залезла под стол. Через пару секунд под стол заглянуло довольное лицо моего светловолосого соседа и лицо это невозмутимо восстановило застывшую беседу. Я тогда не меньше часа под столом просидела, лениво отвечая на вопросы Шио; кажется, речь шла как раз о материнском инстинкте, воспитании детей и причинах снижения рождаемости в развитых странах. Затем Шио сказал, что мамаша собрала все осколки смартфона, успокоила своё чадо и можно выползать.

...если вы думаете, что мне никогда не приходила в голову мысль, что Шио может быть моей второй личностью – вы ошибаетесь. Наоборот, это было первое, что я подумала, когда он внезапно появился в моей квартире. Нет, разумеется, Тина сразу меня предупредила, что мне принадлежит лишь половина, и в любую минуту компания может подселить ко мне другого сотрудника. Но я прожила одна целый год и уже привыкла к одиночеству, я даже начала забывать

о перспективе «пополнения». И вот однажды появился он. Безо всяких предупреждений. Он действительно словно материализовался в квартире, словно обретшая плоть и кровь давно забытая фантазия. В воскресное утро я рано проснулась, пошла на кухню – а там он сидит за столом. Сидит и смотрит на меня своими холодными пронизательными глазами, от которых, кажется, не ускользает ничего, даже то, чего глазами не увидишь. Он даже не поздоровался. Сидел и изучал меня, ждал, что я заговорю сама. И я заговорила, хоть мне и было жутко. Оказалось, он прибыл ночью, издалека. Он официально работает на КиберСвет с завтрашнего дня. Он прошел кастинг на очень хорошую оплачиваемую и трудную должность, и ему предоставили жилье. И теперь он сидел на кухне, ждал, когда я проснусь и отдам ключ от полагающейся ему комнаты. Я подскочила, на ходу роняя извинения, вихрем понеслась в свою комнату и достала из ящика стола его ключ. Я спросила, почему он не разбудил меня, и он ответил, что в этом не было необходимости. Он летел до этого города восемнадцать часов с тремя пересадками и у него не было необходимости в отдыхе, ради которой не так уж и невежливо было бы разбудить будущую соседку? Которая, к тому же, имела наглость присвоить себе не принадлежащий ей ключ. Вообще-то ему полагалось всегда торчать в замочной скважине на такой случай, но я всё время задевала его локтем и потому убрала. Но ведь это были только мои проблемы, не так ли?

В общем, с тех пор мы живем как соседи и я вполне им довольна. Я всегда опасалась, что ко мне поделят какую-нибудь молодую парочку с орущим отпрыском или стареющего извращенца, и тогда мне точно придется продавать свою долю и съезжать. А тут – Шио. Спокойный, тихий парень, умный, непьющий, некурящий, вроде даже отзывчивый... иногда. Притом не в меру самоуверенный и заносчивый. Но это уже не так важно для соседских отношений.

И потом, Шио иногда рассказывал мне о вещах, которых я <<абсолютно точно >>знать не могла, потому что никогда не была в этих местах, а в интернете про такое не пишут... Затем, конечно, конечно, кое-что появлялось в сети, и так я убеждалась, что Шио, во-первых, существует, во-вторых, не любитель приукрашивать факты...

Мы подходили к аллее Пирамиды. Сегодня она горела мягким неоновым светом цвета морской волны. А внутри летали какие-то зеленые огонёчки. Я сначала подумала, что мне показалось, и стала прищуриваться. Шио поймал мой взгляд и пояснил:

– Роботы-светлячки. Тестирование.

Выглядело просто волшебно. Как будто мы попали на дно удивительного океана, или, скорее нет, словно мы в какой-то космической туманности и вокруг нас не спеша движутся по странной траектории зелёные звёзды...

Словом, мы отлично прогулялись, оценили чудеса техники (и, возможно отката бюджетных средств, выделенных на

обустройство города) и благополучно вернулись домой. Шио сразу же приступил к работе. Я тоже села за компьютер и принялась бесцельно бродить по интернету. Через пару минут (или не пару) я вспомнила, что хотела поискать информацию об исследованиях возможности подводного дыхания для сухопутных животных. Нашла интересную свежую статью на эту тему, но чтение то и дело прерывали дурацкие всплывающие рекламные окна:

"Шок! Элен Бук призналась в том, что она – мужчина. В доказательства..."

"Я заработал миллиард за две недели! Нужно всего лишь зарегистрироваться..."

"Вчерашняя речь президента заставила рассмеяться даже вечно хмурого..."

"Похудеть легко! Всего лишь перестаньте добавлять в испаритель..."

"Сегодня умерло ещё двое. Снова Антарес...?"

"Все самые новые сериалы онлайн бесплатно! Заходи..."

"Хочешь узнать своё будущее? Потомственная гадалка..."

Стоп. Антарес? Умерло...?"

Я открыла новую вкладку и стала вбивать в поиск различные варианты. Шио что-то сегодня упоминал об этом... Информация нашлась довольно быстро.

Буквально пару часов назад в Центральном парке были найдены тела двух молодых людей, мужчины и женщины. Причина смерти обоих – огнестрельное ранение в голову.

Судя по расположению тел и оружия... они одновременно выстрелили друг в друга. Личности убитых пытаются установить...

У меня всё внутри похолодело. Примерно в это время мы с Шио говорили об этом... Может ли это быть простым совпадением? Или...

Я вскочила со стула и помчалась в комнату Шио. С силой открыв дверь, я бесцеремонно ввалилась к нему в комнату с криком:

– Эй, Ши!..

Я заткнула себе рот ладонью, потому что увидела, что Шио уже спит. Хорошо, что мои крики его не будят. Помому, его вообще ничто способно разбудить против воли... ну, ничто из того, на что была способна моя фантазия. Кричать тоже бесполезно. Так что я вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Но мельком я всё же заметила, что ликорис на подоконнике, кажется, вянет, так что я вернулась с кувшином воды. Поливая цветок, я заметила, то у меня слегка трясутся руки. Неужели новость о двойном убийстве (самоубийстве?) так взволновала меня? И это лишь из-за того, что мы с Шио обсуждали эту, похоже, и вправду популярную интернет-страшилку? Разумеется, эти желтушные гады следят за трендами и стараются привлечь побольше аудитории, особенно молодёжь, часто падкую на мрачные и мистические истории. Но я не могла успокоиться. Мне нужно было с кем-то поговорить. Мне есть кого доставать и по-

мимо Шио, так что я достала телефон и набрала Тину. Она не отвечала. Я набрала её мужа Лео. Он тоже не брал трубку. Я почувствовала раздражение. Сговорились значит, мерзавцы. Я вернулась к компьютеру. Часы показывали час ночи. Ничего себе, это я столько времени в интернете провела? И ведь ничего интересного или полезного не сделала... Но это убийство...

Итак, убиты двое. Мужчина и женщина возрастом предположительно от 25 до 35 лет. Документов при себе не имели, связь жертв друг с другом пока не установлена. Оба убиты выстрелом в глаз из пистолетов одинакового калибра. Причём женщина получила ранение в правый глаз, мужчина в левый. Похоже, использовались экспансивные пули, запрещённые к продаже и изготовлению. Узнав у всемогущей поисковой системы, что же такое "экспансивные пули" вопрос о причинах запретов тут же отпал.

Пока это было всё. Наверняка подробности появятся позже. Я откинулась на спинку своего любимого компьютерного кресла на колесиках и подъехала к окну. На чёрном ночном небе пропали звёзды и сгустились тучи. Начавшийся мелкий дождь готовился в любую минуту обратиться ливнем. В холодном белом свете фонаря на детской площадке то и дело пролетали жёлто-оранжевые листья, беспощадно срывааемые всё усиливающимся ветром. В комнате даже стало немного холоднее.

А вот почему всё-таки осенью листья так сильно меняют цвет? Для чего это нужно? Чтобы получить исчерпывающий ответ, мне нужно было всего лишь подъехать обратно к компьютеру и спросить у всезнающей поисковой системы. Но я не стала этого делать. Знание испортило бы всю красоту этого удивительного явления. Лично для меня это явление – символ того, как живое существо меняется, предчувствуя свою смерть. Оно выкладывается на полную. Максимально раскрывает свой потенциал. Становится невероятно красивым. Не все листья так меняются. Некоторые просто чернеют и умирают. Некоторые остаются вечнозелеными. Но осень у нас ассоциируется именно с оттенками желтого, красного и оранжевого... оттенками огня и крови.

А вот те двое уже никогда не увидят осенних перемен. Да и не только они. Каждый день на тот свет отправляются сотни тысяч людей, иногда гораздо моложе их. Моложе? Да какая разница на самом деле. Можно подумать старики хотят умирать. По-моему, как раз наоборот. С жизнью всё так же, как и со всем остальным: со временем привыкаешь. Кто это вообще придумал, что женщины и дети больше заслуживают жить? Ну да, дело не в заслугах, разумеется. В сохранности вида. Женщина – потенциальная мать, ребёнок – тоже потенциальный родитель, ещё не выполнивший свою «главную» функцию. Плюс ко всему, женщин и детей больше жалко, потому что, как правило, они совершенно безобидны. Трудно жалеть того, кого боишься. Женщин и детей

в основном никто не считает потенциально опасными... а зря, между прочим. Хотя, может, это и справедливо, учитывая, что по большей части преступления совершают мужчины. Сегодняшний день не в счёт. Это же какой решимостью нужно обладать, чтобы выстрелить друг в друга одновременно!.. И отчаянием. Что же их на это толкнуло? Настолько плохи были их дела? Их преследовали? Они были смертельно больны? Или один из них болен? Не хотели жить друг без друга. <<Ужасно >>романтично. Долго наверное будут мусолить эту историю диванно-сетевые романтики... А может, всё-таки двойное убийство...?

Я проснулась оттого, что солнечные лучи впились мне прямо в лицо. Я так и заснула, сидя в кресле, положив голову и локти на подоконник. Странно, но заснув в такой неудобной позе и проспав всего часов пять, я выспалась лучше, чем обычно. На освежённом вчерашним дождём дворе радостно чирикали птички. Я встала, потянулась, взяла грязную чашку с недопитым чаем и отправилась на кухню.

– Доброе утро, Дея, – встретил меня пьющий утренний кофе за свежей газетой Шио. Просто не понимаю, зачем нужна эта макулатура в наш компьютерный век. Ну, он-то, конечно, постарше меня, но ведь не настолько же. Кстати, сколько ему лет?

– Доброе, – отозвалась я и принялась искать в памяти информацию о его возрасте.

– Дядя Шио, – сказала я, – А сколько вам лет?

Шио не отвечал. Он продолжал читать свою газету, и ни одна мышца на его лице не дёрнулась. Он абсолютно никак не реагировал на глупые, бесполезные, неинтересные вопросы – они просто не достигали его сознания. Ну, это я так думаю, разумеется, настоящая причина его периодического игнорирования моих вопросов мне неизвестна. Но я уже знала, что ждать и допытываться бесполезно, потому молча налила себе чаю и поплелась обратно в комнату.

Чем бы мне сегодня заняться? С работы я уволилась, но я договорилась (с собой) не искать новую сразу и устроить себе месячный отпуск. Я тщательно спланировала своё увольнение и накопила денег на полгода жизни вперед. Довольно скромной жизни, но всё же. Сегодня пятница, позвоню-ка я Тине с Лео и попрошусь к ним в гости заранее, пока они что-нибудь не придумали на выходные, подумала я и набрала Тину. Она не отвечала. Лео тоже. Сговорились, что ли, засранцы, начала я было злиться, но тут взгляд упал на кухонные часы. 6:15 утра. Ах, ну да, они, должно быть, ещё спят. Вообще-то об этом неплохо было бы подумать до того, как несколько раз позвонить... ладно.

Спать мне не хотелось и сидеть дома – тоже, поэтому я решила отправиться в круглосуточный торговый центр.

Его у нас построили не так давно. Комплекс современных многоэтажек в форме буквы «П». Знаете, одна из эдаких безвкусных коробок из стекла и металла с многочисленными зеркальными окнами. Никакого тебе изящества, чудес

дизайна и игры красок. Иными словами – вершина достижений в архитектуре. Мне очень нравились такие здания, тем, что в них не было ничего яркого и лишнего, и они не отвлекали своим видом от окружающего мира. Они гармонично вписывались в любую местность.

Вприпрыжку в такт играющей в плеере музыке я вошла в здание. Поскольку всё ещё было раннее утро, большинство магазинов были закрыты. Тем не менее, многие лавочки работали круглосуточно, были среди них даже магазины одежды, техники и парфюмерии. Я не спеша вышагивала вдоль вывесок, с любопытством разглядывая скорее не товары, а сонных продавцов. Мёртвую тишину нарушало громкое цоканье моих каблучков. Разбужу сейчас всех напрасно, подумала я, почувствовав лёгкий укол совести. Ну и плевать, что спать им запрещено на работе, они ведь люди, а не роботы. И вдруг я услышала какие-то голоса, доносящиеся с дальнего конца закругленного коридора. Стараясь двигаться быстрее и тише, я направилась в их сторону. В конце коридора меня поджидала такая картина: группа людей, одетых как офисные сотрудники, и вооружённая планшетными компьютерами, с важным и деловым видом слушала какого-то оратора в лице молодого веснушчатого парня в дорогом на вид белом костюме, с нелепой рыжей чёлкой, то и дело сваливающейся ему на бойкий правый глаз. Он очень уверенным тоном рассказывал слушателям что-то об устройстве этого комплекса. Я спряталась за углом и лихорадочно начала искать планшет

в сумочке. Повезло, что забыла его вытащить, когда пришла вчера с работы. Затем я оббежала коридор и незаметно приккнула к группе с другой стороны.

– ...разумеется, здание оборудовано новейшими системами сигнализации и противопожарной и информационной безопасности. Прошу заметить, что их обслуживание полностью оплачивается по той самой гос. программе.

Тут многие сдержанно хихикнули. Я начала лихорадочно искать информацию в сети о "той самой гос. программе" и ничего не нашла.

– ...как видите, помещения для магазинов устроены таким образом, чтобы потенциальному идущему мимо покупателю открывался обзор на максимальное количество товаров вашего ассортимента. Последние данные показали, что такое расположение увеличивает продажи товаров низкого спроса в среднем на 5 %. Также некоторые магазины, туалеты, выходы, лифты и лестницы расположены в таких местах, чтобы покупатель гарантированно прошёл хотя бы раз мимо любого магазина на этаже, если он, скажем, пришёл за продуктами питания и заглянет в уборную. Что, разумеется, также повысит процент продаж.

Самодовольные улыбающиеся рожи. Во мне вспыхнула ярость.

– ...аппараты с кофе и сладостями располагаются на каждом этаже. Напротив каждого аппарата есть удобные диваны, где покупатель может отдохнуть, а заодно получше разгля-

деть витрины магазинов. Раньше у нас были также терминалы с картой здания, но мы убрали их, зафиксировав незначительное снижение продаж в торговых центрах, оборудованных картами.

– Снижение продаж незначительным не бывает! – весело подметил лысый толстяк с самым большим планшетом.

Остальные поддержали его одобрительными кивками и хихиканьем. Снова... ярость.

– Верный подход, так держать! – одобрил настрой потенциального инвестора рыжий оратор, сделав очередную попытку убрать не желавшую слушаться чёлку с глаза.

– Кстати, рекомендую вам регулярно мониторить статистические данные продаж торговых автоматов и лавок быстрого питания. Некоторые маркетологи отмечают, что разнообразие напитков и пищи с повышенным содержанием сахара способно удержать покупателя в здании и повысить количество положительных оценок...

Твари. Готовы травить людей, путать и обманывать, лишь бы их кошелек распухал быстрее жиреющих сладкоежек.

– Скажите, а аппараты по продаже инсулина в здании предусмотрены? – прервал уверенную лекцию по продвижению прогресса максимально естественный голос.

Все молча и с недоумением уставились в мою сторону. С абсолютно невинным видом и планшетом наготове я ждала ответа от челкастого паренька.

– На случай гипергликемической комы у покупателя-диа-

бетика. А как насчет кнопок экстренного вызова скорой помощи? Не возникнет ли у нашей компании проблем с исками при подобном инциденте?

Челкастый помолчал, пристально изучая меня, затем очень сухо ответил:

– Как я сказал ранее, комплекс оборудован самыми современными системами информационной безопасности, сюда, разумеется, также включена система круглосуточного мониторинга с искусственным интеллектом и самообучающейся нейросетью «Элиса», автоматически вызывающей экстренные службы в случае необходимости.

Затем он быстро отвел от меня взгляд и невозмутимо продолжил петь прежним голосом свои хвалебные оды этому храму Потребления:

– ...также обратите внимание на новейшие голографические вывески, прилагающиеся к каждому помещению. На выбор предоставляется лицензия на одну из трёх ведущих программ. Разумеется, можно отказаться и выбрать свою. Но в любом случае, ваше имя не останется незамеченным, а, как известно, *Nomen est Omen!* * (Лат. "Имя это знак")

Произнеся последнюю фразу с особым пафосом, он подмигнул аудитории. Тоже мне, нашел чем выпендриваться, знанием одной-двух латинских поговорок?

– *Vultus est Nihil!* * (Лат. "Лицо есть ничто")

– Крикнула я в ответ. Никто и ухом не повёл. Настроение выпендриваться дальше резко пропало. Да и какой в этом

смысл? Я ничего не изменю. Я могу лишь пройти мимо и постараться не пасть очередной жертвой экономического прогресса. Как и все мы. В конце концов как жить – выбор и ответственность каждого человека. Нельзя винить их во всём, но непричастными их тоже не назовёшь. В общем, когда рыжий экскурсовод повёл членов кружка предпринимателей на цокольный этаж, я незаметно отделилась от группы.

На цокольном этаже, похоже, ещё не все помещения были сданы в аренду. Я шла мимо пустых помещений и закрытых магазинов. Вскоре рыжий голос пропал, и я оказалась в полной тишине, блуждая в поисках эскалатора или лифта. Да уж, действительно, пока найдешь искомое, волей-неволей обойдёшь весь этаж. Всегда говорила Тине в такие моменты, что это заговор корпораций! Кто бы мог подумать, что так оно и есть.

Неприлично нарушая величественную тишину, я бродила по коридорам в поисках выхода. Что-то в речи рыжего паренька не давало мне покоя. Какое-то там было слово, я ещё слышала его недавно на работе... какое-то название... а, точно! «Элиса», вернее «EliSa». Система искусственного интеллекта, созданная с целью повысить уровень безопасности во всех общественных местах. Сейчас государство выделило денег на снабжение «Элисой» улиц и парков. Некоторых это возмущает, пугает, они говорят, что это начало конца и под прикрытием идей "общественной безопасности" государство просто хочет контролировать каждый наш шаг.

"Потом дома у тебя камеры начнут устанавливать, а заодно и портреты с усатым дядькой", ворчат они. Да и пусть устанавливают, мне скрывать нечего, отвечала я вполне серьёзно. С одной стороны, это кажется дикостью, с другой, я, наверное, готова была бы с этим примириться, если это навсегда лишит некоторых людей в нашем разномастном обществе возможности творить ужасные вещи. Другой вопрос, поможет ли это на самом деле? Ведь всем известно, что на любой замок найдётся своя отмычка... Но жаль, что «Элису» не установили в городском парке пару дней назад. Тогда было бы понятно, что же там произошло на самом деле с той парой...

Аплодисменты. Громко и чётко.

У меня за спиной внезапно раздался этот совершенно неуместный звук.

Аплодисменты. Я остановилась как вкопанная. Надо было бы оглянуться, но я не могла. Через пару секунд я не помня себя мчалась по направлению к запасному выходу, указатель к которому по счастливой случайности промелькнул перед глазами. Добежав до двери, я с силой толкнула её плечом и оказалась на улице.

В лицо ударил холодный осенний ветер, словно сдув животный испуг. Мне стало стыдно, что я такая трусиха, но всё же обошла здание и вошла вновь через центральный вход. Торговый центр потихоньку просыпался. Сонные продавцы уже натягивали на уставшие лица рабочие улыбки. Прибывали первые покупатели. И чего я так испугалась? Наверня-

ка это был один из кружка предпринимателей, может, даже сам оратор оценил мою шутку. Ну да ладно.

Я зашла в продуктовый, купила кофе с ореховым вкусом в баночке и вышла на улицу. Вот уже автобусы ездили всюду, и люди в стильных осенних пальто спешили куда-то. На город неотвратимо наваливался рабочий день. Я села на скамейку возле дерева и принялась неторопливо потягивать кофе, наблюдая растущий поминутно людской муравейник. И тут зазвонил телефон.

– Ты опять утро с вечером спутала? – раздался на другом конце провода весёлый голос Тины.

– Нет, просто те часы, что ты подарила, остановились, – зевая, ответила я.

– Насколько я помню те часы были декоративные... и песочные.

Мы посмеялись, и я отправилась к ней. Они с мужем жили на двадцать пятом этаже высотки, расположившейся на другом конце Звёздного парка.

В квартире, как всегда, было чисто и уютно, и её громадный пушистый кот-альбинос почему-то снова шарахался от меня. Тина, конечно же, как всегда говорит, что я – псих и он это чувствует, но на этот раз я их обоих перехитрю. Я достала из сумки пакет витаминки для котиков этой породы и предложила ему одну, присев на корточки. Зевс презрительно фыркнул и повернулся ко мне хвостом. Я начала тихо рычать. Тина молча взяла витаминку у меня из рук. Зевс тут же

заинтересованно мяукнул, подошёл к Тине и радостно слизнул лакомство с её руки. Тина победно взглянула на меня. Я гордо поднялась и молча проследовала на кухню, словно этот маленький эпизод не стоит даже моего внимания.

... – То есть ты хочешь сказать, что вас реально могут уволить из-за этого? Они что там – совсем уже того...?!

Меня немного развезло от Тининового грога, хотя я уже полгода не пила спиртного. «Качественную» же отраву же привезла из-за границы подруга, ничего не скажешь. А по пьяни я становилась агрессивна. Поэтому и решила полгода назад завязать совсем. А сегодня... к чёрту, у меня праздник.

– Тихо, остынь. У каждого же есть право на самовыражение.

– А как насчёт права... не пользоваться этим пресловутым "правом на самовыражение"? Мне вот, например, оно не надо. Почему же я должна засорять память своего смартфона лишними приложениями и светиться в интернете понапрасну?

– Да ладно тебе, ты перегибаешь, Дея. Не занимает оно много места. А по поводу твоего уникального и неповторимого лица... думаю, его никто не украдёт и не станет использовать... например, в грязных рекламных целях. Уж будь уверена, авторское право на твоё лицо останется при тебе.

Смеётся надо мной, зараза. Ну ничего. Сейчас я ей задам. Я набрала в лёгкие побольше воздуха:

– Тина, дело тут вовсе не в завышенном или заниженном

самоуверенности, уж не знаю, над чем именно ты смеёшься... И не в том, что я якобы боюсь чужих оценок. А в том, что я против самой идеи этих оценок! И я против того, чтобы это стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Пусть в эти игры играют те, кто этого хочет. Но заставлять человека заводить аккаунт под угрозой увольнения? Вот уж и вправду, увольте.

– Но ведь ты не сильно возражаешь против биометрического паспорта. Просто ты была совсем маленькая, когда их вводили. Привыкла. А это для тебя в новинку. Тобою движут не высокие моральные принципы, далеко не они. Тебе просто трудно воспринимать новое, инстинкты подсказывают тебе, что неизведанное таит в себе потенциальную опасность.

Я была потрясена до глубины души вопиющей несправедливостью речи моей подруги. Я даже не смогла выдать из себя ни одного слова, потому мне пришлось схватить подушку и бросить её в Тину, этим действием выразив протест против ущемления гражданских свобод. В ответ Тина кинула в меня другую подушку, хотя её права и свободы никто не ущемлял и под сомнения не ставил.

– Так, выгони отсюда эту бешеную алкоголичку! – раздался из прихожей мужской голос. Оскорблённая в очередной раз, я побежала с подушкой в прихожую восстанавливать справедливость. Но муж Тины успел спрятаться от меня в туалете. Я начала лупить подушкой дверь, но результатов

это не принесло никаких, если не считать хихиканья Лео из-за двери. Мне пришлось вернуться в комнату и слушать хихиканье Тины. В итоге мы обе, взъерошенные и вспотевшие, усадились по разным сторонам дивана и продолжали спорить.

Я пыталась донести до Тины, что люди стали слишком зависимы от своего виртуального «я», образ которого, кстати, почти никогда не отражает действительности. Обработанные неведомым количеством фильтров фотографии, фальшивые интересы, фальшивые места работы и отдыха и так далее. А даже если информация правдива, плохо уже то, что они ни дня не могут прожить, не заходя на свои странички в соцсетях и не считая количество оценок. Люди просто наградили себя очередной зависимостью.

– Ну а что в этом такого плохого? – не сдавалась Тина, – Кто от этого страдает?

Ну вот она. Одна из этих стандартных фраз. Люди часто пользуются подобными защитными шаблонами.

– То есть, по-твоему, плохо лишь то, что приносит очевидный видимый вред? Во-первых, думаю, ты согласишься, что отсутствие прогресса почти всегда ведёт к регрессу. Например, взгляни на этих молодых красавиц и красавцев. Через десяток-другой лет от их красоты мало что останется. Что же будет радовать их, когда кривая положительных оценок и поклонников начнёт стремиться к нулю? Когда привыкаешь, что все тебя любят (а может и платят) за красивое тело, остаётся мало мотивации развивать в себе ум и характер.

– Ну да, может, и так. Но тебе-то откуда знать про красивое тело?

Мы снова начали драться. Пришел Лео и начал пытаться разнять нас, в него полетели две подушки и он укрылся от женского гнева на кухне. Когда наш запал окончательно потух и мы обе легли на диван, Лео осторожно прокрался в комнату и сел на краешек стула.

Вот так всегда с Тиной и Лео Саламандер – сколько бы лет нам ни было, когда мы вместе – мы всегда как подростки. Шумные, весёлые, беззаботные. Я могу с уверенностью сказать – у меня есть семья. Не представляю, зачем желать большего. Тина – начальник одного из многочисленных отделов разработки программного обеспечения в компании КиберСвет. Лео, её муж – владелец крупного магазина детских игрушек в нашем городе.

Тина сказала, что в этих самых соцсетях написано, что сегодня открывается большая ярмарка в Звёздном парке. Он спроектирован в виде десятиконечной звезды. Правда, заметно это только с высоты. Ну, с двадцать пятого этажа резиденции Саламандер вид был что надо. Отправиться туда мы и решили.

Тина сказала, что сперва ей нужно переодеться. Ну конечно же. В любое время года Тина не может покинуть квартиры без очков и пиджака. А Лео напялил первый попавшийся спортивный костюм. Я сказала ему, что он выглядит как работяга с завода.

– А что ты имеешь против работяг? – гордо задрав нос и поправляя воображаемый галстук, спросил Лео.

– Много чего, ведь её-то с работы попёрли! – отозвался из ванной комнаты весёлый голос Тины.

– Не попёрли, а я сама ушла! – от обиды взвизгнула я и понеслась колотить дверь ванной кулаками. Но стоило мне замахнуться, дверь открылась и я чуть не ударила Тину.

– Так, давай к нам устраивайся, – деловито говорила Тина, поправляя новенький стильный женский галстук, – Я тебя же в прошлом году ещё звала.

– Спасибо, – вздыхала я, – Я правда ценю это предложение, но ты же знаешь, я мало смыслю в этой работе.

– Ничего, научишься, на месте мотивации больше будет, – подбадривала Тина, – Кстати, как же твой сосед, Иллаби? Он же очень талантливый программист. Он говорил, что поможет тебе без проблем, ну, если ты сама будешь учиться, конечно.

– Когда ты с ним уже это обсудить успела? – проворчала я.

– Я ему на днях позвонила и сказала, что ты сбежала-таки со своей работы. Он сказал, что готов взяться за тебя, если ты решишься к нам присоединиться и будешь стараться.

Ага, значит, они уже всё за моей спиной обсудили. А Шио не счёл нужным поставить меня в известность, гад. Я опустила голову, угрюмо покосившись на небольшой прикроватный столик. Там всё ещё лежали шахматы. В прошлый раз я не смогла обыграть Лео. Как и в позапрошлый. Как и...

ладно.

– Пошли уже, что ли, проветриться надо, и давай о работе не сегодня.

Мы вышли наконец на улицу.

– Кстати передай Иллаби, что завтра совещание и явка обязательна для всех сотрудников, – начальственным тоном говорила Тина, пока мы прогулочным шагом приближались к ярмарке.

– Передам, только толку-то. Не придёт он. Он считает, что эти ваши совещания – пустая трата времени. И тут с ним спорить трудно.

– Пустая, не пустая, об этом не ему судить. Я в курсе, что он хороший специалист и ценный сотрудник, один из лучших программистов страны, может даже мира, раз на то пошло, но правила писаны для всех.

– Слушай, я тебе что, связной? У вас же есть супер-удобный способ общения, – язвительно отбивалась я, – Пиши ему в соцсетях. Хотя он вряд ли удостоит тебя вниманием. Ты вообще в другом отделе начальник.

– Я в курсе, но его начальник с ним справиться тоже не может, – угрюмо отвечала Тина.

– Ну а я-то что? Вы думаете, раз я с ним живу, я к нему ближе? У моего соседа вообще понятие «близость», похоже, отсутствует.

А ярмарочный балаган, несмотря на будний день, был в самом разгаре. И похоже, основной тематикой на сегодня

был грядущий праздник Хэллоуин. Костюмы, маски, парики, сувениры и штучки для розыгрышей. Несчастные матери с трудом оттаскивали от лавок капризничающих детей, наверное, уже жалея, что вообще пришли сюда.

Лео сказал, что хочет купить племяннику костюм какого-то супергероя, так что мы не спеша гуляли вдоль лавок в поисках необходимого. И тут я заприметила интересную лавку. Высокий стенд, заполненный различными масками, казалось, всех времен и культур. Я купила себе простую белую маску с дырочками для глаз, но без отверстия для рта, маску чумного доктора и маску кицуне. Тина сказала, что мы всё равно вряд ли соберемся праздновать Хэллоуин, потому что она уезжает в командировку, а Стэйша с мужем и дочкой скорее всего поедут к её родителям. Но мне просто захотелось их купить, потратить деньги на ненужную вещь, чтобы забыть о ней через пару дней. Знаю, это очень нездоровое занятие, может перерасти в зависимость, но я так давно этого не делала. Меня особенно очаровала та простая маска. Не выражающая и не значащая ничего, она, казалось, должна принадлежать зловещему, молчаливому и беспощадному персонажу. Поэтому я тут же её нацепила. Тина, смеясь, развязала держащие маску на затылке верёвочки и сказала, что я сейчас распугаю всех детей и меня выгонят. Я соорудила кислую мину, но убрала маску в пакет к остальным. А Лео добавил, что и без маски шансов распугать детей у меня не меньше. Я погналась за ним. Он мчался в сторону центра Звёздного

парка. Мне было за ним, конечно, не угнаться, но размяться в холодный осенний день и прочистить лёгкие свежим воздухом было приятно.

Надо отметить, что Звёздный парк довольно интересное место. Во-первых, он огромный, чтобы пересечь, понадобится не меньше часа. Во-вторых, в конце каждого из десяти «хвостиков» звезды располагается памятник Цифре. В древности написание используемых ныне арабских цифр имело смысл: каждая цифра значила число, равное количеству углов в символе. Например «0» – ноль углов, «1» – один угол и так далее. А десять цифр потому, что десять пальцев на двух руках, ведь именно по пальцам наши предки и считали до письменности. Написание цифр сейчас «сгладилось» и перестало отображать суть десятичной системы счисления. Но нынешний мэр нашего города некогда отучился на историка, так что он решил обустроить этот парк как дань уважения древним. В центре устроились громадные Солнечные часы, а в десяти концах звезды – каждая из десяти древних арабских цифр, изготовленных из синего мрамора. Звёзды, время и числа. У каждой цивилизации особое отношение к этой троице.

Добежав до центра парка, я потеряла Лео из виду. И Тину тоже. У Солнечных часов торговых лавок было мало, но даже в обычные дни тут всегда полно туристов, так что Лео удалось скрыться в толпе. Бешено крутя по сторонам головой, я пыталась отыскать в толпе синюю куртку Лео и тут взгляд

упал на Солнечные часы. Возле стрелки кто-то стоял. Кто-то в длинном чёрном пальто с капюшоном, скрывающим лицо так, что были видны только губы. Он что-то говорил. Я подошла ближе.

– ...наши лица не наши. Они упадут. В разгар праздника лжи нам откроется истина. Маски должны быть сорваны, тогда натура откроется. Мы слишком долго прятались от самих себя. Мы должны обнажиться. У нас нет никакого права препятствовать ветвящимся корням перевёрнутого дерева жизни. Выбор гибельного пути – это не есть реализация права выбора.

Он повторял эту околорелигиозную бессмыслицу как заведённый, с одной и той же ничего не выражающей интонацией. При этом странный фанатик практически не двигался, только губы едва шевелились, хотя говорил он довольно громко и отчётливо. Он был похож на говорящий манекен. Особенно странно было то, что на него, казалось, никто не обращал никакого внимания. Может, он всех напугал? Или наоборот, такие, как он, тут – обычное дело? Что-то не припомню, чтобы хоть раз сталкивалась с ему подобными...

Я стояла, словно парализованная, слушала эту чушь, пыталась осмыслить происходящее. Наше сознание устроено таким образом, что мы способны воспринимать какое-либо событие или явление только если оно укладывается в нашу систему восприятия мира. Мы всегда должны как-то назвать и охарактеризовать явление, иначе оно либо пугает нас до

чёртиков, либо вообще игнорируется восприятием. Казалось бы, ничего такого уж невероятного в этом типе нет, может, в психбольнице сегодня день открытых дверей, не знаю, да мало ли, но что-то в нём вызывало очень необычные чувства. Даже не страх. Он словно не вписывался в картину мира, был не просто безумцем-фанатиком, казался лишним, неестественным. Всё в нём было неправильно.

– ...корни перевернутого дерева жизни пытаются прорасти сквозь нас, но мы мешаем этому. Броня маски тела и его слуг-инстинктов – это обман. Она не защищает нас. Она должна быть сброшена. Да услышат себя!..

– Дея! – раздался откуда-то голос Тины. Я, словно включившись, повернула голову. Тина и Лео махали руками и подзывали меня к себе.

– Иду! – закричала в ответ я, повернувшись обратно к огромной мраморной стрелке Солнечных часов. Проповедника там, разумеется, уже не было. Прохожие всё так же спешили по своим делам, весело переговариваясь и заглядывая в лавки.

* * *

– Перевернутое дерево жизни, – задумчиво повторил Шио, – Нет, я о таком термине не слышал. Тебе стоит поискать информацию в сети.

– Благодарю за особо ценный совет, – проворчала я в от-

вет, – Я бы в жизни не догадалась. Не-а, на этот вопрос у интернета нет ответа. Или он очень хорошо спрятан. А может, мне это вообще померещилось? Всё-таки я вчера немного это... того...

– Может быть, – согласился Шио, – Но вряд ли. Ты же всё-таки пока не алкоголик в стадии белой горячки. Не так уж много ты пьёшь, к тому же раньше такого с тобой не происходило.

– А что значит "<<пока >>не алкоголик в стадии белой горячки"? – возмущённо спросила я.

– А Тина и Лео его не видели? – спросил Шио, игнорируя мой вопрос.

– Нет, их рядом не было. Так что буду, пожалуй, мучиться вопросом "а не схожу ли я с ума" дальше. Ещё странно, кстати, что кроме меня на него, кажется, никто внимания не обращал.

– "Кажется"?

Я призадумалась. Ну да, я особо за прохожими не смотрела, взгляд был прикован к типу в чёрном. Может, и была у него помимо меня парочка слушателей... Я немного успокоилась.

– Это обман, Дея. Твоё сознание маскирует плохо обработанную информацию под иллюзию, чтобы защитить самое себя. Но эта броня – обман. Она может помешать расширению границ твоего восприятия.

– Ты нарочно повторяешь его слова?! – вспыхнула я, вска-

кивая со стула.

– Тебе бы лучше задуматься о значении его слов, нежели о нём самом. Источник не так важен, как информация.

– Источник важен, потому что показывает, можно ли верить этой информации, – возразила я.

– На самом деле... это не так.

Шио встал, похлопал меня по плечу и покинул кухню.

– Тина просила напомнить, что завтра у вас собрание! – крикнула я ему вслед. В ответ раздалось ожидаемое молчание. С мыслями о его словах о неважности источника информации, я легла спать. Мне приснился Шио, сидящий в Звёздном парке за своим компьютером, который там стоял вместо Солнечных часов, на лице его была белая маска. Я проснулась, потому что вспомнила, что не принесла домой купленные маски. Стало обидно, хотя скорее всего я сама бы их и выкинула через пару недель. За окном едва забрезжил рассвет, и я решила выпить кофе и отправиться на поиски потерянной покупки. За шумом кофеварки я не услышала, как на кухню проскользнул Шио с ноутбуком в руках и уселся за кухонный столик. Он снова был в своём смешном красном костюме, так не шедшем его серьёзному характеру.

– У тебя нет пижамы получше, что ли? – небрежно бросила я. Сосед мой делал вид, что не слышит меня, уткнувшись носом в ноутбук.

– Сделай мне тоже, пожалуйста, – заметив, что я вожусь с кофе-машиной, сказал он. Я поставила ему самую малень-

кую чашечку и начала болтать без умолку. Шио беспощадно клацал по клавишам. Я знала, что он меня не слушает, но мне было всё равно, было хорошее настроение, и оно так и рвалось наружу.

... – а потом Тина опять сказала что-то ехидное про мою личную жизнь, вернее, её отсутствие. Я возразила, что у меня вообще-то есть муж и зовут его Шио Иллаби, если она вдруг забыла. Тина сказала, что под мужем обычно имеется в виду человек, а не робот. Я сказала, что это оскорбительно и я обязательно наябедничаю мужу, на что Тина ответила что он, как высокоинтеллектуальное существо, проигнорирует любые мои слова, к тому же с моей стороны нехорошо по отношению к роботам считать это слово оскорбительным. Затем мы опять начали драться, а потом почему-то пришел Лео и очень серьёзно заявил, что они, мол, с Тиной озабочены моим «холостяцким» положением и всерьёз беспокоятся, что я останусь одна. Ведь всё-таки человек существо социальное, и это сейчас, мол, тебе хватает друзей и соседа, а потом может быть просто поздно. Ведь никому будет не нужна старая...

– И ты согласна? – подал голос робот из-за другого конца стола, не прекращавший тарашиться в экран ноутбука и беспощадно стучать по клавиатуре. Я на миг онемела, удивившись, что он меня слушает.

– Что я старая дева? Ну-у... – я задумалась.

– Нет. Что человек – существо социальное.

Этот парень не перестаёт меня удивлять.

– Разумеется. А ты, судя по всему, нет.

Шио резко закрыл ноутбук и посмотрел мне в глаза. Меня передёрнуло. В такие моменты чувствую себя школьницей в кабинете директора.

– Позволь спросить, с чего ты взяла, что человек – существо социальное?

Я выпрямила осанку и с готовностью ответила:

– Потому что человек живёт в «стае» среди себе подобных, он нуждается в соплеменниках, не может без них выжить, а даже если некоторые и могут, они всё равно нуждаются в контакте с себе подобными, ради общения и/или размножения.

– Во все времена существовали отшельники – как быть с ними?

Я пожала плечами.

– Исключение подтверждает правило.

– А это ещё почему?

Я закатила глаза и плюхнулась на стол.

– Директор Иллаби, ну я больше не буду, честное слово, отпустите меня домой, ну пожалуйста.

Директор продолжал сверлить меня своим стальным взглядом. Я вздохнула и снова выпрямила спину.

– У практически любого правила есть исключения, и принято считать, что эти исключения подтверждают правило, потому что помимо них, правило работает в 100 % случаев.

– Тогда ответь, всегда ли нельзя делить на ноль? Всегда ли дважды два четыре?

Я призадумалась, и ожидая подвоха, ответила:

– Не знаю, вы мне два по математике в прошлом году поставили.

– Всегда. У математических правил нет исключений. И потому они – правила. Всё остальное не следует называть словом, имеющим общий корень со словом «правда». Как ты можешь быть уверена в правиле, в котором есть исключения? Ты уверена, что все эти исключения найдены и обозначены? Если правило допускает наличие исключений, от него нужно отказаться, или как минимум, перестать называть правилом и начать называть скорее "большой вероятностью". Логично?

– Ну... да, наверное.

– То же самое и с утверждением "человек – существо социальное". Во-первых, история уже знает немало примеров (а о многих случаях, я уверен, просто НЕ знает) успешного отшельничества. А это значит, далеко не все нуждаются в общении. В некоторых культурах отшельничество воспринимается как признак развития личности. Думаю, все прекрасно знают в глубине души, что это так и есть.

Мы помолчали. Вдруг Шио потянулся ко мне через стол и сказал очень вкрадчиво:

– К тому же, Дея, все в глубине души понимают, что люди <<не должны >>жить вместе. Это вынужденная мера. По-

этому и говорят "человек человеку – волк". Волки сбиваются в стаи зимой, чтобы выжить. Но у них, как и у нас, далеко не идеальное сосуществование. Конфликты. Иерархия. Это не норма. Единственные действительно социальные живые существа на Земле – это насекомые, например, муравьи. У них нет войн, конфликтов, нарушений структуры общества. А когда наступает весна, стаи волков распадаются. Наша весна уже пустила корни.

– Ну-у... Да, в твоих рассуждениях есть смысл. Но, думаю, если когда-нибудь люди начнут жить самостоятельно, полностью независимо друг от друга, то это будет очень нескоро. Но да, в принципе, независимость логически должна быть следующей стадией нашего развития.

Может мне показалось, но, по-моему, на долю секунды Шио улыбнулся и сказал:

– Ты удивишься, каким стремительным может быть прогресс.

– Ну, дай Бог, – улыбнулась я в ответ, – Но допустим, люди научились кормить и согревать себя без помощи друг друга, тогда как быть с потребностью в общении?

– Эта потребность – не такая уж и потребность. Тут всё дело во внутреннем диалоге, который, при правильном развитии личности, не будет нуждаться в регулярном диалоге внешнем. Единственная настоящая проблема в этом вопросе – это то, что человек не становится человеком, если вырастает не среди людей. Но это также поправимо. Впрочем, мне

нужно вернуться к работе, я тебе в другой раз объясню, – ответил он и снова переключил внимание на свой ноутбук.

– А почему тогда вы, директор Иллаби, с людьми разговариваете? – вкрадчиво спросила я.

На секунду подняв глаза, Шио удостоил меня коротким ответом:

– Когда тебе светят звёзды, ты не воображаешь, будто это нужно им.

Я не стала (пока) продолжать докапываться этого невероятно самовлюблённого типа, в конце концов у меня было очень важное дело. Я оделась, схватила плеер и вышла на улицу.

...и снова мой любимый парк, в любимое время года, в наушниках любимая (на данный момент) музыка. Прохожих почти нет, только парочка молодых людей на утренней пробежке. Глядя на них, мне тоже захотелось пробежаться. Как знать, может, однажды я смогу даже догнать Лео... Я нашла в плеере трек из сцены погони из какого-то боевика и, что есть мочи, помчалась сквозь утреннюю прохладу. Выжав из себя все силы, я остановилась передохнуть. Пытаясь отдышаться, я наклонилась и тут ветер принес к моим ногам очень красивый кленовый лист. Он был оранжевый с красными пятнами, как будто обрызганный кровью. Я достала телефон и сфотографировала его на фоне других листьев. Затем подняла, чтобы рассмотреть поближе и, может быть, оставить себе. И... как ни крути, но, похоже, он и вправду был весь в

крови. У меня задрожали руки, но я сжала лист в кулаке и стала оглядываться по сторонам. Между деревьями в глубине парка виднелись жёлтые полицейские ленты. Я направилась туда, чувствуя, что сердце колотится не только из-за того, что я бежала. Помню, как-то давно мы с Тиной говорили о том, из-за чего иногда любопытство пересиливает страх. Тина считала, что любопытство сильнее в моменты отсутствия прямой угрозы и наличия косвенной, и этот механизм помогает любому зверю изучить источник угрозы и передать эту информацию следующему поколению. Никакому следующему поколению я ничего передавать не собиралась, но тем не менее, любопытство действительно порою сильно завладевало мной именно в моменты возможной опасности. Очевидно, у любого зверя есть инстинкт, заставляющий его всё время искать новую информацию. Домашняя кошка сойдёт с ума, если лишить её возможности делать ежедневный обход квартиры и обновлять свою информационную базу, мало ли в соседней комнате появилась новая кошка. Шио сойдёт с ума, если ему отключить интернет, мало ли в соседней корпорации появилась новая нейросеть. Впрочем, раньше Шио с ума сойду я. Не помню, когда в последнее время я хотя бы день обходилась без всемирной паутины.

Сильный порыв ветра вырвал из рук окровавленный лист и унёс его прочь. Жёлтые ленты, натянутые между деревьями, задрожали, словно от страха. Я подошла к ним вплотную. Кажется, эти ленты просто забыли снять. Они ограж-

дали пустую поляну, засыпанную листьями клёна. Но никаких сомнений: это и есть то место, где недавно произошло двойное убийство. Или самоубийство? Но мне было трудно представить, что имело место второе. Уж скорее кто-то хотел, чтобы так выглядело. И тут порывы ветра внезапно прекратились, и я услышала тихий плач. Кажется, он доносился из-за клёна, на котором болтались беспощадно оборванные жёлтые ленты.

Прислонившись к клёну, сидя на корточках, там плакала девушка. Её прерывающиеся рыдания разрывали мне сердце. Я сразу поняла, что я тут лишняя, и только я повернулась, чтобы удалиться, как она заговорила:

– Вы понимаете, что это чушь собачья? Самоубийство? Они любили друг друга. Они были успешны и счастливы. У них не было и одной причины убивать себя. Ни у Клэр, ни у Адама. Почему они меня не слушают?! Мои слова – это не показания?! Ублюдкам лишь бы дело закрыть, зачем им очередной глухарь, да?!

Она вдруг вскочила и набросилась на меня. Она схватила меня за воротник куртки и прижала к дереву.

– Что, если... я убью тебя здесь и сейчас, а? У меня нет ни одной причины убивать тебя, я тебя даже не знаю. Это будет нелогично. Они тоже скажут, что ты сама себя убила, а? Будь у меня с собой ружьё, клянусь, я бы разнесла твою чёртову черепашку здесь и сейчас. Они нашли бы тебя в этом самом месте. Снова самоубийство, кто бы мог подумать!

Она отпустила меня и начала истерически хохотать.

– Ну что за проклятая поляна, а? Кто бы сюда ни заявился, его так и тянет покинуть этот бранный мир. Особая энергетика, может быть, что скажешь? Надо заглянуть в полицейский отчёт, не удивлюсь, если там так и написано. Погоди-ка... кажется... на меня тоже что-то такое нахлынуло...

Она упала на колени и схватилась за голову. Когда она на меня набросилась, я словно оцепенела. Даже сопротивляться не могла. Но сейчас я словно включилась и бросилась наутёк. Вернувшись на дорожку, я достала телефон и набрала службу спасения. Объяснив им, что тут на месте недавнего двойного убийства находится девушка, видимо, родственница одного из погибших, и у неё явно психоз или что-то вроде того, я покинула центр парка и продолжила путь по тротуару вдоль забора. Надо было, наверное, остаться и проследить, хоть бы издалека, чтобы она не сделала чего с собой, но если честно, я была напугана до смерти. С другой стороны, что я смогла бы сделать? В таком состоянии порой в людях просыпается невероятная сила, даже в самых маленьких и хрупких девушках. Так что я, наверное, даже помогла ей, сбежав, кто знает, что она могла сделать и о чём пожалеть потом...? Всё это было логично и, наверное, правильно, но меня, тем не менее, не отпускала мысль, что это я так себя оправдываю и успокаиваю.

Но что это я всё о себе да о себе? Между прочим, я только что коснулась ужасной трагедии, по сравнению с которой

мои проблемы стыдно называть таковыми. Если эта девушка сказала правду, значит, дорогих ей людей и вправду убили, обыграли всё как двойное самоубийство, и убийцу никто никогда не поймает, потому что искать не будут. Она упомянула, что они были успешны и счастливы, а звали их... кажется, Клэр и Адам? Так и тянуло поискать информацию в сети прямо сейчас, но больно уж не хотелось мне оставаться в этом парке. Я практически бегом добралась до ближайшего торгового центра, который располагался как раз у Звёздного парка, юркнула внутрь, взяла кофе в автомате и расположилась на диванчике рядом с автоматом по продаже сладостей. Навевает воспоминания... Я огляделась. Как раз рядом был канцелярский магазин. Я купила там маркер с красной масляной несмываемой краской и вернулась к автомату. Осмотревшись в поисках камер и ни одной не обнаружив, я всё же накинула зачем-то капюшон, и написала на стекле автомата «ПРОШУ ДОБАВИТЬ В АССОРТИМЕНТ ИНСУЛИН КОРОТКОГО ДЕЙСТВИЯ», и подпись – «ДИАБЕТИК СО СТАЖЕМ» и после в спешке удалилась, довольная мелкой шалостью. Снова оказавшись на улице, я поняла, что оставила там свой кофе. Было жалко, но возвращаться было рискованно, так что я быстрым шагом перешла улицу и оказалась в Звёздном парке, держа путь к его центру, Солнечным часам.

...мне вдруг вспомнилось, что Шио рассказывал, что центровая идея антуража этого парка – завершённость. Число десять является символом законченности, говорил он. Де-

сять цифр – основа десятичной системы счисления, которая берёт своё начало от счёта с помощью пальцев рук, коих десять. Также десять месяцев в году в древности. А в центре – Солнечные часы, которые тоже являются символом законченного цикла суток, а также конечности нашей жизни. Но времени не существует как физической величины, говорил он. Мы придумали её для удобства, и она существует лишь для нас... Не уверена, что с этим согласились бы физики. Впрочем, откуда мне знать?..

Поскольку всё ещё было раннее утро буднего дня, людей в парке встретилось очень мало. А в центре совсем никого, если можно так выразиться. Возле памятника снова стоял тот странный фанатик в чёрном одеянии. Он снова читал свою странную проповедь. Словно он тут со вчерашнего дня. Кто знает, может, так и было. Встреча с этим субъектом меня не удивила, но я всё же была поражена: мой пакетик со вчерашней покупкой был заботливо повешен кем-то на Солнечные часы. Я сняла его. Всё на месте. Мысленно поблагодарив сердобольного прохожего, я принялась разглядывать фанатика. Явно мужского пола. Судя по голосу, средних лет. Среднего телосложения. Лицо скрыто капюшонном почти полностью, виднелась лишь часть подбородка. Я могла бы подойти ближе и попытаться заглянуть под капюшон, но рисковать не хотелось – мало ли чего от него можно ожидать. Мне сегодня и так досталось. И тут мне пришла в голову очевидная идея. Я достала телефон и включила ка-

меру. Запишу видео, выложу в сеть, весело подумала я. Может, кто-то из зрителей прояснит, кто он вообще такой. Вот просмотрев-то будет, промелькнула тщеславная мысль, которую я тут же суеверно отогнала. Записав на видео минут десять его речи, которая, кажется, стала повторяться как испорченная пластинка, я развернулась и покинула Звёздный парк чуть ли не бегом.

Глава 2

– Обещаю, что не буду видеть лиц. Индексы совпадут. За-мкнутость обнаружит себя...

Я почувствовала, что если услышу это ещё хоть раз, то сама сойду с ума. Поэтому я встала и чуть ли не бегом покинула кухню. А Шио очень внимательно пересматривал моё видео, раз за разом. Похоже, он сильно заинтересовался речью безумного проповедника.

Я включила ноутбук. Сейчас меня гораздо более интересует другое безумие. Меня до сих пор немного трясло от произошедшего утром. Трясло от страха и любопытства. Что там говорила эта несчастная девушка? Я закрыла глаза и принялась вспоминать. Давно заметила, что доступ к воспоминаниям получить легче, если сначала вспомнить те чувства, которые вызвал человек или событие... Ах да. Клэр и Адам. Успешные супруги. Которые "просто не могли" покончить с собой. С чего она это взяла? Разве такое не происходит неожиданно почти всегда? Может, у них были серьёзные проблемы, о которых она ничего не знала. Или просто не интересовалась ими. Серьёзно, много кому из нас есть дело до чужих проблем и переживаний? Вот только зачем потом делать вид, что ты знала человека и перекладывать вину на полицию? Чтобы избавиться от чувства вины за своё равнодушие к близким? Меня взяла злость. Я с силой кликнула

мышкой на первую попавшуюся ссылку.

"Владельцы крупнейшей фотостудии «Глория» Клэр и Адам Скедни совершили двойное самоубийство в Центральном парке в ночь с первого на второе октября... года. Сестра Клэр Скедни, Рэйчел Ламберт подала в суд..."

Дочитав статью до конца, я изумленно выпучила глаза. Последней строчкой было:

"...на данный момент известно, что Рэйчел Ламберт находится в психиатрической клинике на обследовании. Не известно, повлияет ли данное обстоятельство на ход судебного процесса."

Я была поражена до глубины души. Как эти журналисты успевают так быстро получать подобную информацию? Это же произошло пару часов назад. И вокруг никого не было... разве что...

Я так резко вскочила со своего стула на колёсиках, что он отлетел в дверь. Я помчалась на кухню, налетев на него.

– Шио! Шио! Скажи мне, а те роботы-светлячки в парке случайно не оснащены ли камерами?!

Я так увлеклась, что не заметила, что мой сосед в наушниках. И кроме того, уже в своей комнате. Я помчалась туда.

– Верно, – ответил Шио, снимая наушники, – собственно говоря, наблюдение – их главная задача. А тебе кто об этом сказал?

– Н-никто, – смущенно ответила я, – Просто понимаешь,

утром в парке...

Мне пришлось рассказать ему эту историю. Я не хотела ни с кем этим пока делиться. Наверное, я стыдилась того, что испугалась и сбежала. Но Шио не стал осуждать меня за трусость. Вместо этого он сказал:

– Большое спасибо, Дея, это очень ценные сведения. Я немедленно займусь этим. Думаю, нам удастся найти взломщиков.

Ага, а когда мы в тот день встретились и я впервые увидела светлячков, он сказал, что пришёл посмотреть на осень. Как же. Ну, так или иначе, путь мой снова лежит в резиденцию Саламандер. По дороге я решила сделать небольшой крюк. Я повернула в сторону могучей реки Гутты, вокруг которой однажды вырос и продолжает расти уже несколько сотен лет наш город. Насколько я помню, несколько тысяч лет назад в лесах около реки жило древнее племя, и оно, мол, однажды обнаружило что-то очень ценное, что сильно изменило жизнь племени и всего человечества. Но я не помню, что же именно они такое нашли. Так или иначе, историки говорят, что с того момента и начинается история нашего славного и богатого города, слава которого была велика до нас, и будет более велика после нас... и так далее.

Я неспешно прогуливалась по широкой набережной, выложенной гранитом, и в небывалой утренней тишине, на удивление ставшей привычной в последние дни, был слышен лишь далёкий шум поездов.

Несмотря на холод, по реке всё ещё плавали прогулочные экскурсионные яхты, на палубах которых красовались самодовольные туристы, вооружённые до зубов кто смартфонами, кто профессиональными навороченными фотоаппаратами. Не понимаю, для чего вообще посещать другой город или страну, если всё равно собираешься тарашиться преимущественно в экран смартфона. Ледяную прозрачную гладь Гутты пересекали не только судна, гостили у нас ещё одни постоянные туристы – перелётные гуси. Когда я увидела издали их красноватые головы, как всегда бывает, я тут же спохватилась, что мне нечем их угостить. Снова забыла, хотя в прошлый раз, и в позапрошлый, обещала себе, что обязательно возьму хоть что-нибудь. А обещания, даже данные себе, надо выполнять. Хоть иногда. А может, особенно данные себе. Начнёшь прощать себе всё подряд – не заметишь, как со временем опустишься до того, кого презираешь. Потому тем утром я резко повернулась и чуть ли не бегом понеслась в сторону ближайшего продуктового магазина, что разместился на другой стороне близ Овального моста. Овальным его, собственно, прозвали в народе за непомерно выпуклую форму. Понятно, что такая форма предполагает удобство для кораблей, но в итоге мост всё равно оказался разводным, как все остальные мосты в городе. Ровные, кстати. А этот даже переделывать не стали, наверное, потому, что он стал у нас достопримечательностью. Я не раз видела в сети фотографии людей на его фоне, даже знаменитостей из

других стран. Вот возле этого самого моста и открыли продуктовый магазин и назвали его «Овалус». Глупое название, если спросить меня, но дело в том, что спрашивать в то утро было некому. Набережная была совершенно безлюдна, словно на дворе не октябрь, а первое января.

В этом отличающемся "оригинальным дизайном" магазине я с трудом отыскала батон белого хлеба, потому что расположение товаров на одном-единственном стеллаже, тянущемся вдоль всего зала, постоянно менялось. Надо полагать, тонкий маркетинговый ход, призванный заставить покупателя обращать внимание на большее количество товаров. Ничего личного. Только бизнес. Я быстро вышла из магазина и отправилась обратно на ту сторону по Овальному мосту. На его самой высокой точке я остановилась и начала кидать размятые в руках кусочки булки в воду. Гуси неторопливо подплывали. Солнце, поднявшись уже совсем высоко, адскими огнями озаряло окна домов, крыши и гусиные головы. Красота и спокойствие. Гусиные головы медленно приближались, нехотя пробуя очередную подачку от двуногого бескрылого с моста. И тут, слышу, там внизу, на стороне Овального магазина, что-то происходит. Какая-то возня и голоса кощунственно врезались в утреннюю тишину. Ну, думаю, неудивительно, начинается обычный день в центре города. Но как же я ошибалась. Обычным он не был. И вообще обычные дни для меня, как оказалось, давно позади. Ну, смотря что считать обычным, конечно же. А вни-

зу неприлично громко вещал о какой-то ерунде белобрысый паренёк, до отвращения модно одетый и прилизанный. А напротив него стоял тип с большой камерой на штативе, как в старых фильмах. Господи, думаю, закатывая глаза, ну и чудачки. Показушники. Ну кому эти дуры здоровенные сейчас нужны? Да у любого смартфона качество съёмки не хуже, если не лучше. По крайней мере я, как зритель, разницы не вижу. Муж моей подруги, Стэйши, Виктор, помню, отмахивался от меня, мол, ты всего лишь потребитель, ты не поймёшь, а вот мы-де профессионалы, нам виднее. Ну вот и снимайте друг для друга тогда, огрызалась я. Профессора. А вокруг чрезмерно жестикулирующего белобрысого уже собралась приличная толпа. Встали за спиной у оператора, смартфоны свои подаставали, кто себя на его фоне фотографирует, кто снимает просто, а оператор знай себе отмахивается от них, не лезьте, мол, в кадр только. Я тоже достала смартфон, включила видеозапись, приблизила картинку, и смотрю, да, морда знакомая. Самодовольная такая, слащавая. Если бы не одежда, не поняла бы сразу, что парень. Точно один из этих, канал у него свой, непонятной направленности, и половина молодёжи по нему с ума сходит и зелененькие отстёгивает добровольно и с завидной периодичностью. Никогда никого из них не понимала и не признавала. Зачем тогда камеру включила? Сама не знаю. Стадный инстинкт. Стэйше, думала, отправлю. Она вроде бы тоже без ума от него. А про меня говорит, что я просто пафос нагоняю. Вроде как из тол-

пы выделиться пытаюсь, выпендриваюсь. Ну, может, и так. Так уж и быть. Попробую втянуться и начну прямо сейчас. Я опустила смартфон на уровень груди и сосредоточилась на смазливой морде. Запись потом посмотрю. А что он там с таким деловым и авторитетным видом втемяшивает своему незатейливому зрителю, разобрать я не могла. Ну ничего, на видео слышно будет. Мне сам Шио смартфон выбирал. Аудиозум или как-то так. Если слышно не будет, ударю соседа по приходу домой прямо по уху. Смартфоном. А личико ничего, стоит признать. Детское такое, гладкое и милое. Я приблизила ещё картинку. И тут – нету. Вот просто так раз – и нету личика милого. Только что было, улыбалось и говорило, а через секунду – раз – пропало. И появилось на его месте одно большое кровавое месиво. А у меня почему-то в ту же секунду ужасно заболело и загорелось лицо, словно в знак солидарности. Дрожащие руки выронили смартфон, и он упал на мостовую. Руки сами принялись ощупывать горящее лицо. На них почему-то появилась кровь. На разум наплыл туман, в нём утонул весь город, и все лица пропали. Превратились в белые холодные маски с открытыми ртами, с застывшим выражением ужаса, покрытые кровью. Даже жуткие вопли были еле-еле слышны. Дальше всё тоже как в тумане. Помню, как полицейские забрали смартфон, объявив, что им нужно моё видео и что они его вернут. В больнице, когда что-то делали с моим лицом, всё спрашивали, кому позвонить. А я молчала. Кому звонить, зачем, не мог-

ла я понять. Я застряла там, на мосту, среди окровавленных лиц. Всё хотелось на стоп нажать, перемотать, чтобы посмотреть ещё раз, понять, как это, было лицо – и нету. И моё лицо в огне, пылает эхом отдалённых воплей людей, которых в один момент выдернули из привычного спокойного мира и погрузили во мглу трагедии. Видимо, перестав надеяться на вменяемость, меня уложили в маленькой белой комнате, воткнули что-то в вену и дали попить что-то горячее, сказали, что я в безопасности а сами позвонили – видимо, наугад – по последнему вызову. Когда приехали Тина, Лео и Шио, врачи дали им какой-то пакетик, велели что-то делать с определённой периодичностью и, если что, меня привозить. Я только начала обдумывать, что это за "если что" как, оказывается, уже сидела у себя в комнате и рядом были Шио и мои друзья. Они успокаивали меня и поили чем-то. Пытались кормить, но кусок в горло не лез и рот было вообще больно открывать. В памяти всплыло слово, услышанное от полицейских. Экспрессивная, что ли?

– Экспансивная, – услышала я голос соседа, – Она славна тем, что попадая в цель, разваливается на куски, нанося ужасные повреждения. Тебя этими осколками и задело. Повезло тебе. Глаза целы.

Экспансивная, значит. Где-то это слово я уже слышала, не так давно вроде.

– М-да. Повезло, – сказала я хриплым голосом, не узнавая его, – А где все?

Я начала растерянно оглядываться.

– Заходили позавчера последний раз, – осторожно ответил Шио.

– Как? Как позавчера? Какой сегодня день?

В панике я вскочила, со стола посыпалась посуда.

– Прошло десять дней, – так же тихо и спокойно сказал Шио, собирая с пола осколки. Я принялась ему помогать. Ничего себе. А мне казалось... в общем, чувство времени куда-то пропало. Выбросив черепки чашек, я взглянула в зеркало над раковиной. Лицо было перебинтовано, часть волос на голове сбрита, часть спереди отрезана, видимо осколками пули. И тут наконец на меня накатило понимание, я полностью осознала, что произошло. Десять дней назад, на набережной реки Гутты, был убит выстрелом в затылок популярный блогер, известный под псевдонимом Неро, чему мне не посчастливилось быть случайным свидетелем, и более того, записать преступление на камеру. Осколки пули попали в меня и изувечили и без того не особо привлекательное лицо. Я схватила грязный кухонный нож и принялась срезать бинты. Шио заметил, подбежал, чтобы остановить меня, но было поздно. Из зеркала на меня тарасились два серых больных глаза, чудом уцелевшие на испещрённом огромными шрамами лице. Один, особо крупный, тянулся ото лба, рассекал бровь, нос, щеку и спускался к шее. Ещё один украшал другую щёку от переносицы до самой ключицы. Третий разрезал висок и часть уха. Остальные шрамы расплзались по лицу,

словно мелкие черви. Лицо было похоже на изрытую пьяным пахарем землю. Я упала на колени, закрыв обезображенную маску из шрамов руками и зарыдала. Затем я резко вскочила, оттолкнув подбежавшего соседа, и, спотыкаясь, помчалась к себе в комнату, заперев дверь на засов. Я нашла свои маски, нитки и иглу. Самую толстую. Я успела сделать всего две стежка. пытаюсь пришить маску к лицу, затем я услышала звук срывающейся с петель двери. Не стоит недооценивать силу программиста. Шио вколол мне что-то в руку, после чего мне резко захотелось спать. А ещё сильнее – послать всё к чёрту. Он всё шептал:

– Тебе не о чем горевать. Ты ничего не потеряла, ничего.

А внутри у меня разрасталась пустота. Только отзывался навязчивым эхом какой-то безвыразительный, загробный голос:

– Наши лица не наши. Они упадут. Не наши. Упадут.

* * *

Прошло ещё несколько недель. Всё это время я провела в квартире как последний затворник. Даже медсестры и врачи приходили ко мне домой. Чтобы не видеть себя, когда прохожу мимо зеркала или моюсь в ванной, носила маску. Бинты окончательно сняли с меня около недели назад. Шио позвонил в полицию, сказал, что я пришла в себя. Вроде бы. Детективы пришли, равнодушно записали мои показания и

ушли. Сказали, что рассматривается версия убийства из мести. Мол, у красавчика Неро были проблемы с местными авторитетами. Вернули мне смартфон. Чёрт, если у них на копирование видео со смартфона уходят недели... да, а видео моё набрало в сети несколько миллионов просмотров. Пока его не заблокировали. Потом оно появлялось снова. И снова. Цензура не искоренит в людях жажды кровавых зрелищ, неужели они не понимают. Я никогда не стремилась к славе, честно. Не стану лукавить, порою, в своих фантазиях я воображала себя знаменитой, в ком из нас нет тщеславия. Но всерьёз я к этому никогда не относилась, полагая, что игра не стоит свеч. И я не ошибалась. Непонятно мне одно, каким образом моё видео-улика попало в сеть, возможно, какой-то недалёкий коп не смог удержаться. Видео было много, но моё с лучшим ракурсом и звуком. Ублюдок. Я считаю, что наживаться на таких вещах – крайняя степень цинизма. Надеюсь, убийце это тоже не понравится и тогда... стоп, а не приведёт ли это его ко мне? Я сжалась в углу кровати, обхватив колени руками. Не надо об этом думать, я уже ничего не изменю. Лучший звук и ракурс. Ну да, Шио плохого не посоветует. Кстати, сосед попросил меня сходить в магазин за продуктами. У него, видите ли, работы много. Я ответила ему, что более не имею желания покидать пределы квартиры. Особенно учитывая тот факт, что по законам нашей страны мне была дана инвалидность и назначено неплохое пособие, так что необходимость работать отпала. Что такого,

если я просто хочу скрыться с глаз долой, говорила я. Разве я не имею на это права?

– Отшельниками становятся в толпе, – отвечал он. Что за чушь, думала я но вслух не сказала. И тогда он попросил меня хотя бы мусор выбросить, а то у нас полный бардак. Скрипя зубами, я согласилась. Нужно иметь совесть, в конце концов он не обязан был за мной ухаживать. Нацепив тёплую куртку, я покинула своё убежище. А на улице, оказывается, уже всюю свирепствовал беспощадный осенний ветер, жестоко срывая с деревьев последние обрывки листьев. Я закуталась потеплее, максимально спрятав остатки лица в шерстяной красный шарф.

Когда я впервые за много дней оказалась на улице, да еще в такой холод собачий, я почувствовала себя котом, выброшенным из уютного привычного мира в незнакомый, но ощутимо враждебный мир. Словно голая среди тысячи невидимых глаз. Но они здесь. Немногочисленные прохожие, казалось, только на мои шрамы и таращились, хотя я знала, они не могли их видеть. Но, разумеется, я это придумывала, потому что не осмеливалась поднять глаз от земли и не видела лиц прохожих. Какого чёрта вообще мусорные контейнеры стоят так далеко от нашего дома?! Или нет? Раньше мне так не казалось...

Бросив треклятые мешки в контейнер, я практически бегом понеслась домой. Наверное, я бежала слишком быстро, и не заметила, как развязался и был снесён на землю порывом

ветра шарф. Прямо на глазах у парочки работников кафе, выбежавших покурить, наскоро накинув куртки на рабочую форму. И моё лицо оказалось совершенно незащищено перед их округлившимися глазами.

"...авторское право на твоё лицо останется при тебе" – пронесли в памяти слова Тины.

Они смотрели. И смотрели. Я остановилась, словно поражённая молнией. Надо было бежать, но их взгляды парализовали меня, как медуза Горгона. Смотрят. Первые несколько секунд мне хотелось только провалиться сквозь землю. А потом что-то во мне треснуло, хрустнуло и безвозвратно исчезло. Словно тот страх был и не мой вовсе. А то, что заставляло его испытывать, не выдержало давления и лопнуло. Оно не выдержало одной простой мысли.

Ну и что?

Смотрят.

Ну и что?

Земля подо мной не загорелась, и их взгляды вовсе не смертельны. И ветер по-прежнему дует. Голые деревья качаются на ветру. Луна сияет, отражаясь в придорожных лужах бледной рябью. И Антарес тут как тут, мерцает себе недобрым красным светом. Откуда мне знать, что думают незнакомцы? А если бы и знала, что бы это изменило? Ничего, если я не полная дура. Да, в теории, в мыслях, это все мы знаем и все понимаем. Но знать и осознать – разные вещи. Удивительно, что мне всего лишь было нужно выйти на улицу и

встретиться один раз со своим страхом... лицом к лицу. Но это сработало. Я почувствовала, что буря внутри меня улеглась. Не пытаясь даже найти шарф, я медленно прошла мимо официантов и зашла в кафе. Попросила чашечку горячего кофе. Миловидная официантка вела себя более чем профессионально, спокойно улыбаясь мне как рядовому клиенту. Я позвонила Шио и спросила, что купить в магазине. Он сказал, что скинет мне список, сказал спокойно, не удивляясь моему решению всё-таки посетить скопище людей, у каждого из которых есть лицо и пара глаз.

Вернувшись с покупками домой, я передала пакеты Шио и вышла на улицу вновь. Всё-таки нужно было купить новый шарф. А хороший магазин зимней одежды как раз находился возле Овального моста. Идти туда было страшновато, но я решила, что именно поэтому необходимо. Да, там меня ранили. Но целились не в меня, а если бы хотели убить, убили. Да и кто я такая, чтобы становиться мишенью киллера, в конце концов? Жертва здесь явно не я.

Как я могла забыть? Зациклилась на жалости к себе, слабачка. На мосту было много людей. Они спешили по домам, стараясь защитить свои красивые лица от беспощадного ветра. Начинался дождь, я положила букет белых цветов – цветов траура в одной стране с уважаемой мной культурой и верой – прямо у ограждения. К сожалению, я не знаю, где он похоронен, а читать в интернете не хочу, мне просто невыносимо противно наблюдать этот пир стервятников. Моё ви-

део. Реклама. Да, смерть – это бизнес, и довольно прибыльный.

– Нас обоих лишили лиц, – прошептала я – И своим я тоже уже вряд ли воспользуюсь.

Когда я вернулась в свой двор, на нашей детской площадке на скамейке сидел мой сосед, он смотрел на небо. Да, тучи на удивление быстро рассосались, и в черном небе отчётливо и виднелись некоторые звезды. Антарес был на своём месте и светил довольно ярко.

...Да, он оказался прав, моё лицо мне не нужно. Я смотрела на него и думала, что, наверное, должна сказать ему спасибо, но не могла заставить себя произнести это вслух. Какая-то детская обида пульсировала в глубине. Потому я просто села рядом. Сидеть на скамейке без спинки быстро надоело, потому я улеглась облокотившись на Шио. Он даже не шелохнулся.

– Ты относила цветы на место смерти этого деятеля искусства и твоего ранения, – не то спросил, не то констатировал факт Шио.

– Да, – помолчав, сказала я – Ты знаешь, что ли? И откуда, позволь спросить?

– Тебя видели, – ответил сосед, подсунув мне под нос смартфон.

И вправду, кто-то снял меня со спины и выложил в сеть, в том числе в так называемую «группу вечной памяти» в небезызвестной социальной сети. Я немного смутилась. И

сильно разозлилась, человека убили, а они продолжают...

– Ну... не то что бы я была его поклонницей, просто меня это тоже затронуло, как-никак, и...

– Мне не интересно, зачем ты это сделала, – резко и грубо прервал Шио, – Но если ты хочешь, чтобы преследования прекратились, необходимо обождать с подобными сантиментами.

– Ну ты хам, – зевнув, ответила я, вернула ему смартфон и облокотилась ему на бок сильнее, – кстати попрошу не называть впредь подобных лиц «деятелями искусства».

– Это почему?

– Да потому что их деятельность – вообще не искусство! – раздражаясь, я начала повышать голос.

– Так. Хорошо. А что же вообще искусство? – покосившись на меня, ответил сосед.

Ну началось. Это очередной вопрос Шио из категории «сейчас я поведаю о новом (тайном?) значении очевидного слова».

Кажущиеся очевидным вещи вовсе не очевидны, говорил он. Именно над тем, что кажется тебе простым и очевидным, и стоит задумываться. Лучшие ловушки расположены на виду; разумеется, все в них попадаются. Много в этом мире с ног на голову. Ну вот например, «искусство» – это типичная ловушка. Понятие это призрачное, говорил Шио, несуществующее. На самом же деле искусство – это не более чем термин, объединяющий несколько способов переда-

чи информации. По ценности своей эти способы мало чем отличаются от тех, которые обычные люди пользуются каждый день. Единственное отличие – усложненность. Искажение. Приукрашивание. Вот что такое искусство: зачастую попросту ложь. В лучшем случае – разбавленная веселыми картинками и историями серьёзная книжка. И восхищаться тут нечем. Мы просто незрелые дети, любящие сказки и яркие цвета.

– А еще мы любим, когда нас гладят по головке. Ты только взгляни на все эти церемонии по вручению золотых статуэток, и грызню между этими людьми «тонкой душевной организации» за свой кусочек внимания и похвалы.

– Ну, допустим, грызутся они не из-за одной лишь славы, – хмыкнула я, – На кону же, как правило, ещё и деньги, порой немалые, а деньги – это возможность, в том числе продолжать творить.

– Ты правда думаешь, что дело в деньгах? Для получения гонорара за фильм режиссёру не обязательно давать интервью. У этих людей достаточно возможностей заработать; кроме того, к богатству привыкаешь быстро, и затем начинаешь хотеть конфетку с другим вкусом. И погоня эта бесконечна, эго не знает чувства насыщения, об этом писали тысячи лет назад, это актуально и сейчас. Потому что каждый из нас начинает игру с первого уровня.

– Ну подожди ты, хорошо, пусть так, но есть же ещё кое-что, ведь искусство – это творчество, в каждом из нас есть

хоть немного, пусть самую малость, но есть потребность Созидать. Не все добираются до нее по ступеням... этой... как её... пирамиды этой... ну, ты понял, наверное (Шио слегка кивнул, не отрывая взгляда от звёзд). Деятели искусства, как и науки, привносят в мир новое...

Шио перебил меня.

– Дея. Запомни. Человек. Ничего. Создавать. Не способен. – бескомпромиссно заключил он, – всё, что мы называем гордым словом «изобретение, творение» – есть не что иное, как продукт сборки и использования различных элементов, уже существовавших ранее. Человек не придумал законы физики. Не придумал материю. Не придумал он и чувства и эмоции, продаваемые тебе в кино и книгах. То же касается и музыки, странно, что ты о ней забыла, вроде бы наушники из ушей почти не вынимаешь. Музыка – инструмент отвлечения и усыпления твоего разума.

– Значит, всё это к тебе это тоже относится, Господин программный «инженер», – ядовито ответила я.

– Разумеется, я лишь наблюдатель.

И вправду, тарашится себе на звёзды и горя не знает. Антарес. Красная звезда. Сегодня ярче обычного. Интересно, кто будет следующим? Снова эти мысли. Я с трудом вернула поток мыслей в прежнее русло.

– Ну да, невёселую картинку ты рисуешь, впрочем, как всегда. И какую же страшную участь приготовил господин Шио для этого вымышленного персонажа?

– Для искусства? Да никакойю. Это понятие само со временем исчезнет за ненужностью.

– Ты только деятелям искусства такого не ляпни, – вздрогнула я, – А то я за твою безопасность не ручаюсь. Они-то убеждены, что делают свои имена и лица бессмертными.

– Лица и имена бессмертными быть не могут.

– Да ну? А что может?

Он не ответил. Поднялся и сказал, что уже поздно и пора домой. Я поплелась за ним.

Вообще, должна сказать, что я как-то удивительно легко и быстро смирилась со своим нынешним состоянием. Ну да, в начале у меня был шок, но если начистоту, шок этот был скорее из-за близости смерти, чего со мной никогда не бывало прежде. Когда я несколько недель безвылазно сидела дома, я действительно боялась и стеснялась. Но одной лишь единственной вылазки, устроенной моим соседом, которого, видимо, достало моё нытьё, хватило, что бы окончательно смириться. Вроде я упоминала раньше, что у меня нет семьи, и я сомневалась, нужна ли она мне, но теперь, когда я <<абсолютно точно>> уверена, что семьи у меня не будет, я чувствую невероятное облегчение. Ведь этот вопрос закрыт. Утрясён. Кто возьмёт меня в жёны? Это смешно. Да и не больно-то и хотелось.

Я сидела на кухне, улыбалась и болтала ногами, совсем как в прежние времена. Прежние... Да, последние события всё же провели определенную черту. Я чувствовала, кажется,

ещё до ранения, что моя жизнь никогда не будет прежней.

Двойное «самоубийство»...

Убийство блогера...

Безумные фанатики...

Лица. Точно. Все жертвы лишались лиц. Фанатик (фанатики?) говорил же что-то о лицах? Разве это может быть совпадением? Теперь, когда я, кажется, восстановилась, я снова могу думать. В конце концов я сама едва не стала одной из жертв, так? Это в первую очередь моё дело... Решено. Завтра иду к Тине, может она воспримет меня всерьёз.

Утром, когда я на кухне заваривала кофе, вдруг со стороны прихожей раздался голос:

– Я пошёл.

– Я чуть не уронила чашку.

– Куда это ты в такую рань намылился?

Шио никогда никуда не ходил по утрам; насколько я помню, даже за продуктами он всегда гоняет меня.

– На собрание.

Я протёрла глаза и ущипнула себя за остатки щёк. Залпом выпила чашку кофе, забыв добавить молоко. Не помогло. Он всё ещё стоял в прихожей, поправляя свой любимый красный костюм, и уже надевал пальто.

– Какое ещё собрание? Что с тобой? Тебе пригрозили, что уволят? Отнимут ноутбук? Сожгут твой проклятый костюм? Заставят на мне жениться? Отвечай же! Тебе нужна помощь?! Только кивни, я всё пойму. Это Тина, её рук дело?

Не бойся, я это так не оставлю...!

– Буду вечером часов в шесть, – бросил он на прощание и выскользнул за дверь.

Да, теперь ещё и это. С миром явно что-то не так этой осенью, по крайней мере с моим миром точно. Ничего не понимаю. Я поспешила к Тине. Холодный осенний воздух на улицах города начинали вытеснять ледяные ветра зимы. На лужах появились первые в этом году корочки льда. Первые? Ах да, может и нет, я же столько времени провела взаперти, оторванная от мира. С другой стороны, а когда я была <<не>> оторвана от мира. Если подумать, мост между мной и людьми обрушенный осколками той пули и до того держался на соплях. Вот сейчас я бегу к друзьям. Смешно, в самом деле, цепляюсь за соломинку. Мне бы пора начинать жизнь отшельника... Но мне страшно. Стыдно признаваться, но страшно. С одной стороны, я никогда не принимала идею значимости семейных ценностей. Может, это потому, что я рано лишилась родителей, не знаю. Но я особо как-то и не переживала. Даже считала себя психопатом, боялась, что меня упекут куда следует, если узнают, что меня не трогает смерть близких людей. Причём хороших людей, которые никогда не делали и не желали мне зла. Я даже притворялась, что мне грустно, давила из себя слёзы и меня не трогали. Может я и в самом деле ненормальная? Нет, ну это само собой, особенно теперь.

Но ещё до того я всегда чувствовала отчуждённость, даже

когда состояла в так называемых отношениях. Особенно – тогда. Он был хорошим, добрым, да и внешне красавчик. Но когда он сделал мне предложение... Мне захотелось бежать без оглядки. Друзья говорили, это ничего, просто ты не любила его. Вот полюбишь... Потом этот самый был. Чёрт, и имени не помню. Ну, влюбилась, что называется. Была одержима. Но эта одержимость была мне обузой. Мешала думать, мешала жить. А затем всё вернулось на круги своя.

И всё же я не могу без людей. Почему? Потерянный я человек всё-таки. Правы были Тина и Лео. Болтаюсь как сломанный маятник, ни туда ни сюда, безо всякого смысла. Но знаете что, если хорошенько поразмыслить, меня саму это мало волнует. Вот в обществе – бывало, каюсь, особенно в кругу женатых, нет-нет, да и кольнёт, раньше – конечно же, вряд ли теперь, а как останусь одна – гори оно всё огнем. Поболтаю с Тиной, с Лео, со Стейшой, к Шио попростаю – и всё проходит. Большого не надо. А теперь, благодаря этим чудовищным шрамам, всё стало еще проще. Наконец-то судьба поставила точку там, где я по малодушию своему вечно ставила запятую. Конечно же, беспокоит меня другое. Меня могли убить. И, боюсь, ещё могут. Как знать? Конечно, жертвами были известные люди...

Ну вот опять. Нет, хватит об этом. Что там Шио говорил про семью не так давно?

Говорил, не нужна семья никому. Говорил, что взрослому со сформировавшимся сознанием общение вообще не нуж-

но...

– Беда человека в том, что он не человек. Вернее, человек, но процентов на десять, на девяносто – зверь. Но я – оптимист, и убежден, это дело поправимое.

Слово «оптимист» из его уст не могло не заставить меня содрогнуться.

– Ты... кто, прости?

Но он меня уже не слушал.

– Всё, что нам нужно, чтобы наконец-то вырасти, – перестать перекладывать друг на друга ответственность за своё счастье, перестать требовать друг от друга и от мира подарков, нам всего лишь нужно правильное воспитание. Но как несовершенный, глупый, невежественный, эгоистичный зверь может вырастить человека? Правильно, никак.

Тут он наклонился над столом и поманил меня пальцем. Я так обалдела, что в тот момент все беды разом вылетели из головы вплоть до потери лица включительно.

– Проект «Чистый разум». Людей будет воспитывать искусственный интеллект.

И тут он загадочно и серьёзно приложил к губам указательный палец. Я поперхнулась чаем. В воображении тут же всплыли жуткие картины из антиутопических фантастических фильмов и книг, причём сразу из всех.

– Шио, ты умный парень, я не спорю, но гляжу, даже у тебя бывают трудные деньки. Как ты там сказал? Десять процентов? Ну, пусть ты на двадцать, но эта идея – явно порожде-

ние остальных восьмидесяти. Во-первых, это просто невозможно...

Шио самоуверенно откинулся на спинку стула.

– Большого сказать не могу. Пока. Но если ты решишь... только представь. Общество, воспитанное без стереотипов, комплексов, страхов, и ложных идеалов. Мне кажется, со временем и при должном внимании ты способна понять и, возможно, будешь нам полезна.

Особенно теперь, так он сказал. Теперь – это после того, как я потеряла лицо? Или теперь, после того, как я могла умереть? Или после того, как мир начал ускользать от меня и в голову лезут навязчивые мысли об убийствах?

Снова. Нет. Не могу. Я остановилась и схватилась за голову. Проклятье, ну почему человек не способен контролировать свои мысли? Разве это не моя голова? Чья тогда, если мысли, которых я не хочу слышать, так и гремят у меня в голове, словно барабаны навязчивого уличного музыканта? Об этом ты говорил, Шио Иллаби, чёртов умник, который якобы всё держит под контролем? Даже будущее человечества, будь оно проклято? Этому ты будешь учить своих подопытных, бедолаг-сирот, на каком-нибудь богом забытом острове за десятиметровыми стенами, под присмотром правительственных камер-светлячков?

О да, тогда я приду посмотреть. Обязательно приду, клянусь. И я сорву с себя остатки лица, лишь бы научиться этому самой. Самоконтроль. Отсутствие лишнего. Идея хоро-

ша, братец-очкарик, но она не нова, отнюдь не нова. Этому нельзя научить. Только научиться.

Я схватилась за ручку двери в парадную, словно утопленник – за последнюю мачту затонувшего корабля.

Плонув на лифт, бегом понеслась по лестнице. Тина открыла дверь запыхавшейся фигуре со словами:

– Что с тобой, да на тебе лица нет.

Я подняла голову и улыбнулась – надеюсь, выглядела достаточно отвратительно.

– Я в курсе.

– Прости, я не...

Тина вдруг покраснела, до меня дошло, что она сказала не подумав, я попыталась рассмеяться добродушно, но по моему, получилось скорее безумно: по крайней мере, Тина отшатнулась, округлила глаза и ещё больше покраснела. Похоже, мысль насчёт постепенной потери связи с миром была верна.

– Да ладно, забавно вышло, не бери в голову, юмора мне как раз сейчас и не хватает.

Тина облегчённо вздохнула и пустила меня внутрь. Мы уселись на её роскошном диване. Тина купила новое покрывало, чёрное с большим красным сердцем посередине, я отметила, что оно слишком пошлое. В ответ Тина начала ко мне приставать. Я позвала на помощь Лео, заметив, что его жена ведет себя как распутная женщина и к тому же со странными наклонностями. Дело не в том, что пристаёт к девуш-

ке, сейчас никого этим не удивишь, а в том, что к девушке с изувеченным лицом. Из глубины кухни прибежал Лео в фартуке, и тоже стал ко мне приставать, аргументировав это тем, что странными наклонностями Тина заразилась от него. Я вырвалась и попыталась скрыться в кухне, но там, на пороге сидел Зевс и смотрел на меня крайне неодобрительным взглядом. Когда все трое выдохлись, мы уселись обратно на пошлый диван и тут поняли, что ужасно хотим есть. Пока Тина заказывала еду с доставкой, Лео включил какую-то совершенно глупую и убогую передачу. По его словам, все её очень долго ждали, и сегодня она выходит в прямом эфире. Называлась она «Назад к корням», и суть её заключалась в том, что кучка звезд телевидения и интернета, популярных преимущественно у молодежи, собираются вместе в глубине леса «Истоков» и пробуют там выжить в условиях дикой природы. Я тут же объявила, что это надувательство, и попыталась выключить. Но Тина и Лео принялись угрожать мне очередными приставаниями, так что мне пришлось смириться с происходящим на экране. А смиряться, поверьте, было с чем. Мне слишком больно вспоминать об этом ужасающем зрелище, но думаю, вы и сами можете себе это представить, какую нелепую пустышку оно из себя представляло. Размалёванные девицы в платьях и стриженные по последней моде парни в рубашках и узких брюках бегают по лесу пытаются собрать валежник, поймать рыбу в озере голыми руками и ссорясь из-за того, кто должен нести вахту у костра. И все

эти наигранные действия поминутно перемежались глупыми шуточками и фальшивым смехом. Разумеется, я ежесекундно критиковала этот фарс:

– Да кто вообще поверит, что их там бросили на произвол судьбы? Во-первых, оператор же снимает и транслирует в сеть этот позор? Связь уж точно есть. Во-вторых, в предыдущей сцене был дом. Что ещё за дом посреди леса, откуда? Пока мужики искали дрова, бабы построили что ли? И шутки все не смешные и пошлые, всё ужасно наигранно...

Я не успела договорить, потому что Тина заткнула мне рот куском пиццы.

– Хорошо, что у них такая быстрая доставка, – с почтением отметил Лео.

Пока я ела, мне пришлось молча наслаждаться сценой, в которой героини передачи решили определить несущего вахту ночью с помощью старой детской считалочки...

Впервые за долгое время я почувствовала себя в своей тарелке. Хорошо, что у меня есть друзья и они рядом, что бы там не плёл мой сосед, о том, что люди не нужны друг другу, мне, сейчас – нужны.

Стройная блондинка, с удивительно приятным личиком, вскочила и запищала нарочито детским голосом, поочерёдно тыкая окрашенным в ярко-зелёным ногтем в своих коллег по цирку:

– Раз, два!

Мальчик закрыл глаза.

Три, четыре!
Спрятался в странном он мире.
Пять, шесть!
Ищущих его не счесть.
Семь, восемь!
Мальчика в беде не бросим.
Девять,
Поиск в лесах затянулся.
Десять,
Сгинул он и не вернулся.

Дежурить у костра выпало полноватой девушке с ярко-зелёными волосами.

– Ну ничего, такая без проблем без еды неделю протянет, – заметила я, – Вернее протянула бы, будь это по-настоящему.

– Ну и зануда ты, – бодро заметила Тина, – к тому же она не толстая, а беременная.

Я усмехнулась.

– И они хотят заставить нас поверить, что отправили беременную женщину на произвол судьбы?

– Ну, да, тут соглашусь. Какой муж подверг бы опасности жену и ребенка? – сказал Лео, обнял Тину за живот и поцеловал.

У меня внутри всё словно оборвалось.

– Тина... а ты часом не... беременна?!

Они замерли и переглянулись. Все мы резко замолчали.

Потом Лео осторожно сказал:

– Мы не хотели пока тебе говорить. Ты и так много пережила, а тут Тина забеременела, да ещё и...

Он снова замолчал.

– Мне нравится это «Ещё и...» – серьёзно сказала я, повернувшись к Тине.

– Мы переезжаем, – тихо сказала она.

Выстрел. Громкий взрыв. Не лицо. Грудь. Прямое попадание, не осколки. Тина и Лео долго говорили что-то там про границу, что хотят, чтобы у ребенка было второе гражданство, и для этого нужно на время уехать. На время. А может, и навсегда. Понятно теперь, почему они последнее время были так озабочены моим холостяцким положением. Знали, что уедут. Так их меньше бы терзала совесть. Я бегом пустилась к выходу, словно спасаясь. Они пытались схватить меня, но на сей раз мне удалось вырваться. Я даже куртку не взяла, так и выбежала на улицу в футболке. Несмотря на заморозки, заметила отсутствие верхней одежды я только дома.

Нет, я прекрасно понимаю, что винить тут некого, кроме себя самой, но от этого не легче. Значит, вот он, настал наконец. Час расплаты. Суд. Экзамен. Не знаю, как ещё назвать мои тогдашние ощущения. День, когда мне придётся или измениться, или погибнуть. Рано или поздно перед каж-

дым из нас возникает такое препятствие. И лучше рано. Лучше его даже приблизить, но у меня смелости никогда не хватало. Придя домой, я выключила телефон и заставила себя заснуть. Мне снились люди в разноцветных масках и чёрных капюшонах. Они бродили по мрачным подземным парковкам и роняли свои маски, но под ними оказывались тоже маски, только изображающие другие эмоции.

– Лица упадут, лица упадут, – бормотали они, – Когда мальчик будет найден, лица упадут.

И тут я проснулась. Точно. В тот день, когда безумный проповедник нёс свою околесицу, он вроде говорил что-то о потерянном мальчике. Во вчерашней передаче была упомянута старая детская считалочка о пропавшем в лесу мальчике.

Я тут же вскочила и включила компьютер. Мозг мгновенно переключился с режима «жалость к себе» на режим «поиск информации». Да, правильно, наверное, кто-то сказал, что работа – лучшее лекарство от хандры. Надо будет поговорить с Шио, когда он проснётся, действительно ли ещё его предложение. Итак, оказывается, история детской считалочки уходит корнями в глубокую древность и касается истории нашего города.

* * *

"...давным-давно, когда люди ещё не умели строить дома

из бетона и металла, и лес Истоков не имел названия, жила-была небольшая, но счастливая община. Люди жили как одна большая сплочённая семья, и каждый член её относился к любому другому с одинаковой любовью и преданностью. Поскольку люди доверяли друг другу, запретов почти не существовало. Разве что один – никогда не ходить на Тёмную территорию. В те времена там росли растения с запутанными корнями и ветвями и чёрными листьями, и водились там неведомые страшные звери. Это предостережение передавалось из поколения в поколение. И однажды один очень храбрый и очень упрямый мальчик решил нарушить запрет и отправился туда на рассвете. Но тёмные территории на то и тёмные. Мальчик долго плутал среди чёрных кустов, содрогаясь от диких криков непонятных зверей. Наконец он вышел на открытое пространство. Им оказалось поле, сплошь покрытое белыми нарциссами, в центре которого возвышался холм, ставший домом для невероятно большого дерева. Его корням словно было мало огромного поля, и часть из них опутала холм. Завороженный, мальчик подошел к дереву и долго смотрел на него. Затем ему показалось, что между корнями что-то блеснуло. Мальчик полез туда и своими тоненькими длинными ручками достал удивительную штуку. Она была плоская, размером с дыню и с одной стороны покрыта чем-то блестящим, а с другой... когда мальчик увидел, что с другой стороны, он чуть не уронил чудесную штуку обратно. Он увидел себя. До этого он видел себя толь-

ко в спокойной глади воды. А эта штука явно была сделана не из воды. Мальчик не мог налюбоваться. Он и не заметил, как наступил вечер. И в сумерках из леса вышел седой старик с какой-то страшной острой штуковиной в руках и без всяких предисловий начал говорить, что штуку, мол, эту надобно вернуть на место и никому её не показывать. Иначе, говорил он, ждёт тебя и весь твой народ страшное проклятье, а ты заснёшь вечным беспокойным сном. Сказав это, старик исчез. Мальчик был напуган, но любопытство и желание поделиться необычной находкой взяло верх. Успокоив себя, что старик просто ему привиделся из-за усталости, мальчик лёг спать, укрывшись между громадными корнями. А наутро он отправился домой, с трудом, но всё же найдя дорогу, а помогла ему в этом красная звезда Антарес. В родной деревне все были рады видеть мальчика живым и здоровым, и всем очень понравилась необычная вещь. Вскоре из-за неё начались склоки. А однажды её попросту украли у мальчика. Он обозлился и пообещал отомстить. Но вскоре вещь была возвращена на место, к его удивлению. Оказалось, один из членов общины взял её, чтобы изучить, и научиться создавать подобные штуки. И научился. С тех пор люди в деревне стали одержимы своей внешностью. Ссор из-за штуки уже не было, зато начались ссоры по другим причинам. Люди стали мало внимания уделять друг другу. Стали высокомерны, менее отзывчивы, менее трудолюбивы. А спустя пару лет в деревню пришли другие люди, жадные, беспринципные

и беспощадные. Они предложили за секрет создания Зеркала много денег и люди согласились. Но вместе с золотом чужаков к родным людям перешли и их повадки. Люди стали жадные, злые, эгоистичные. Мальчик, увидев, во что превратилась его семья, упал на колени и осознал, что натворил, затем поднялся и побежал прочь, без оглядки, пока не добежал до того самого дерева. Он стал во весь голос звать того старика и просить прощения, обещать вернуть зеркало. Но увы, было слишком поздно. Тогда он забрался в яму между корнями, из которой он достал проклятую штуковину и заснул там, заснул вечным беспокойным сном. Люди искали его десять дней и десять ночей, но не нашли. И говорят, его, скорбящего по собственной и человеческой глупости, можно увидеть в зеркале ночью, если любоваться собою слишком долго..."

Я задумчиво барабанила пальцами по клавиатуре. Да вот значит что здесь нашли, такое ценное, что народ, живший в лесах, умудрился разбогатеть, развиться и построить город. Зеркало. И вправду, лучше бы мальчик послушался пророка. Самолюбование приносит лишь зло. Сказка, конечно, преувеличена, зеркало тут конечно же не во всём виновато, нечего, как говорится, пенять, оно тут скорее метафора. Я не заметила, как случайно перешла по какой-то рекламной ссылке. Уже было собиралась закрыть, но...

Массовое убийство участников «Назад к корням». Общество в панике. Шокирующие кадры. Смерть в прямом эфире.

Они мертвы, все мертвы. Лица изувечены. Кто-то упал лицом в осиный улей и умер от анафилактического шока. Другой утонул в озере и его лицо обглодали рыбы. На третьего напал медведь. Четвертый упал лицом в костер... Лицам до 21 года не смотреть. Мертвы все до одного. В сеть просочились обрывки записей. Это точно не может быть совпадением. И эти... экспансивные пули, использованные как минимум три раза за последнее время. На какой-то миг мне померещилось, что пол под ногами исчез, и я увидела сверху наш Звездный парк, десятиконечная, будь она неладна, звезда и памятник древней Цифре в каждом её углу, в центре солнечные часы, и стоит под ними человек в капюшоне, лица не видно, но я думаю, он ухмыляется. Меня вынесло в соседнюю комнату, и я принялась будить соседа.

– Что случилось? – бодрым голосом спросил Шио, с готовностью поднимаясь с кровати.

Я сбивчиво начала объяснять, что уверена, что последние несколько смертей – дело рук серийного убийцы, а может, даже хорошо организованной группы. Сначала «убивают друг друга» женатая пара, владельцы крупнейшего фото-салона. Потом известный блогер, которого уж точно убили. А теперь... это. И все жертвы так или иначе связаны – они зарабатывали на жизнь торгуя лицами. И их всех лишили лиц. Я, возможно, единственная, кто сможет опознать убийцу – не может быть, чтобы тот странный тип в капюшоне был к этому непричастен. Шио внимательно слушал меня, медлен-

но натягивая осточертевший красный костюм, больше напоминающую женскую пижаму, а когда я остановилась, чтобы отдышаться, он вдруг спросил:

– Ты говорила с Тиной и Лео?

– О чём? – не поняла я.

– Ну, знаешь, насчёт их дел.

– Ты про беременность Тины и их переезд? А это тут при чём? – непонимающе хлопала я глазами.

Он молча смотрел на меня. Вдруг до меня дошло, и я разозлилась:

– Да не переживаю я!

Он смотрел.

– Ну, вернее, переживаю, но не в этом сейчас дело и не это главное. Ты что, не понимаешь? У нас в городе серийный убийца, может, даже несколько. И я сама чуть не стала его жертвой!

– В любом городе всегда найдётся хотя бы один, – тихо сказал он.

Понятно, он думает, я совсем спятила. От него толку не будет. Не слова не говоря более, я схватила куртку (должно быть, Тина принесла её, пока я спала) и выбежала на улицу. Стояла глубокая ночь, и в морозной тишине громко скрипели подошвы. Я зачем-то добежала до ближайшего магазина (наверное, просто хотелось подальше убраться от Шио) и оттуда вызвала такси. Доехав до цели, я выбежала из машины, забыв про оплату. Таксист окликнул меня, и я сунула ему

первую попавшуюся купюру и бросив «Сдачи не надо» (судя по его улыбке, номинал купюры превышал стоимость поездки раз в пять), я подбежала к зданию, с силой рванула на себя ручку двери, дверь открывалась в другую сторону, но на ресепшене полицейского участка никого не оказалось никого не оказалось. Тогда я принялась бродить по коридорам в поисках хотя бы одной живой души. Множество душ было обнаружено в большом помещении, судя по всему, служащем столовой. Я объяснила, что я свидетель убийства, что, возможно, только я могу опознать преступника. Меня отвели в какую-то маленькую комнатку, где молодая полицейская с диктофоном внимательно меня выслушала. Было трудно начать с чего-то. Действительно, а с чего всё началось? Я судорожно искала в памяти день, который можно было бы назвать отправной точкой этого поезда в страну кошмара. Ранение? Нет. Нападение сестры жертвы? Нет. Аплодисменты. Что? Что это? Почему в памяти всплыли какие-то аплодисменты. Точно. Это не псих-проповедник. В тот день в торговом центре. Что я тогда сказала? *Vultus est Nullus*. Лицо есть ничто. И тогда за спиной раздались аплодисменты, только теперь понятно почему, психу – серийному убийце – это выражение понравилось. А может, после этой моей фразы в его больной башке щёлкнул переключатель. Или, как в плохих детективах, убийца – моя вторая личность? Или Шио. Когда-то я считала его своей второй личностью. Чувшь это всё, конечно. И чем больше я рассказывала, тем более бессвяз-

ной становилась моя речь, а когда детектив взяла меня за руку и начала говорить что-то унизительно сочувствующее, а потом ещё в комнате образовался тот психолог (я вспомнила, что именно его вызывали ко мне, когда я была здесь в прошлый раз)... в общем, всё стало понятно, и, резко замолчав, я поспешно покинула здание, никем не остановленная. Разумеется, они мне не поверили. Конечно, наверняка даже до этих тугодумов уже дошло, что это дело рук серийного убийцы или целого их сборища, но спятившая изуродованная жертва вряд ли надёжный свидетель. Что ж, как знать, может, они и правы.

Но, думаю, я могу им немного помочь. Попытаюсь. Терять всё равно особо нечего. А если всё и кончится плохо, плевать, в этой дурацкой истории давно пора поставить точку. В тот день за штурвал в моей голове взялось холодное и решительное отчаяние. Я вернулась домой, взяла электрошокер и отправилась в лес Истоков к месту массового убийства звёзд. На ходу одела маску. Удивленные лица прохожих стыдливо отворачивали взгляды одинаковых глаз. Одинаковых лиц. Незначительных. Нет, я прекрасно понимаю, на что намекает убийца. Жестоким образом цитируя мораль детской сказки, он хочет сказать, что одержимость внешнестью, самолюбие, самолюбование – корень проблем нашего общества. И, что самое худшее, эту проблему общество отрицает. Мальчику стоило послушать пророка и не трогать ту штуку, запутавшуюся в корнях Великого дерева. Корни...

Назад к корням. Лучше было не придумать. Я взглянула на небо, Антарес всё ещё виден, хотя уже светало. И вправду А сияет всё ярче. Чем больше гляжу на прохожих сквозь дырочки для глаз, тем меньше различий между ними вижу, или их никогда и не было? Зачем нам отличать друг друга? Разве мы все не одинаковы? Красота. Люди называют красотой то, что приятно их глазам. Какое примитивное мышление. Не мышление даже. Ведь все мы в глубине души знаем, что в мире всё наоборот, всё с ног на голову. А фанатик ведь говорил о перевёрнутом дереве жизни. Шио намекал, что стоит обратить внимание на его слова. Как любезно с его стороны предоставить мне возможность догадаться самой. Перевёрнутое дерево, то есть корнями наружу. Скрытая красота, которую можно постичь лишь роя лицом землю, не боясь его лишиться. Звёзды видны всем и все называют их красивыми, а ведь некоторые из них не предвещают ничего хорошего. Но истинная красота, суть, всегда скрыта. Что бы узреть её, одних лишь глаз недостаточно. Мы все стремимся к возвышенному. Но если хочешь этого по-настоящему, придётся продирааться сквозь корни к звёздам. Вот что делал тот фанатик. Он намеренно ставил себя в неудобное, стыдное положение и произносил речи, непонятные никому, а возможно, и ему самому. Он терял лицо, понимая, что это необходимо. Конечно, безболезненно это не пройдет. Но эта боль необходимая, здоровая как при физических упражнениях. Убийца неправ. Он не терял лица, он его приобретал. Его

идея – лишь жалкое оправдание. Я не злюсь на него, не хочу мстить, не за что. Но его необходимо остановить.

К Великому дереву я пробралась на удивление легко. Охраняют, я смотрю, места преступления как бы нехотя. Или они надеются, что убийца туда вернется? Где-то я слышала, что они это любят. Ну, дай бог. Вот оно – Великое дерево. Огромные корни, оплетающие холм, оплетающие ствол, оплетающие друг друга. Когда стоишь у подножия этого воистину великого дерева, толщиной, наверное, с дом, кажется, что корни вот-вот начнут оплетать и тебя. Хочется остаться здесь навечно. Но я не для этого сюда пришла. Я достала смартфон и включила трансляцию.

– Говорит случайная жертва серийного убийцы, орудующего в последнее время в городе N. Я в маске, но я тебя не боюсь. Ты уже отнял моё лицо. Но ты всего лишь очередной трус, прячущийся за маской великой цели, которую ты не способен снять. Ты не терял лица и не готов к этому.

Я закрыла глаза и задумалась, чего бы ещё сказать. Ради вящего драматического эффекта я сняла маску, чтобы мой обезображенный облик увидел весь мир.

– Моё лицо упало. Мой мир перевернут, я вижу наоборот. Сердце забилося, что за ерунду я несу? Какой стыд. Все будут смеяться над тобой, что ты делаешь? – шептал ядовитый голос в голове. Ага, попался, подумала я и принялась позорить своё лицо ещё сильнее.

– Теперь я – высшее существо, а ты – ничто передо мной.

Моё безликое величие растопчет тебя в пыль, ну же, приходи сюда к великому дереву Истока, трус поганый, и пусть весь мир увидит, как твоё жалкое «я» растворится в моём великом отсутствии. Но ты не придёшь. Потому что тебя просто нет.

Стоп. А вдруг он и вправду придёт и убьёт меня? Что же я делаю? Кажется, я не осознавала всей серьёзности ситуации. Тем временем трансляция стремительно набирала зрителей. Что же это я делаю? Жажда доказать свою правоту ослепила меня. Но, конечно же, я не потеряла лицо. Ещё нет. Как я осмелилась возомнить о себе...? Но было поздно. Чтобы немного успокоиться, я начала считать.

– Раз, два. Мальчик закрыл глаза...

Когда я открыла глаза, передо мной кто-то стоял. Кто-то в плаще, красном, как Антарес. Кто-то не имеющий лица. Как и все остальные. Как это я раньше не замечала, что лица людей не отличаются друг от друга? Мне казалось нереальной далекой фантазией, что раньше они отличались. У человека впереди в руках был пистолет, он молча направил его в меня. Надо было набрать 911, но вместо этого я потянулась за шокером, выронив телефон. Наверное, он провалился туда, в глубь корней, в ту же яму, из которой мальчик достал зеркало. Проклятая вещь, спустя тысячи лет эволюционировавшая в смартфон, была возвращена на место, успела подумать я и затем оказалась на земле. Подо мной образовывалась лужа тёплой алой крови, я не могла пошевелиться и почему-то

не чувствовала боли. Антарес сегодня ярче, чем когда бы то ни было. И крови много. Легенды не врут. Резко стало темно и мне захотелось спать.

Но, не успев заснуть, я открыла глаза. Уже наступила весна. На поле вокруг холма распускались белые нарциссы. Причём земля была стеклянной, и Дерево Истока росло корнями вверх. На ветках виднелись маленькие зелёные листочки. Я поднялась, ощущая потрясающую воздушную лёгкость во всём теле. У подножия дерева Истока стоял седой старик, в одной руке у него была коса, а другой он опирался на железный штырь с колокольчиками и привязанной к ним веревкой. Эта штукавина из средних веков, такую вот веревочку протягивали в гроб, чтобы покойник, в том случае если он вдруг не покойник, мог за неё дёрнуть и служитель кладбища смог услышать звон и спасти бедолагу. Всегда думала, что это бесполезная штука, созданная для успокоения людей с тяжёлой формой клаустрофобии, но... здесь она бесполезной не казалась. А старик пристально смотрел на меня, казалось, видя насквозь, и не шевелился. Я подошла ближе.

– Ты вернула инструмент? – спросил он.

– Да, – без колебаний ответила я.

– Клянёшься ли ты никогда больше не искать его?

– Да.

– Клянёшься ли ты не говорить другим о его местонахождении?

– Да.

– Клянёшься не желать возвращения лица?

– Да.

– Я могу отпустить тебя. На время. Но ты должна честно ответить на два вопроса. Во-первых, почему ты оказалась здесь?

Подумав, я ответила настолько честно, насколько могла:

– Помню, как-то раз мой сосед Шио сказал мне, что люди очень любят в своих глазах выглядеть хорошими. Я оказалась перед вами из-за собственного тщеславия и глупости. Хотела быть той, благодаря кому остановили серийного убийцу.

– Тогда второй вопрос: ради чего ты хочешь вернуться?

Я задумалась. И вправду, чего ради? Есть ли хоть одна действительно веская причина? Наверное, одна имеется.

– Отпусти меня, чтобы я могла помочь умным людям создать новый мир, в котором будут жить люди лучше меня.

Он отступил на шаг и убрал своё страшное оружие за спину, указав пальцем на штырь с колокольчиками. Я подошла к нему и дёрнула за верёвку, пространство заполонило белым густым туманом и колокольным звоном.

* * *

Когда я очнулась, я увидела белый больничный потолок с маленькими лампочками, из меня торчали какие-то трубки, я была привязана и не могла говорить, рядом что-то про-

тивно и громко пищало. На этот звук видимо сбежался медперсонал и стал что-то делать со мной. Они вытащили толстую трубку у меня из горла и попросили покашлять. Раздался какой-то собачий лай, и они довольно заулыбались. Мне сказали, что всё будет хорошо. Сказали, что убийца целился мне в сердце и я чудом выжила, потеряв много крови и впад в кому на несколько дней. Потом пришли другие люди, один из которых назывался Шио, моим соседом и ещё двое, назвавшиеся моими друзьями, Тиной и Лео, я спросила, разве на них не должно быть табличек с именами, как на других, что бы я могла их различить, они удивлённо округлили одинаковые лица, но спорить со мной не стали и вообще ничего не ответили. А затем пришел человек в полицейской форме, и попросил описать стрелявшего. Я не поняла его. Человек это был, говорю. Две руки, две ноги, голова. Что ещё ему сказать, в самом деле? Разве это не его работа – искать преступников? Да, ответил он, пообещал, что обязательно найдёт его, похлопав меня по руке. Хорошо, ответила я, просто замечательно, хотя мне было плевать. Я обратилась к фигуре, называвшейся Шио, в силе ли ещё его предложение присоединиться к проекту «Чистый разум»? Фигура утвердительно закивала. Я облегчённо облокотилась на подушку, а в голове всё одна мысль крутилась, о считалочке об этой. Думалось мне, у неё конец неподходящий. Я вот предлагаю такой финал:

Девять,
В час смерти славы людской,
Десять,
Мир да обрящет покой.